Л. М. КАПТЕРЕВ

НИЖЕГОРОДСКОЕ ПОВОЛЖЬЕ X–XVI ВЕКОВ

ОГИЗ 1939
ГОРЬКОВСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ЛИСТОК СРОКА ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач

0053

Выписано изъ лѣтописца шестыя
тысящи, о Нижнемъ Новѣ градѣ :

Влѣто ҂ѕѱк мъ году : Великий князь
Юрий Всеволодовичь, заложилъ градъ на
устье рѣки Оки, и нарече имя ему Новъ
градъ Нижний : и церковь постави в немъ
соборную архистратига Михаила древяную.
А владѣли тою землею погании, мордва.

Лѣта ҂ѕѱле мъ году : Великий князь Юрий
Всеволодовичь, в Новѣ градѣ Нижнемъ
заложилъ церковь каменную архистрати-
га Михаила : князь Юрий Всеволодовичь
поганую мордву согналъ о града, и жи-
лища ихъ и зимницы разорилъ. А Нижегоро-
дцкое, и Городецкое, и Великое княжение
бысть от Суждаля. И великий князь Конста-
нтинъ Юриевичь владѣлъ Нижнимъ и Го-
родецкимъ. И поделѣ русскимъ селитися,
по Оцѣ, и по Волгѣ, и по Кудмѣ, и на мо-
рдовскихъ селищахъ где кто нипохочетъ.
А у великого князя Константина дѣти,
Великий князь Димитрей Константиновичь
Великий князь Борисъ Константиновичь.
А у великого князя Димитрея Конста-

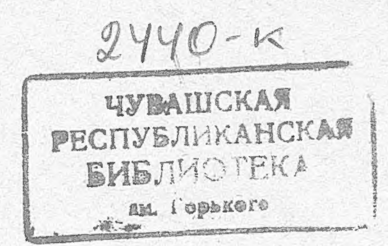
1-я страница „Нижегородского Летописца"

Л. М. КАПТЕРЕВ

НИЖЕГОРОДСКОЕ ПОВОЛЖЬЕ X–XVI ВЕКОВ

ОГИЗ 1939
ГОРЬКОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Нижегородское Поволжье X—XVI веков. *Л. М. Каптерев.* ОГИЗ. Горьковское областное издательство, г. Горький, 1939 г. Редактор *А. М. Селин.* Иллюстрации и переплет художн. *Ю. А. Порфирьева.* Технический редактор *Л. И. Немченко.* Корректор *В. М. Плотникова.* Сдано в набор 16|V—38 г. Подписано к печати 11|VIII—38 г. Формат бум. 60×88/16. Тираж 9.000. Бум. л. 5 13/16, изд. л. 11 5/8, уч.-авт. 15,11. Зн. в бум. л. 99 т. Инд. Эк-3-в. № 1104. Уполномоч. Обллита № 43.
Горьковский Полиграф, ул. Фигнер, 32.
Заказ № 7492.
Цена 3 руб.
Переплет 1 руб. 20 к.

ОТ АВТОРА.

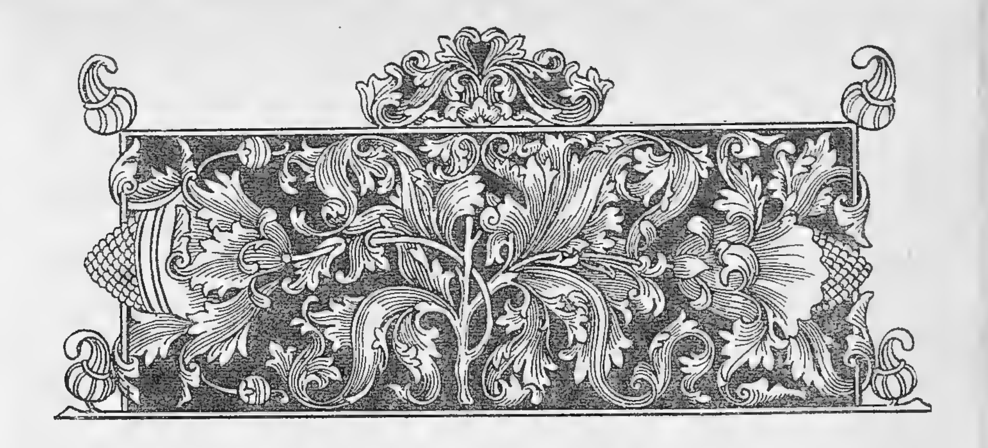
Первоначальный план этой работы намечался значительно шире — осветить раннюю историю не только Горьковской области, но и соседних автономных республик — Чувашской и Марийской. Но по некоторым, достаточно серьезным, причинам автор должен был сузить территориальный масштаб своего исследования до пределов современной Горьковской области.

Работая над книгой свыше трех лет, автор старался, по возможности, использовать все относящиеся к охватываемому периоду материалы, главным же образом первоисточники — характерные памятники материальной культуры, древней письменности, устного народного творчества и памятники языка.

Автор не ставил своей задачей дать полное и последовательное, шаг за шагом, изложение многосторонней истории области. «Нижегородское Поволжье X—XVI веков», — в сущности, ряд отдельных очерков, связанных, однако, общей мыслью и расположенных в последовательно хронологическом порядке.

Автор выражает искреннюю признательность всем, кто помогал ему советом, указанием или моральной поддержкой, и особенную благодарность — Горьковской государственной публичной библиотеке имени В. И. Ленина. Богатые книжные фонды библиотеки и неизменная готовность ее сотрудников быстро и полно удовлетворять запросы автора на литературу — много содействовали созданию настоящей работы.

ПРИРОДА.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ ДРЕВНЕГО ПОВОЛЖЬЯ. РАСТИТЕЛЬНЫЙ ПОКРОВ, ЖИВОТНЫЙ МИР И КЛИМАТ ПО ДАННЫМ ИСТОРИИ И ПАМЯТНИКАМ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ НОМЕНКЛАТУРЫ.

Если бы можно было возвратиться, примерно, на тысячу лет назад и взглянуть на территорию нынешней Горьковской области, то глазам наблюдателя представился бы почти сказочный для нашей современности географический ландшафт.

Леса, непроходимые и дикие, покрывали тогда Среднее Поволжье, сливаясь с необозримым лесным океаном, простиравшимся от берегов Балтики до Жигулей и от Белого моря почти до параллели Киева.

Среди полутаежных дебрей расстилались ржавые пятна огромных зыбких болот. Зеркала обширных, теперь большею частью заболоченных или же совсем исчезнувших, озер отражали небо и окружающие леса. Серебряные ленты Волги, Оки и их многочисленных притоков, более полноводных, чем в наше время, прорезывали во всех направлениях лесные массивы.

Левобережье—Заволжье и Заочье,—как и сейчас, было преимущественно царством хвойных пород—хмурой ели, пихты, сосны и лиственницы.[1]

По правобережью, на обширном пространстве между Волгой, Окой и Сурой, преобладали лиственные породы—дуб, клен, ясень, орешник, вяз, береза, липа, осина. Не мало, однако, было и дремучих сосновых боров. Местами держались и ельники, проникшие сюда с запада и юго-запада, главным образом по Кудьме и ее притокам. Теперь в этих, давно обжитых человеком и густо заселенных местах от ельников почти не осталось следа, кроме редчайших реликтов, да

сохранилось еще слабое географическое воспоминание в названии селения Ельни—вблизи г. Горького.

В первобытных хвойных дебрях иногда возникали стихийные пожары, и разбушевавшийся огонь пожирал огромные лесные площади. Тогда на удобренной золой и пеплом земле буйно разрастались лиственные породы. Они стояли два-три столетия, пока вновь не вытеснялись хвойными аборигенами. Так, вероятно, появились в XI—XII веках сплошные березники по правому берегу Оки, приблизительно между нынешними Богородским и Муромским районами Горьковской области. В далекую старину эта местность называлась «Березопольем». В XVII столетии это название уже не встречается, и вместо березовых лесов здесь стоят уже сплошные сосновые боры.

В южную часть области—современные Сергачский, Теплостанский и отчасти Лукояновский районы—проникал конечный язык юго-восточной русской степи*.

Правобережная часть области была, вероятно, значительно меньше, чем в наше время, изборождена оврагами, так как сплошной лесной покров достаточно хорошо защищал от размывания и выветривания почвы.

По берегам рек распространялись непролазные хмелевые заросли. О них говорят названия нескольких географических пунктов в области—Хмелевая поляна, Хмелеватово, Хмелево, Хмелино, Хмельниково, впадающая около Васильсурска в Волгу речка Хмелевка.

По нынешним незначительным остаткам трудно представить себе подавляющее величие первобытного леса, мертвенно тихого на поверхностный взгляд, но таившего в своих непроницаемых глубинах бесконечное разнообразие напряженной жизни. И, конечно, современная фауна области, очень бедная по сравнению с прошлым, не дает надлежащего представления о животном мире древности. Многие виды животных в настоящее время или совершенно истреблены, или же стали реликтовыми, удалившись в малодоступные дебри Севера.

По прибрежным лугам и поймам тогда паслись многочисленные стада туров**—громадных диких быков. Еще в XIII—XIV веках тур был довольно распространенным животным в Среднем и Верхнем Поволжье и излюбленным предметом княжеских и боярских охот. А Герберштейн*** видел живого дикого тура в XVI веке и оставил его описание и рисунок.

* Географический ландшафт этого южного уголка Горьковской области, возможно, разрешает вопрос о причинах спорадического поселения татар в Сергачском и соседних районах. Во второй половине XIII в., когда затих ураган монгольского нашествия на Русь, кочевники-монголы начали оседать на местах, наиболее отвечающих их исконным бытовым навыкам. В частности, одна какая-то группа кочевников облюбовала и этот «степной язык» и, вероятно, долго вела здесь полукочевой образ жизни, пока экономические и политические причины — размножение населения, оскудение кочевий, раздача московскими царями земель — не вынудили ее перейти к оседлости и занятию земледелием.

** Тур был представлен здесь двумя разновидностями — первобытный бык (*Bos primigenius*) и бык широколобый (*Bos priscus*).

*** Сигизмунд Герберштейн — цесарский посол при дворе великого московского князя Василия Ивановича III—был в Москве в 1517 и 1526 годах. Герберштейн написал свои знаменитые «Записки о Московитских делах» (*Rerum Moscovitarum Commentarii*), которые являются ценным материалом для изучения государственного строя, политических отношений, экономики и быта Руси XVI века.

Тысячи лосей, благородных и северных оленей и косуль пробивали тропы в лесах Поволжья. Лось и сейчас сохранился еще кое-где в заволжских лесах, но олень истреблен без остатка, и только названия нескольких селений—Оленевых и Олених—напоминают о былом существовании этого животного в пределах области.

Небольшие и спокойные речки перегораживались запрудами речных бобров, без остатка уничтоженных, вероятно, уже в XVIII столетии. Но еще в XVII веке бобры довольно часто встречались в Поволжье. «Бобровые гоны» упоминаются в завещательных и жалованных грамотах нижегородских князей и, как объект натурального обложения, очень часто в официальных местных документах XVII века—«Нижегородских писцовых книгах» и «Нижегородских платежницах». По грамоте московского великого князя Василия Димитриевича от 8 декабря 1393 года Нижегородским Спасскому и Благовещенскому монастырям отданы воды реки Суры и озера вблизи речки Курмышки вместе с «бобровыми гонами». Сейчас от всех этих «бобровых гонов» сохранились только отголоски в географической номенклатуре области — в названиях селений Бобровка и Бобровское в Дзержинском районе и Боброво—в Балахнинском.

По следам мирных животных шли многочисленные хищники — медведь, волк, «пардус»—рысь, россомаха, речная выдра и др.

Эти животные и сейчас встречаются, но уже как редкость, в Заволжье. В правобережье водится волк, но о прежнем распространении медведя напоминают лишь географические названия—Медвежий лог и Медведково в Б.-Мурашкинском районе и Медвежье—в Дзержинском.

В степной и лесостепной полосе во множестве водились красная и бурая лисица, в лесных трущобах—драгоценная черная и чернобурая. Меха знаменитых буртасских (мордовских) черных лисиц вывозились в Западную Европу, Византию и на далекие восточные рынки—в Иран, Месопотамию и даже в Индию*.

Миллионы белок—«вевериц» наполняли леса.

Неисчислимый птичий мир—глухари, рябчики, тетерева, куропатки, гуси, утки, лебеди и другая промысловая дичь водилась повсюду и мало даже привлекала внимание древних охотников и звероловов. Гораздо выгоднее было искать драгоценную пушнину, чем бить птицу.

В дуплах двухсот-трехсотлетних великанов-деревьев гудели рои диких пчел, собиравших тысячи пудов меда. О том, как велик был здесь медосбор даже в более позднее время—в XVII веке,— когда правобережье было довольно густо заселено и значительно поредели первобытные леса,— свидетельствуют «Нижегородские платежные

---

* Арабский путешественник Массуди (X в.) писал: «Черные лисицы, привозимые из земли буртасов [мордвы], представляют самые уважаемые и дорогие меха. Владетельные особы делают из них шапки и шубы и ценят весьма высоко».

Другой арабский автор, Ибн-Кхордатбег (ум. в 912 г.) писал: «Русские из племени славян вывозят меха бобров и чернобурых лисиц из самых отдаленных краев Славянской земли и продают их на берегах Румского [Греческого, Средиземного] моря».

книги». Общая сумма натурального обложения медом по одному только тогдашнему Нижегородскому уезду* и с одних только мордовских «бортников» (пчеловодов) исчислялась сотнями пудов.

Реки, полноводные и не загрязненные человеком, «кишмя кишели» рыбой. Пудовые осетры, саженные белуги, аршинные стерляди, белорыбица и баснословные полчища других пород рыбы были обычным явлением в наших реках.

Как велико было обилие дичи в лесах древней Руси, можно видеть из записок того же Герберштейна, а в особенности путешественника Махалона Литвина, посетившего Русь уже во второй половине XVI века. «Зверей здесь такое множество в лесах и степях»,— пишет Махалон Литвин,— «что дикие волы (Bisontes) и дикие ослы (Onagri) и олени убиваются только для кожи, а мясо бросается кроме филейных частей; коз и кабанов оставляют без внимания. Газелей [сайга?] такое множество перебегает зимою из степей в леса и летом из лесов в степи, что каждый крестьянин убивает тысячи. На берегах живет множество бобров. Птиц удивительно много, так что мальчики весною наполняют лодки яйцами уток, диких гусей, журавлей, лебедей и потом их выводками наполняются птичьи дворы. Орлят запирают в клетки для перьев к стрелам» **.

Правда, это писалось о Юго-Западной Руси, но в полной мере может быть применено и к Северо-Восточной, в частности, к Поволжью, за исключением разве только газелей и диких ослов.

Но как ни щедра была природа, климат был, вероятно, суровее современного, по крайней мере—резче разница между летними и зимними температурами.

О температурных контрастах — губительных летних жарах и невыносимых зимних морозах—сообщают и наши летописи и посещавшие Русь и Поволжье иностранцы.

«Повесть временных лет» (Лаврентьевский список) под 1223 годом отмечает: «Бысть ведро велие [т. е. сильная засуха] и мнози борове и болоты сгораху и дымове сильни бяху, якоже не видети человеком бе бо яко мгла прилегла и птицы по аэру [воздуху] не видяще летати, падаху и умираху, не видяще и бысть страх и ужас па всех» ***.

Под 1282 годом сообщается о страшной засухе в Поволжье и, как ее следствии—кошмарном голоде. «Бысть глад крепок по всей земли [Суздальской], якоже и дети своя ядяху».

В 1374-75 году была столь суровая зима, что небольшие речки промерзали до самого дна, птица замерзала налету, и даже тепло одетые люди погибали от холода.

В следующем, 1376 году Русь постигла такая засуха, что, по словам летописца**** «в Новгороде Великом река Волхов семь дней иде на вьспять, по третие лето уже так идяше». Эта засуха, заставившая реку Волхов «по третие лето» течь в обратном направлении, несомненно, распространялась широко и захватывала и Поволжье.

---

* В него входила большая правобережная часть бывш. Нижегородской губ.

** Цитировано по книге Н. Аристова—Промышленность древней Руси, Спб, 1866.

*** ПСРЛ, «Типографская летопись».

**** Там же.

Герберштейн рассказывает, что во второй его приезд в Московию, зимой 1526 года, стояли такие жестокие морозы, что земля трескалась от чрезмерного холода, а вода, выплеснутая на улице из ковша, замерзала, не достигая земли, и падала на поверхность уже льдинками. От холода просыпались медведи в берлогах и, побуждаемые голодом, приходили в селения, врывались в дома, а люди в страхе разбегались и погибали от непереносимой стужи.

Вот что сообщают нам летописцы и путешественники о климате древней русской земли. Конечно, мы должны критически относиться к этим сведениям и помнить, что летописцы и путешественники отмечали прежде всего поражавшие их явления и события, часто проходя мимо повседневных и более типичных.

* * *

Леса и леса — непроходимые и дикие, с неисчислимым звериным и птичьим населением и очень редким — человеческим. Такова «с высоты птичьего полета» природа Горьковской области в далекую старину.

В условиях полутаежного географического ландшафта жили обитатели Среднего Поволжья. Находясь на ранней стадии человеческой культуры, они не были, разумеется, победителями и хозяевами природы, в большой мере зависели от нее и свое несложное хозяйство строили так, как это обуславливала природная обстановка.

НАРОДЫ НИЖЕГОРОДСКОГО ПОВОЛЖЬЯ.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ—ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙШЕГО НАСЕЛЕНИЯ ПОВОЛЖЬЯ. СВИДЕТЕЛЬСТВО ЛЕТОПИСИ О НАСЕЛЕНИИ. МУРОМА И МЕЩЕРА, ИХ РАСПРОСТРАНЕНИЕ НА ТЕРРИТОРИИ ГОРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ. МОРДВА ПО ОПИСАНИЯМ ДРЕВНИХ АВТОРОВ. РАСПРОСТРАНЕНИЕ МОРДВЫ-ЭРЗЯ НА ТЕРРИТОРИИ ГОРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ ПО ДАННЫМ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ НОМЕНКЛАТУРЫ. ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ, КУЛЬТУРА И БЫТ МОРДВЫ-ЭРЗЯ ПО МАТЕРИАЛАМ ИСТОРИИ И ЯЗЫКА.

Сто лет назад известный русский ученый, критик и публицист Н. И. Надеждин писал: «Земля есть книга, где история человечества записывается в географической номенклатуре». Эта глубокая и верная мысль вполне подтверждается историей Горьковской области.

При взгляде на географическую карту области невольно бросается в глаза обилие географических названий—рек, озер, урочищ, населенных пунктов—нерусского происхождения. Они пестрят не только в национальных автономиях, до 1937 года входивших в состав бывшего Горьковского края, что было бы вполне естественно, но в местностях со сплошным русским населением. Они встречаются всю-

ду—в пределах бывшей Нижегородской губернии, в присоединенных к области отрезках бывших Владимирской и Костромской губерний. Волга, Ока, Кудьма, Керженец, Китеж, Муром, Вад, Арзамас, Пурех, Хохлома, Пунерь, Шава, Ардатов, Лукеево, Ляписи, Вередеево, Сарандор, и так без конца,—все эти названия—очень ценные и выразительные документы. Они свидетельствуют о том, что раньше здесь обитали разные племена, оставившие воспоминание о себе в пережившей их географической номенклатуре.

Русские также с незапамятных времен жили на территории Горьковской области, но наша «русская», хронологически записанная, история освоения Среднего Поволжья охватывает всего лишь восемь—девять последних столетий. А до этого была еще другая, многовековая, но нигде почти не зафиксированная история, читаемая только по памятникам материальной культуры, языка да смутных преданий.

Кто же были древние обитатели Горьковской области?

Не касаясь данных доисторической археологии, обратимся к свидетельству лишь писаной истории и памятников языка.

Один из древнейших наших исторических источников—«Повесть временных лет» (XI в.)—вполне определенно говорит, кто в далекую старину заселял Верхнее и Среднее Поволжье и водораздел между бассейнами Балтийского, Белого и Каспийского морей... «На Белозере седят Весь, а на Ростовьском озере Меря, на Клещине озере Меря же; по Оце реце, где потече в Волгу, Мурома язык свой и Черемиси язык свой, Мордва свой язык. А вси инии языци, иже дань дают Руси: Чюдь, Меря, Весь, Мурома, Черемись, Мордва, Пермь, Печера, Ямь, Литва, Зимигола, Корсь, Норова, Либь (Ливь), си суть свой язык имуще»*.

Нас интересует не весь летописный синодик этих, большею частью уже исчезнувших, народностей, но лишь те из них, что жили, по указанию летописи, на территории, занимаемой современной Горьковской областью. Это—мурома и мордва, а кроме них—хотя и не упоминаемое летописцем, но все же оставившее некоторый след в истории общерусской и местной, областной—племя мещера.

«По Оце реце, где потече в Волгу, Мурома язык свой». По топографии расположенных в Муромском районе древних могильников, приписываемых археологами племени мурома, можно заключить, что это племя занимало небольшую сравнительно территорию по левому берегу Оки. Самое название мурома, с окончанием «ма» (река, вода на языках местных народов), показывает на расселение племени по берегам рек—единственных во времена седой древности путей сообщения.

Муромы среди списка живых народностей сейчас нет, она исчезла почти бесследно. Нет, однако, никаких оснований утверждать, как это позволяют себе некоторые «левые» историки, что мурома истреблена русской княжеско-завоевательной экспансией в Поволжье. Вернее всего, что это маленькое племя совершенно растворилось в пришедшей сюда еще задолго до завоевательного периода мирной славяно-русской колонизационной волне. Память о себе мурома оставила лишь

---

* Лаврентьевская летопись, т. I, вып. 2.

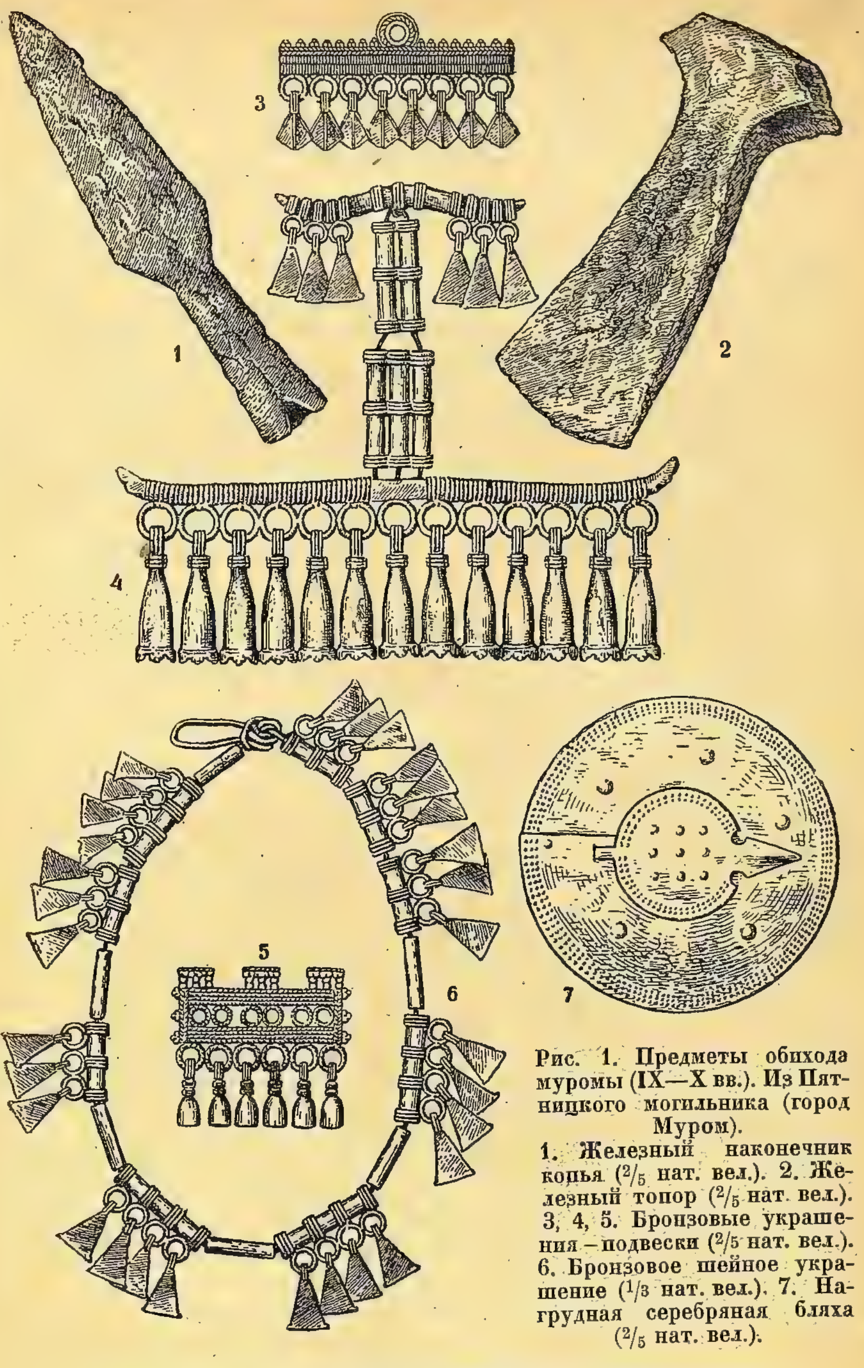

Рис. 1. Предметы обихода муромы (IX—X вв.). Из Пятницкого могильника (город Муром).

1. Железный наконечник копья ($^2/_5$ нат. вел.). 2. Железный топор ($^2/_5$ нат. вел.). 3, 4, 5. Бронзовые украшения – подвески ($^2/_5$ нат. вел.). 6. Бронзовое шейное украшение ($^1/_3$ нат. вел.). 7. Нагрудная серебряная бляха ($^2/_5$ нат. вел.).

Рисунки с натуры по экспонатам Горьковского областного музея.

в двух-трех кратких заметках летописца да в наименовании Мурома — древнейшего города Горьковской области.

Также поглощена ассимиляцией, славяно-русской и татарской, и другая народность Окского бассейна и Волжско-Окского междуречья — мещера. Она когда-то заселяла северную часть бывшей Рязанской губернии, север Тамбовской, юго-запад и запад нынешней Горьковской области. Земли, занятые поселениями мещеры, в древней Руси назывались «Мещерской областью», а административный термин «Мещерские волости» встречается еще в официальных актах XV-XVI веков. И даже и сейчас север бывшей Рязанской губернии в просторечьи зовется «Мещерской стороной» — географический архаизм, уже не оправдываемый современной действительностью и вряд ли даже кому теперь понятный.

О мещере упоминается в договоре великого князя московского Димитрия Ивановича (Донского) с великим князем рязанским, Олегом Ивановичем (1381 г.). «...А что купля великого князя мещера, как было при Александре Уковиче,— то князю великому Димитрию, а князю великому Олгу не вступаться в тот розъезд»... Таким образом, земли рязанской мещеры были приобретены Димитрием Московским и, конечно, вместе с населением.

Из сохранившихся в исторических документах, а также из дошедших частично и до наших дней географических названий — можно проследить распространение мещеры в пределах Горьковской области.

Современный Горбатов в старину назывался «Мещерской Поросльью», а около него и сейчас находятся деревня Мещерская и урочище Мещерские горы. На территории бывшей Нижегородской ярмарки расположено озеро Мещерское. Селения, расположенные вверх по р. Везломе, в просторечьи называются общим именем «Мещера». Наконец, из этого же этнического источника происходила небезызвестная в свое время фамилия князей Мещерских.

Таким образом, на основании историко-географических «межевых знаков» можно предполагать, что мещера обитала по Оке, начиная от Горбатова и до впадения ее в Волгу и по левому берегу Волги, в пределах нынешних Городецкого и Семеновского районов.

Если мурома и мещера почти не отразились в нашей истории, то мордва, можно сказать, вросла в историю Горьковской области от начальных ее истоков и до современности. С мордвой соприкоснулись первые, безвестные и мирные, русские колонисты Поволжья. С нею же позднее столкнулась и жестоко боролась на протяжении столетий и русская феодально-завоевательная колонизация.

Эта широко распространенная и стойкая народность отмечается на страницах истории, уже начиная с шестого века новой эры.

Готский историк VI века Иорданес (Jordanes), — кстати сказать, неправильно именуемый Иорнандом,— в числе покоренных готским королем Эрманарихом племен упоминает Mordens (морденс—мордва)*. Конечно, вряд ли когда-нибудь среди подвластных Эрманариху народов находилась мордва, но здесь важно самое упоминание об этой народности.

---

* Jordanes — De origine actibusque Getarum (Иорданес — О происхождении и деяниях готов).

О стране «Μορδία» (Мордия), находившейся между землями печенегов, славян и волжских булгар,— писал византийский император Константин Порфирородный (905—959 гг.).

На фоне русской историографии мордва впервые появляется в самом начале XII века. Под 1103 годом Лаврентьевская летопись отмечает неудачный поход на мордву муромского князя Ярослава Святославича: «Бися Ярослав с мордвою месяца марта в 4 день и побежден бысть Ярослав».

Рассказы наших летописцев, обычно лаконические, сообщают лишь о княжеских походах на мордву, о разорении мордовских селений и истреблении жителей, о захвате «полона» и ничего не говорят о быте этой народности.

Более обстоятельные сведения о древней мордве сообщает Вильгельм де Рубрук — голландский монах, миссионер и путешественник — в своей книге «Путешествие в восточные страны Вильгельма де Рубрук в лето благости 1253-е». «...Из Руссии», — пишет Рубрук,— «из Мокселя [Maxel — мордва — мокша] из Великой Булгарии... привозят дорогие меха разного рода, каких я никогда не видал в наших странах»... И дальше, в главе «О стране Сартаха и об ее народах», говорит: «Эта страна за Танаидом * очень красива и имеет реки и леса. К северу находятся огромные леса, в которых живут два рода людей, именем Моксель, не имеющие никакого закона, чистые язычники. Города у них нет, а живут они в маленьких хижинах в лесах... Если к ним прибудет купец, то тому, у кого он впервые пристанет, надлежит заботиться о нем все время, пока тот пожелает пробыть в их среде... В изобилии имеются у них свиньи, мед и воск, драгоценные меха и соколы. Среди них живут другие, именуемые Merdas [Мердас — мордва], которых латиняне называют Merdinis [мердинис], и они сарацины. За ними находится Этилия **. Эта река превосходит своею величиною все, какие я видел, она течет с севера, направляясь из Великой Булгарии к югу, и впадает в некое озеро, имеющее в окружности пространство [пути] в четыре месяца» [Каспийское море].

Несмотря на некоторые неточности (как, например, отнесение мордвы и мокши к разным народностям), простительные для иностранца, впервые посещающего страну, языка которой он не знает,—показания Рубрука, однако, очень ценны. Он сообщает не фантастические, а близкие к действительности сведения о занимаемой мордвою территории, сведения о хозяйстве, быте, истории. Утверждение Рубрука, что мордва — все «сарацины» (т. е. мусульмане) — также могло иметь некоторое основание. Мордва долгое время находилась в вассальном подчинении волжским булгарам и под их культурным воздействием, и, возможно, что были отдельные случаи принятия мусульманства более зажиточными слоями мордвы, имевшими с булгарами торговые связи. И, может быть, даже не так уже беспочвенна приводимая местным историком Храмцовским *** леген-

* Танаид, Танаис — древнее название Дона.

** Этилия, Этель, Итиль — старинное, средневековое название Волги. Еще более древнее название — Ра. По-эрзянски Волга — Рава.

*** Н. Храмцовский — Краткая история и описание Н. Новгорода.

да о жившем на месте нынешнего г. Горького мордовском князьке с арабско-мусульманским именем Абрам или Ибрагим.

Четырьмя, говорящими на разных наречиях, племенами представлена мордва — мокша, эрзя, каратаи и терюхане. Предметом данного исследования является племя эрзя, заселявшее в древности правобережную часть нынешней Горьковской области и заселяющее отчасти и сейчас южную окраину области.

Целый ряд сохранившихся до наших дней географических названий свидетельствует о широком распространении на территории области этого племени в древности — от Оки до Суры на восток и от берегов Волги — до южных границ области. Названия эти носят следы позднейших — русских и татарских — языковых воздействий, иногда почти неузнаваемо искажены в официальном и бытовом обиходе. Но подобно тому, как геология, вскрывая позднейшие напластования, добирается до древнейших слоев, так и филология или, точнее, палеонтология языка открывает древние словообразования, очищая их от более поздних наслоений и филологических искажений.

Вот несколько примеров филологических «раскопок» в области эрзянской географической номенклатуры.

Название всем известного города Арзамаса — не что иное, как искаженное, отатаренное наименование древнего эрзянского городка «Эрзе-Маз». Маз — красный, в целом «Эрзе-Маз» — «красный (красивый) город племени эрзя». И даже еще в XVI веке Арзамас не считался русским селением и в официальных документах назывался «Мордовским Арземасским городищем». Название Ардатов происходит от сочетания эрзянских слов «арда» — пойди и «тов» — туда, «Пойди туда», возможно в память какого-нибудь значительного, а потом забытого события в местной эрзянской жизни. Из слов «верь» — кровь и «тиима» — делать, в общем сочетании — «село делающего (проливающего) кровь» — впоследствии в русском обиходе, получилось малопонятное название Вередеево.

Название реки Кудьмы сложилось из слов «куд» или «кудо» — дом, изба и «ма» — река, вода, т. е. река, протекающая по заселенному (застроенному домами — кудо) месту. От слов «чувар» или «шовар» — ступа и «лей» — овраг или речка с крутыми берегами, произошло название Чуварлей — «овраг, похожий на ступу». «Алутер» — от «алу» — вниз и «тердима» — звать, в целом «река, зовущая вниз», в отатаренном произношении превратилось в совершенно бессмысленное название Алатырь. Керженец — левый приток Волги — от эрзянского прилагательного «керже» — левый. Название расположенного невдалеке от г. Горького, на правом берегу Волги, селения Кстова происходит от эрзянского «ксты» земляника, т. е. «место, обильное земляникой». Мушкалей — от слов «мушке» — пенька и «лей» — овраг, в общем сочетании — «овраг, где мочат пеньку». Салавирь — от «салай» — похититель и «вирь» — лес, т. е. «лес, где совершались похищения».

На Волжско-Окско-Сурском междуречьи эрзянских названий множество, и очень показательно, что они не имеют характера сплошного распространения, а представляют как бы географиче-

скую мозаику среди вполне русской номенклатуры. Причины этого будут указаны ниже.

На места прежнего обитания мордвы, помимо эрзянской географической номенклатуры, указывают также и многочисленные русские названия — Мордовское, Мордовка, Мордвинцево, Мордовщики и пр.

* * *

Потоком истории — то медленным и спокойным, то стремительным и бурным — почти бесследно поглощены две народности Горьковской области — мурома и мещера. От этих, стертых процессом ассимиляции, племен не осталось ни бесспорных и в достаточной степени достоверных памятников материальной культуры, ни сведений об их общественном строе и бытовом укладе, ни хотя бы фрагментов языка. Наши летописи сообщают, и при этом очень скупо, лишь о былом существовании муромы и мещеры, а географическая номенклатура говорит только о местах их обитания. И поэтому вместо широкого историко-этнографического полотна приходится ограничиваться небольшим эскизом — кратким очерком жизни древней мордвы-эрзя. В распоряжении исследователей имеется для этого достаточный археологический, исторический и филологический материал.

Можно, впрочем, допуская аналогию, составить приблизительное представление о жизни муромы и мещеры по материалам древнемордовского быта. Основанием для такой аналогии могут служить близкое этническое родство членов волжских народностей, их географическая смежность, вполне вероятные сношения и взаимное культурное воздействие.

* * *

На необозримом лесном океане маленькие островки — отвоеванные у дебрей поляны. Среди них беспорядочно разбросаны первобытные жилища — эрзянские «кудо». В архитектурном облике этих построек чувствуется еще отзвук архаического жилья древней, охотничье-кочевой эпохи*.

В «кудо» — или земляной пол, или же грубо обтесанный бревенчатый настил. Свет проникал через подобие окон — маленькие квадратные отверстия с натянутым, вместо стекол, бычьим пузырем. Жилье обогревалось каменным очагом с дымовым окошечком около него, вместо дымоходной трубы.

Пяток — десяток «кудо» составляли селение — «веле», иногда огражденные рвом, земляным валом и бревенчатым частоколом. Это те самые, упоминаемые в летописи, «тверди», где отсиживалась и оборонялась от вражеских нападений мордва-эрзя... «Муромский князь Гюрги Давыдович, вшед в землю Мордовскую, Пургасову волость, пожгоша жита и потравиша и скоты избиша, полон послаша назад, а мордва вбегоша в лесы своя, в тверди, а кто не вбегл, тех избиша наехавши Гюргеви молодии» (Лаврент. лет., 1228).

---

* Жилища с вертикальными стенами появились позднее, уже после поселения в эрзянских землях русских, и у последних заимствованы не только тип постройки, но даже и самый термин «стена». Самостоятельного слова, обозначающего понятие «стена», — на эрзянском наречии нет.

Около селений—примитивно возделанные огороды.

В XII—XIII веках мордва-эрзя занималась охотой, рыболовством, бортевым пчеловодством и земледелием. Сеяли хлеб на выжженных и освобожденных от леса участках, возделывая землю ручным способом—мотыгой и лопатой. Возможно, что кое-где пользовались и лошадиной силой и пахали землю жердью с острым ковыряющим почву суком. На это указывает обозначающий пахоту эрзянский глагол «сокарямс», буквально—копать, ковырять.

До знакомства с русскими соха вряд ли бытовала у эрзи. Соответствующее понятию «соха» слово отсутствует в эрзянском лексиконе, и омордовлённое «сока» достаточно ясно говорит, что этот термин внедрился в эрзянском обиходе одновременно с самим орудием — сохой—уже после прихода сюда русских пахарей.

Из земледельческих орудий, помимо лопаты и мотыги, эрзе были известны серп, короткая коса и цеп-молотило.

Судя по вещественным памятникам материальной культуры и языковым показателям, эрзя сеяли пшеницу, овес, ячмень, горох, гречу, просо, коноплю*. Но культуры ржи и льна до соприкосновения с русскими — не знали. На это указывают «эрзянские» названия ржи и льна, они звучат совсем по-русски—«розь», «лен», «лианос». Эти культуры, несомненно, заимствованы от русских, вернее всего—от выходцев из Новгородско-Псковской земли, где с незапамятных времен сеяли «жито»-рожь и лен-долгунец. С северо-запада, вероятно, пришла также и репа, называемая по-эрзянски «репе» **.

При первобытном способе огнево-подсечного земледелия эрзя не знали удобрения пашен. А когда через несколько лет истощенная почва переставала давать урожаи, они бросали и пашни и свои убогие «кудо», и расчищали из-под леса новые поляны.

Мельниц ни водяных, ни ветряных не было, и зерно размалывали на ручных мельницах, употребляя для жерновов крепкие местные песчаники и известняки. Эрзя держали лошадей***, коров, овец, свиней, разводили домашнюю птицу—куриц, гусей, уток.

Реки были главными, если только не единственными, путями сообщения древней эрзи. По ним передвигались летом на лодках — долбленках, зимой — на санях. Интересно отметить в эрзянском названии саней—«нурдт» родство с «нарт» (сани) у вогул.

Эрзя, правда, употребляли еще и другой «экипаж» для перевозки тяжестей — «ажья» (оглобли), иными словами—волокушу. Но телег, а следовательно и колесных дорог, в эрзянских дремучих лесах не знали. Эрзянское название телеги—«айдёр» не что иное, как омордовленное наименование русской телеги «одёр», проникнувшей в Поволжье вместе с русским населением. На это же указывает и эрзянское название колес—«чары»,—видоизмененное русское слово «шары».

Эрзя не чужды были и торговле, но здесь они, вероятно, играли

---

* Для обозначения этих культур в эрзянском наречии имеются собственные названия: пшеница — «тов-сюро», овес — «пинеме», ячмень — «пуж», горох — «кенав», «снау», греча — «ликше», просо — «суро», конопля — «канфт».

** Репа была излюбленной овощью в древней Руси, а на северо-западе в Новгородско-Псковской земле были большие поля — «репища».

*** Лошадей, повидимому, было мало. На войне эрзя всегда сражаются пешими против конных княжеских дружин.

пассивную роль и едва ли имели в своей среде профессиональных купцов. Мордовские владения были богатым источником разнообразного сырья. По многочисленным водным путям, главным образом по Волге, Оке, Суре, проникали в затерянные в лесных дебрях эрзянские «веле» предприимчивые купцы из различных стран — византийские, «фряжские», булгарские, русские, хозарские, а, может быть, и из более далеких земель. Отсюда вывозили они мед, воск и драгоценную пушнину — меха прославленных еще в глубокой древности черных и чернобурых лисиц, черных «буртасских» соболей, бобров, речных выдр, белок.

Торговля имела частью меновой, а частью уже покупной, с денежными расчетами, характер. В обмен на свое сырье эрзя получали металлические изделия — топоры, земледельческие орудия, оружие, посуду, а также разнообразные украшения и ткани. О существовании денежной торговли свидетельствуют находимые в древних мордовских могильниках («марах») серебряные арабские диргемы и даже монеты более ранних эпох — римских цезарей Траяна, Адриана, Марка Аврелия, Веспасиана, Тита. Но едва ли эти иностранные монеты обращались, как деньги в общепринятом их значении, на внутреннем мордовском рынке, если только такой рынок вообще существовал при натуральном хозяйстве эрзи. Вернее всего — эти монеты применялись в качестве украшений*.

Общественный строй мордвы-эрзя до освоения Поволжья русскими — это сочетание уже отмиравшего древне-родового уклада с зарождающимся феодализмом.

Во главе дома-«кудо» стоит старший по возрасту мужчина. Семьи, образующие селение-«веле», возглавляются старшим в роде. А роды, если и не объединяются политически, то все же находятся в подчинении местным князькам-«прявтам». Прявт считает определенную территорию уже своим владением и собирает с местного населения дань. К нему стекалась львиная доля богатств эрзянской земли, и он, вероятно, был главным поставщиком сырья для иноземных купцов.

Прявты-князья, в свою очередь, находились в вассальной зависимости от могущественного и богатого волжского государства — Великого Булгара.

К началу XIII века у мордвы-эрзя было два, враждовавших между собою, прявта: Пургас, владевший землями к югу от реки Пьяны, и Пуреш или Пурес — от Пьяны до Волги. Может быть, впрочем, Пургас и Пуреш даже не личные, а родовые имена, и летописец, возможно, недостаточно отчетливо разбирался в эрзянских именах и социально-бытовой терминологии**.

* При археологических раскопках эрзянских «маров» - могильников обнаружен очень небольшой и несложный ассортимент украшений. Кроме монет, найдены шейные бронзовые, медные и серебряные украшения в виде змей, нанизанные на тонкую медную проволоку бусы из разноцветных стекол и шлака, грудные и поясные трех- и четырехугольные бляхи.

Остатки женских скелетов говорят о внимательном уходе за косой. Каждая коса была навита на деревянную палку, сверху же обмотана медной или серебряной проволокой, а иногда еще упакована в бересту.

** Память о Пургасе сохранилась в названии селения Пургасова, в пределах Мордовской республики (б. Темниковский у., Тамбовск. губ.). В Горьковской области и теперь есть фамилия Пуресовых.

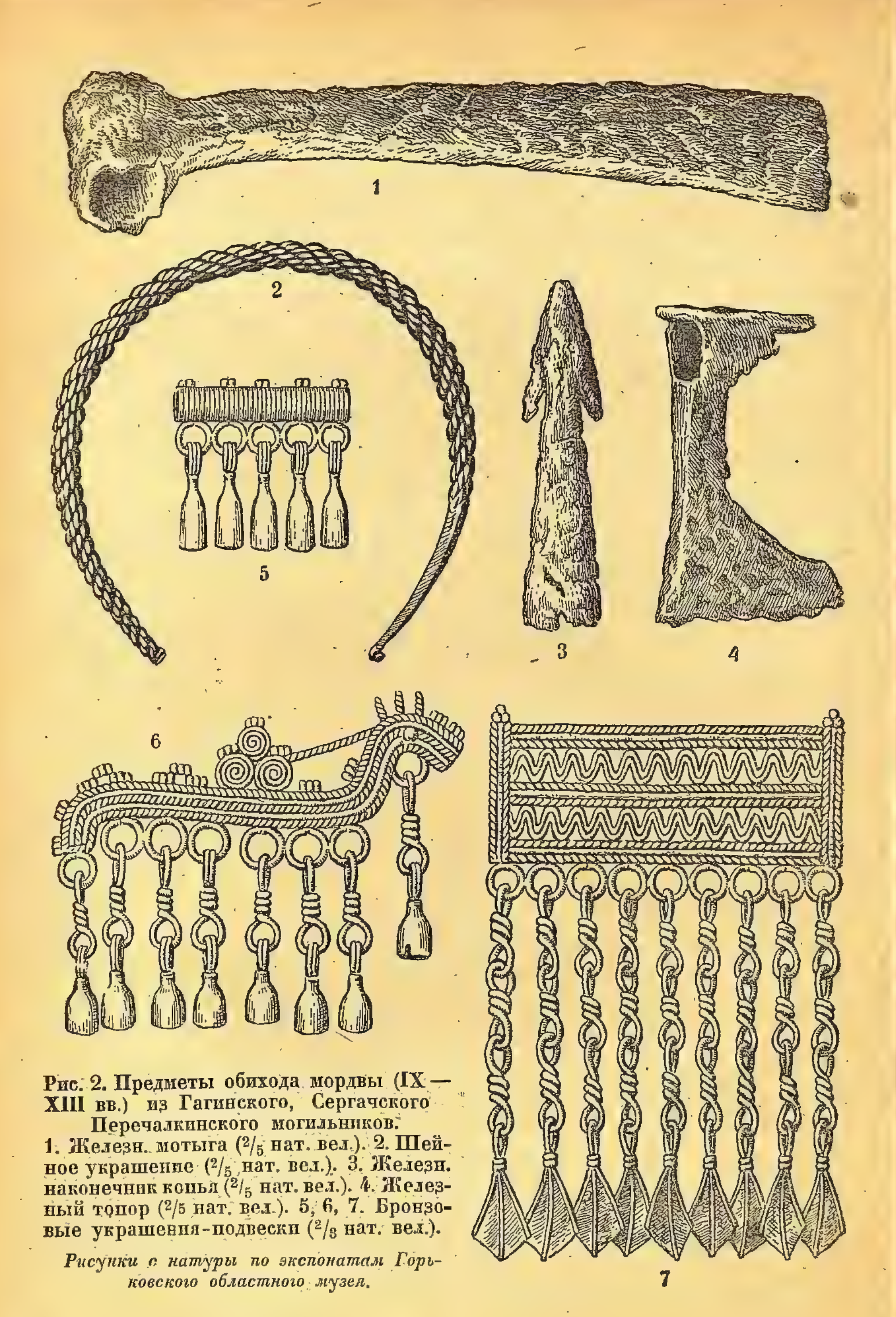

Рис. 2. Предметы обихода мордвы (IX — XIII вв.) из Гагинского, Сергачского Перечалкинского могильников.

1. Железн. мотыга ($^2/_5$ нат. вел.). 2. Шейное украшение ($^2/_5$ нат. вел.). 3. Железн. наконечник копья ($^2/_5$ нат. вел.). 4. Железный топор ($^2/_5$ нат. вел.). 5, 6, 7. Бронзовые украшения-подвески ($^2/_3$ нат. вел.).

Рисунки с натуры по экспонатам Горьковского областного музея.

Если основываться на филологических данных и эрзянские слова — «пеже» — батрак и «важо» — работник* считать словами древнего происхождения, то можно предполагать, что зажиточные слои эрзи пользовались наемным или даже кабальным трудом. Но это предположение, разумеется, очень гадательно.

Религиозные верования древней эрзи — первобытный анимизм. Одухотворяется и обожествляется природа — таинственная, непонятная и неразгаданная первобытным опытом и мышлением, порою благосклонная и щедрая, порою пугающе-грозная природа. Весь видимый мир, отдельные явления и силы природы, даже отдельные предметы — являются местом обитания невидимых божеств — властителей и покровителей — бесконечный пантеон божеств — «азар» и «ава», божества всего мира, неба, земли, воды, грома, леса, земледелия, плодородия, пчеловодства, домашнего очага, кладбищ и пр.

«Азар» — обозначение божества мужского рода, добавление — «ава» характеризовало божество женского рода. Напр. «Вирьазар» - бог лесов, «Вирьазарава» — богиня лесов, «Ведьазар», «Ведьазарава» — бог и богиня воды, «Вармазар», «Вармазарава» — бог и богиня ветра, «Юртазар», «Юртазарава» — бог и богиня, охраняющие домашний очаг, «Чам-Пас» — верховное божество, создатель мира, всех прочих божеств и человеческой души.

Человек создал своих богов по своему образу и подобию, и поэтому божества эрзянского пантеона добродушны, как и сами эрзя, миролюбивы и не кровожадны. Они не требуют кровавых человеческих жертвоприношений и довольствуются тем же, что любят и употребляют их почитатели — пивом («пуре»), медом, различной едой. Жертвенные приношения употребляются божествами лишь символически — за них охотно, среди общего веселья, ели и пили сами верующие, обычно на местах погребения или же в священных рощах.

Наряду с обожествлением природы и ее сил и явлений, существовал еще культ предков. Смерть, по представлению эрзя, не была полным уничтожением человека, а только переходом в другой неизвестный мир, где отошедшие от земной жизни сохраняли все свои земные потребности и привычки. При раскопках древне-эрзянских курганов и могил, вместе с человеческими скелетами найдены скелеты лошади, глиняные и медные сосуды с органическими остатками, зернами пшеницы, конопли и других злаков, железные, медные и каменные топоры и наконечники дротиков и стрел, металлические и стеклянные украшения, бронзовые и железные серпы, угли, остатки шерстяных войлоков-подстилок, полуистлевшие деревянные гроба-колоды.

Эрзя не знали особой касты жрецов. Культовые обряды совершались старшими в роде.

Религиозные верования эрзи не являются неповторимо оригинальными, они очень схожи с культами других народностей, находившихся на приблизительно одинаковой ступени культуры и живших в аналогичных естественно-географических условиях.

Много общего с мордовским было и в культе древних славян.

* «Пеже» буквально значит подпора, в переносном значении — подпора хозяйства.

Разница часто заключается только в названиях и объясняется свойствами языка. Иногда это сходство выражается даже в мелочах. Так, например, в феврале, когда солнце «с зимы поворачивает на весну», — и эрзя и славяне-русские на празднике весны пекли блины, горячие и круглые, — символ горячего и круглого солнца.

Общественные моления и культовые праздники эрзи были преимущественно связаны с периодическими явлениями природы — началом весны, полным пробуждением природы от зимнего сна и безмолвия и вместе с этим — началом весенней пахоты, с наступлением лета, окончанием жатвы и началом осени и т. д.

Из глубин туманно-мифических веков дошли почти до нашей современности некоторые обрывки ритуала древне-языческих молений эрзи и, можно предполагать, в почти неповрежденной чистоте первобытного творчества. Для примера приведем очень характерные церемонии общественных молений на «Празднике мертвых» и «Кереметн» («Кереметь-озск»). Оба эти праздника совершались поздней весною, когда освобожденная от снегового покрова и согретая майским солнцем земля ждала пахаря.

«Праздник мертвых» справлялся в каждом доме. На пороге «кудо» зажигалась восковая свеча, а снаружи, перед порогом, ставились различная еда и напитки. Жители маленького селения - «веле» становились, с угощением в руках, перед избой, и седой патриарх — глава «веле», среди торжественного молчания обращался к «отошедшим в далекую страну» предкам:

«Прадеды и прабабушки, услышьте нас, стряхните с себя прах земной и приходите к нам на праздник. Для вас мы блины пекли, пуре (пиво) варили. Соберите всех своих родных и приходите. Может быть, среди вас есть безродные, которых некому позвать, возьмите и их вместе с собою, чтобы и они не остались без угощения. У нас всего много, всем с избытком хватит—вот боченок пива, вот горшок каши. Мы приготовили вам место для отдохновения, приходите, после еды отдыхайте тут»*.

После этого обращения к предкам взрослые жители селения-«веле» входили в дом - «кудо». Старший зажигал около приготовленной для предков постели «атянь-штатол», громадную восковую «свечу предков». В строгом молчании усаживались обедать, мужчины—за «стол прадедов», женщины—за «стол прабабушек». Во время обеда отщипывали для умерших кусочки еды и бросали их на пол.

По окончании обеда переходили к следующему «кудо», снова повторяя и там всю церемонию. И, наконец, обойдя все «кудо», отправлялись всем селом, с припасами, к «жилищу предков»—на кладбище и здесь съедали и выпивали все принесенное. Уходя, прощались со своими предками: «Оставайтесь, живите дружно и мирно и не приходите, пока мы сами не позовем вас».

Приуроченный к началу весенней пахоты праздник «Кереметь-озск» также сопровождался общественным угощением, но формула моления была иная. Старший в роде, обратившись лицом на восток, произносил:

---

* Сборник «Религиозные верования народов СССР», т. I.

«Тебе мы молимся, кормилец, с печеным хлебом, с яичницей из белых яиц, с мясом живой души,—коровьим и овечьим. Молимся, поклоны кладем низкие. Ты прими наши поклоны, услышь нас чутким ухом твоим, взгляни зорким глазом твоим, выгляни в светлое окно твое, дай нам урожай хлеба, что посеют в землю, какое зерно бросят,—дай им широкий корешок, толстую соломушку, длинный колосок, полное зернышко. Дай дождя сверху, теплую росу—снизу. Просим у тебя долгий, светлый день. Молимся об урожае хлеба, о размножении скота, молимся за дожидающихся и растущих, за неисчерпаемое изобилие и богатство. Молимся, эрзянский обряд совершаем. О чем просим, то нам дай, чего боимся, от того сохрани. Храни нас в темную ночь, храни и в светлый день—от плохого часа твоего, от дующего ветра твоего».*

После троекратной молитвы-заклинания начиналось общее пиршество, и затем назначался день выезда на пашню и выбирался из среды мужчин тот, кто должен был первым начинать пахоту.

Летом справлялся праздник «Букань-озск» — бычье моление. В обряде участвовали одни только мужчины, собираясь в поле. Резали быка, варили и ели мясо и запивали крепкой брагой—«пуре». Сила божества, дающего урожаи, измерялась крепостью «пуре», сильная «пуре» — и бог сильный, и урожай будет сильный.

Благополучие дома и двора испрашивалось у богини, «содержащей корень дома»,—Юртавы: «Содержащая корень дома, Юртава, богиня срезанного обрубка, будь на дворе, сама смотри за скотиной, будь для нее как стена, наставь меня на разум, на каждое дело, огради от злого человека, от огня, наставь меня на разум, на всякое дело»**.

* * *

Древняя первобытная культура эрзи, весь общественный и бытовой уклад были накануне великих сдвигов и перемен. С запада надвигалась новая культура — славяно-русская. Она шла первоначально медленными и тихими шагами вместе с мирным русским колонистом-смердом, а потом уже более быстро проникала с княжеско-завоевательными походами.

---

* Сборник. «Религиозные верования народов СССР», т. I.

** Там же.

«ПУРГАСОВА РУСЬ»

ПРОНИКНОВЕНИЕ В МОРДОВСКОЕ ПОВОЛЖЬЕ ПЕРВЫХ СЛАВЯНО-РУССКИХ НАСЕЛЬНИКОВ. ИСХОДНЫЕ ПУНКТЫ И ПУТИ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ, ПРИЧИНЫ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ И ПЕРВОНАЧАЛЬНАЯ ТЕРРИТОРИЯ МИРНОЙ СЛАВЯНО-РУССКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ. ДРЕВНЕЙШИЕ РУССКИЕ СЕЛЕНИЯ В МОРДОВСКОЙ ЗЕМЛЕ. КУЛЬТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ, ВНЕСЕННЫЕ В МОРДОВСКО-ЭРЗЯНСКИЙ БЫТ КОЛОНИСТАМИ.

Если основываться на показаниях одних только письменных исторических источников, то к концу XII века крайними восточными пунктами русских владений в Нижегородском Поволжье были — Городец-Радилов (Радислав) на Волге и Муром на Оке — одинокие аванпосты феодальной Руси. А дальше простиралась уже «земля поганьская»*, куда эпизодически, время от времени, проникали только княжеские дружины. И только в первой четверти XIII столетия, с основанием Нижнего Новгорода, русские князья встали твердой ногой на Средней Волге и отсюда уже двинулись дальше на восток, юг и юго-восток.

В действительности же славяно-русское проникновение в Среднее, Мордовское Поволжье началось еще задолго до княжеско-завоевательной колонизации. Но его начало не только не отмечено какой-либо определенной датой, но даже совсем не замечено нашими летописцами. Это, впрочем, естественно, так как наши летописцы — представители господствующего класса — повествовали только о своих героях, о деяниях и ратных подвигах князей и бояр, о жизни и «чудесах» святых, о необычайных явлениях. И такое незначительное событие, как проникновение в мордовские владения русских мужиков — мирных, невооруженных — не могло привлечь их внимания.

Действующие лица первого акта истории русской колонизации Среднего Поволжья — неизвестны. Но можно безошибочно определить, к какому социальному слою они принадлежали и какие причины и цели побудили их притти сюда, в «места поганьские». Они, эти безвестные герои нашей истории, не мечтали ни о завоеваниях, ни о богатой добыче, не стремились пробиться к далеким восточным рынкам, не думали о захвате торговых путей или ключей к этим путям. Они искали другого — вольных земель для мирного сельского труда, независимой от князя-хозяина, спокойной жизни.

Это были хлебопашцы-смерды**, и шли они сюда из двух географически различных пунктов — из Киевской Руси и из Суздальской и Новгородско-Псковской земель. За это говорят памятники географические, экономико-бытовые и языковые.

---

* Заимствованное от латинского paganus — чужой, язычник; выражение «поганый» употреблялось в древней Руси не в оскорбительном понимании «нечистый», «грязный», а смысле «чужой», иноверный.

** Смерды — крестьяне-земледельцы, а первоначально — землевладельцы в древней Руси. Смердами считались только «вольные» земледельцы, находившиеся не в рабском состоянии, а в политической и экономической зависимости от князя-феодала или его бояр и старших дружинников. Они платили князю дань и по его зову входили в состав войска.

Жизненный нерв Киевской Руси — Балтийско-Черноморский водный путь «из варяг в греки» — во второй половине XII столетия начал замирать под непрерывным натиском кочевников-половцев. Вследствие раздробления Киевского княжества, набегов кочевников, хищнического грабежа князей и бояр, еще больше разорялась Киевская земля. Разорялись деревни — экономическая основа Киевской Руси, забрасывались и пустели поля, и пахарь-смерд, экономически и политически придавленный, покидал дедовские насиженные места и уходил искать новые, более спокойные. По Оке и ее притокам проникал он сюда, в исконные владения мордвы.

По верхней Волге и левым притокам Оки шли суздальцы, новгородцы и псковичи — все к тем же заманчивым мордовским землям. И их также гнал сюда гнет княжеской и боярской верхушки.

Откуда и какими путями достигали до русских смердов вести о мордовских землях — неизвестно, но смерды шли безошибочно и попадали, куда нужно.

Проникновение русских пахарей-смердов в мордовские и мещерские земли не носило враждебного к коренному населению, завоевательного характера, оно было совершенно мирным. Новоселы шли сюда не вооруженными отрядами, а небольшими группами или даже отдельными семьями, из года в год просачиваясь по водным артериям в Волжско-Окско-Сурское междуречье. О том, что переселение шло не массовыми и стремительными потоками, а тонкими струйками, постепенно и спорадически, — свидетельствует местная географическая номенклатура. Русские названия идут не сплошной полосой, а перемешиваясь и чередуясь с мордовскими. Так, например, в Ардатовском районе, Горьковской области, 18 крупных населенных пунктов носят русские названия и 11 пунктов — мордовско-эрзянские; в Арзамасском районе — на 12 русских названий приходится 14 мордовских; в Б.-Мурашкинском — 9 русских и 16 мордовских; в Лукояновском соотношение — 7 и 12; в Сергачском — 16 русских и 8 мордовских.

Пришельцы селились, несомненно, с согласия местного населения, может быть, заранее договаривались через ходоков и прекрасно уживались с мордвой. Характер русско-мордовских добрососедских взаимоотношений очень красочно отражен в сложившейся, возможно уже в более позднее время, русской пословице: «с боярами знаться честно (т. е. почетно), с попами свято, а с мордвой хоть и грех, да лучше всех». Это была мудрая народная оценка княжеско-церковной политической агитации против «поганой мордвы».

Как давно началось проникновение в мордовские земли славяно-русского населения? На это имеются некоторые, правда, очень смутные, указания в той же географической номенклатуре.

Недалеко от Мурома, к северо-востоку от него, на правом берегу Оки расположено селение Волосово. При произношении этого названия сейчас ударение делается обычно на первом слоге. Но возможно, что правильное ударение давным-давно забылось, а первоначально это название произносилось с ударением на втором слоге — Воло́сово, в честь древне-славянского языческого божества Велеса или Воло́са, покровителя охоты, скотоводства и торговли.

Отзвук языческой древности слышится и в названии Дивеева,

районного центра в южной части Горьковской области. Возможно, что это географическое имя происходит от древне-русского мифического «Дива». «Див кличет верху древа, велить послушати земли незнаеме, Волзе и Поморию и Посулию и Сурожю и Корсуню и тебе, Тьмутараканьский больван!» («Слово о полку Игореве»).

В таком случае можно допустить, что основание этих селений относится к очень давнему времени, когда у официально «крещеных» русских были еще свежи языческие культовые традиции. Многие селения Правобережья, как уже старинные русские, упоминаются в самых ранних «Писцовых книгах» XV в.

Вопрос о территории, где, именно, рассаживались безвестные пионеры славяно-русской колонизации, возможно, разрешается как раз тем самым «темным» местом Лаврентьевской летописи, над пониманием и толкованием которого беспомощно разводили руками Храмцовский и другие местные историки. Под 1229 годом в Лаврентьевской летописи значится: «Месяца апреля придоша Мордва с Пургасом к Новугороду и отбишася их Новгородци. И зажегши монастырь святое богородици* и церковь, иже бе вне града, того-же дни отъехоша прочь, поимав своя избиенные болшие. Того же лета победи Пургаса Пурешев сын с половци и изби Мордву всю и Русь П у р г а с о в у и Пургас едва вмале утече».

Может быть, вот эта-то таинственная «Пургасова Русь» и состояла из первых русских колонистов, поселившихся на землях мордовского прявта Пургаса — по рекам Теше, Пьяне и Сереже. Возможно, что за период длительного сожительства с мордвой русские подверглись некоторому воздействию обратной ассимиляции, «омордовились», чем, вероятно, и объясняется спокойно-безучастное сообщение летописца о них, как о чужих людях.

Названия первых русских поселений на территории Горьковской области обычно связаны с тремя моментами: характеристикой урочища, где основано селение — «Сосновка», «Дубовка», «Липовка»; географическим положением — «Заозерье», «Засережье»; личным именем небесного патрона — «Никольское», «Богородское», или же именем «засельщины» — первого поселенца — «Захарово», «Давыдово» и т. п.

Как уже было отмечено, русские названия населенных мест все время чередуются с мордовскими: Ройка и рядом с нею Борисово, Ватома и Матвейка, Пумра и Блины, Ляписи и Красногорка. Все это показатели первоначального мирного сожительства русских и мордвы.

Не отмеченные ни историей, ни народной памятью русичи-новоселы, можно предполагать, произвели первый сдвиг в быту и хозяйстве эрзи.

Они пришли сюда с сохой и внедрили в сельскохозяйственный обиход эрзи это несложное, но все же более совершенное, чем первобытная мотыга, орудие. Тогда-то, вероятно, мордовский лексикон и пополнился новым словом «сока».

Выходцы из Новгородско-Псковской земли — родины знаменитого

* Благовещенский монастырь, основанный почти одновременно с Нижним Новгородом. «Церковь вне града» — первая церковь, построенная за пределами кремля - детинца, на посаде.

льна-долгунца — ввели, возможно, культуры льна и ржи, а киевляне могли быть зачинателями культурного садоводства.

Русские колонисты привезли также и свою нескладную, но крепкую телегу — одёр (переиначенную на языке эрзи в «айдёр») и, прорубаясь от урочища к урочищу, от деревни к деревне, настилая слани через «затресья» — болотные трясины, — проложили в девственных эрзянских лесах первые колесные дороги.

Но вместе с телегой долго — еще целые столетия — бытовала и волокуша. Недаром в былине «Вольга Всеславьевич и Микула Селянинович» Микула говорит:

«А я ржи накошу
Да во скирды сложу,
Во скирды сложу,
Домой выволочу»...

Т. е. снопы вывозились с поля для молотьбы на гумне не на колесах, а выволакивались на волокуше. Колесные дороги прокладывались исподволь, десятилетиями, по мере роста населения и освоения таежных дебрей.

Русские ставили здесь свои, правда, еще черные* бревенчатые избы и крытые дранью** дворы, и их крепкие хозяйственные постройки казались, вероятно, настоящими теремами по сравнению с эрзянскими полуземлянками - «кудо». Архитектурные формы русских построек, несомненно, усваивались и мордовским населением, и пережиток древнего охотничье-кочевого быта — коническая «кудо-юрт» — начала постепенно заменяться избой русского типа.

Возможно, что даже такая житейская мелочь, как гребень, заимствована мордвой от русских новоселов. На это указывает эрзянская загадка: «Поверх дома (головы) скользит русская женщина» (гребень).

Проникнув в мордовские дебри, русские пахари-смерды должны были, применяясь к местной географической обстановке, вести такое же, как и мордва-эрзя, подсечное сельское хозяйство. Они поднимали целину, выжигая и расчищая под пашни вековые леса. Названия селений—Опалиха, Опалева, Гари—являются отзвуком этой упорной борьбы пахаря с лесом. Впрочем, для северян — суздальцев, новгородцев и псковичей — подсечное хозяйство было делом привычным. Они были искони «огнищанами»*** и на своей покинутой родине всегда боролись с лесом. И здесь, вероятно, пошла в ход «соха-огнищанка» — с прямым, удобным для перескакивания через корни, лемехом. Эта соха еще в средине минувшего XIX столетия бытовала в лесных районах Верхнего Поволжья, в частности, в присоединенных к Горьковской области Кологривском и Мантуровском районах быв. Костромской губ.

---

* Черные избы — с печами без дымоходных труб, заменявшихся дымовым оконцем.

** Дрань, драница — нетесанные кровельные доски из расщепленных, разодранных во всю длину сосновых или еловых бревен.

***«Огнищане» (по Татищеву—«огневщина»)—крестьяне-земледельцы, расчищающие и выжигающие под пашню лесные дебри; «огнище»—выжженный и приготовленный для пашни участок. По другому объяснению, «огнищанами» назывались зажиточные землевладельцы, близкие князю.

Былина «Вольга Всеславьевич и Микула Селянинович» дает яркую картину тяжелого труда ратая — пахаря, распахивающего девственную, нетронутую сохой землю:

«Орет * в поле ратай, понукивает,
Сошка у ратая поскрипывает,
Омешки по камешкам почеркивают...
С краю в край бороздку пометывают;
В край он уедет — другого не видать;
Коренья, каменья вывертывает,
А великое-то каменье в борозду валит»...

«Ратай» старался возможно больше отвоевать земли у леса, расчищая и распахивая площади — «сколько соха хватит». Народу было мало, земли — много.

По технике это хозяйство мало чем отличалось от эрзянского, за исключением сохи и деревянной бороны. Никакого удобрения древне-русский хлебороб не знал. В русских письменных памятниках до XV века нигде нет ни малейшего намека на удобрение.

Неудобряемая земля кормила пахаря недолго. Через пять-шесть лет он вынужден был бросать свои «ро́счисти» и «ро́здерти», отыскивать где-нибудь поблизости новое «займище» ** и здесь опять начинать привычную борьбу с лесными трущобами. Если же и возвращался на старое место, то лишь через десяток лет, когда отдохнувшая от изнурительных посевов земля восстанавливала утраченное плодородие.

Сельское население древней Руси, вследствие примитивной техники сельского хозяйства, было очень подвижным. Об этом очень красноречиво говорят официальные документы даже более позднего времени. В «Писцовых книгах» и «Платежницах» ежегодно отмечалось громадное количество как брошенных крестьянами селений и пашен — «пустошей», «селищ», «деревнищ», так и появление новых населенных пунктов — «починков», «новоселков» и т. п., выраставших не за счет притока новых жителей. Конечно, здесь играли заметную роль и другие причины — частые вражеские набеги и разорения, попытки укрыться в малодоступных местах от взимателей княжеской дани, но главной причиной частых перемещений была все-таки низкая техника сельского хозяйства.

* * *

«Пургасова Русь» — эти неизвестные выходцы с юго-запада и северо-запада русской земли — не были ни колонизаторами, ни обрусителями. Они не преследовали каких-либо политических задач, а стихийно, «сами по себе» шли в малозаселенные, гостеприимные эрзянские земли и пускали здесь крепкие корни.

* «Орет» — от древне-русского глагола «орати» — пахать, отсюда «ратай» — пахарь. От этого же корня происходит название селения Оранки — распаханное (повидимому, среди дремучего леса) место, «раль», «ролья» — пашня.

** «Росчисти» — от слова расчищать леса; «роздерти» — слово, показывающее, как пахарю приходилось продираться сквозь дебри, раздирать их огнем, топором и сохой. «Займище» — место, предназначенное для расчистки под пашню.

Может быть, принося в первобытный эрзянский уклад новую славяно-русскую культуру, они в свою очередь и сами усвоили из местной эрзянской культуры все, что было веками испытано, выгодно и необходимо в местной обстановке.

Вполне возможно, что эти первые русские колонисты смешивались с мордвой, но все же это было уже вполне русское ядро или, вернее, спорадические пятна на основном эрзянском фоне. Показателем этого служит летописный термин «Пургасова Русь», а также живучесть русской географической номенклатуры, дошедшей через столетия до нашего времени.

«ПЕРЕДНИЕ» РУССКИЕ ГОРОДА.

ДРЕВНЕЙШЕЕ НАСЕЛЕНИЕ МУРОМА. ОБРАЗОВАНИЕ МУРОМСКОГО КНЯЖЕСТВА, ХРИСТИАНИЗАЦИЯ И АССИМИЛЯЦИЯ МУРОМЫ И МЕЩЕРЫ. МУРОМСКИЕ КНЯЗЬЯ. ТОРГОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДРЕВНЕГО МУРОМА. ОСНОВАНИЕ ГОРОДЦА — АВАНПОСТА ВЛАДЕНИЙ РУССКИХ КНЯЗЕЙ НА ВОЛГЕ. СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ГОРОДЦА. ЕГО ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ НАСЕЛЕНИЕ. ОСНОВАНИЕ ГОРОДЕЦКОГО ФЕОДОРОВСКОГО МОНАСТЫРЯ.

На протяжении восьми столетий, отделяющих нас от начала писаной истории Горьковской области, и при наличии лишь весьма скудных и не всегда согласных между собою источников, определить древние политические границы Среднего Поволжья—не легкая задача. И это тем более затруднительно, что очертания как государственных владений, так и национальных территорий в это, полное войн и набегов, время были очень неустойчивы и неясны.

Но все же можно бесспорно сказать, что крайними восточными пунктами русских владений в Поволжье были «передние русские города»—Муром на Оке и Городец-Радилов (Радислав) на Волге.

Время основания Мурома неизвестно, но, несомненно, далеко выходит за пределы нашей истории не только писаной и документированной, но даже и легендарной. Уже под 862 годом Муром упоминается в летописи, как владение первого русского князя Рюрика, получившего город в свои руки после смерти брата Синеуса. Первыми насельниками города были, по словам летописи, мурома, а варяги — «находници», появившиеся в Муроме, уже позднее.

Некоторые полагают, что Муром был даже стольным городом Рюрика, но это едва ли верно. Столицей Рюрика,—постоянной его резиденцией,—если только можно говорить об «оседлости» авантюриста-викинга,—была сначала Старая Ладога, где существуют даже развалины «крепости Рюрика», а затем Новгород. Отсюда этот князь предпринимал походы по различным направлениям — и по «пути

из варяг в греки», и по рекам Волжского бассейна — для собирания дани со славянских и поволжских племен и для захвата самого ценного на тогдашних рынках товара — рабов, «челяди». В Муроме Рюрик бывал, вероятно, только временами, а его княжескую власть и «порядок» поддерживала постоянно находившаяся здесь его дружина, те, именно, «находници», о которых говорит летописец.

В 988 году — знаменательном году принудительного крещения языческой Руси — Владимир Киевский («святой») дает муромский княжеский стол своему сыну Глебу*. Осуществляя политику своего отца, Глеб начал крестить в своем Муромском княжестве как русское, так и не русское население. Это было, вероятно, началом культурной и этнической ассимиляции, быстро и бесследно поглотившей мурому и мещеру.

Муромское княжество за все время своего двухсотпятидесятилетнего существования не было вполне самостоятельным. Оно зависело то от черниговских, то от рязанских, то от владимирско-суздальских князей.

Из муромских князей, кроме первого—Глеба, княжившего с 988 по 1016 год, известны: Мстислав Владимирович (1025—1034 гг.), Давид Святославич (1087—1094 гг.), Изяслав Владимирович (1095—1098 гг.), Константин Святославич (с 1098 г.), Ярослав Ярославич (до 1129 г.) и другие. Все это, в большинстве, были бесцветные личности, не оставившие заметного следа в истории и обычно упоминаемые летописью в связи со смертью кого-нибудь из них, или же как участники предпринимаемых по инициативе других, старших князей походов. Из них наибольшую популярность посчастливилось приобрести предпоследнему муромскому князю, Давиду Юрьевичу (1202 — 1228 гг.). По преданию Давид еще до унаследования княжеского стола женился на простой крестьянке, дочери «древолазца»-бортника, вылечившей княжича от какой-то злокачественной болезни. Муромская дружинная знать была возмущена этим «неравным браком», и когда, по смерти отца, Давид получил княжество, родственники и бояре потребовали от него или расторжения «унизительного» брака, или же отказа от княжения. Давид выбрал последнее и стал жить простым человеком. Но вскоре в Муроме началась борьба боярско-дружинных групп, и его вновь призвали княжить, уже безоговорочно. И Давид и его жена под старость приняли монашество и были канонизированы русской церковью**. История с браком Давида—характерная иллюстрация социальных граней и контрастов феодальной Руси. Женитьба князя на дочери смерда подрывает социально-бытовые устои, стирает ревниво охраняемые сверху границы между «черной» и «белой» костью. И не даром княжеские и боярские верхи создали свою классовую пословицу — «смерда взгляд — пуще брани».

Благодаря выгодному положению на большом и оживленном водном пути, Муром уже в княжение Глеба Владимировича был значи-

---

* Вблизи Мурома находится селение Глебовка, вероятно, связанное с именем первого русского князя Глеба Владимировича, возможно, когда-то его личное имение.

** «Сказание о Петре и Февронии Муромских», составленное на основе древнего предания.

тельным по количеству населения городом и крупным торговым пунктом. Здесь встречались «торговые гости» Киевской и Северо-Восточной Руси, Иранско-Месопотамского востока, Византии, Сурожа* и Фряжских земель (западно-европейских стран).

В начальный период своей многовековой жизни Муром, как резиденция русского князя, состоял из центрального кремля-«детинца» и расположенных вне кремлевских стен посада «торговых гостей» и слобод ремесленников и рыбаков.

Первый кремль был, вероятно, деревянным, как и в большинстве тогдашних русских укрепленных городов,— с глубоким рвом, валом, дубовым тыном — частоколом, с боевыми башнями, с «проезжими» в первом этаже-«накате» воротами. Впоследствии, вместо деревянного, был сооружен каменный кремль, который в «Писцовой книге» 1637 года описывается в виде неправильного четырехугольника, с «глухими» и «проезжими» башнями, с общим протяжением стен в 559 «печатных» сажен. В средине XVIII столетия каменный муромский кремль за ветхостью был разобран.

Стены муромского «детинца» не раз оглашались гулом сражений и освещались заревом пожаров, истреблявших дотла посад и слободки. В 1088 году Муром был взят и разграблен волжскими булгарами. Через семь лет — в 1095 году — в едва оправившийся от булгарского разорения город нагрянула дружина Мономахова сына Изяслава. Мономахович, добыв в бою муромский стол, княжил здесь три с лишком года. Но самыми страшными и опустошительными были три татарских нашествия — в 1239, 1281 и 1293 годах, когда почти поголовно вырезывалось и уводилось в плен население и город превращался в пепелище.

Второй «передний» город — Городец - Радилов значительно моложе Мурома. Основание его относится к 1152 году и приписывается энергичному строителю русских городов в Верхнем Поволжье—суздальско-владимирскому великому князю Юрию Владимировичу Долгорукому. Его длинная рука протянулась и туда, где, по преданию, стояло черемисское (марийское, вероятнее—мещерское) селение Малый Китеж, расположенное между Волгой и одноименным озером — в средине современного Городца. Наименование свое Волжский Городец получил в память принадлежавшего Юрию Днепровского Городца, откуда он был изгнан своим племянником Изяславом. Возможно, впрочем, что на месте Городца или же рядом находилось уже более раннее русское поселение, потом слившееся с новым городком, на что указывает двойное имя Городец-Радилов (или Радислав).

Поставленный на рубеже чужой, «поганьской» земли, молодой Городец уже с первых дней стал грозной твердыней княжеского владычества на Волге. Окруженный глубоким рвом, высоким земляным валом, с возведенными над его гребнем крепкими дубовыми стенами и боевыми башнями, он господствовал над окружающей местностью — и над Волгой и над левобережной равниной.

Даже и сейчас остатки городецкого вала, сооруженного почти

---

* Сурож — старое, средневековое название Судака на Черном море. До XVI века Сурож-Судак был крупным торговым центром юга.

восемьсот лет назад, поражают своей монументальностью. Вал, по местному городецкому названию «соп» или «штап», тянулся вокруг древного Городца приблизительно километра на полтора [2].

В центре Городецкого кремля была построенная в честь Михаила Архангела деревянная церковь. Знаменательно, что князья-основатели многих северно-русских городов и колонизаторы дебрей неизменно посвящали первые церкви «небесному полководцу»—архистратигу Михаилу.

Устроив и укрепив Городец, Юрий Долгорукий «посадил» сюда своего сына Мстислава — Василия — первого городецкого удельного князя (1155 — 1171 гг.).

Первоначальное население Городца — разноплеменный конгломерат. Тут были и мещера, и мари, и русские вольные и невольные поселенцы, и различный «полон» — половцы, булгары, мордва, водворенные здесь еще Юрием Долгоруким. Василий Юрьевич, получивший за участие в походе Андрея Боголюбского на Булгарскую землю в 1164 году большую добычу и многочисленный «полон», поселил пленников в Городце и увеличил его население почти вдвое. Воспоминание о первых насельниках—полоняниках сохранилось в названии Городецкой слободки «Полонки», искаженной потом в обывательском употреблении в «Полянку».

Одновременно с городом-крепостью, под надежной защитой его стен и башен, основывается Городецкий Феодоровский монастырь. Соседство военной крепости и монастыря, тесное сотрудничество церкви и князя—обычное и характерное явление древне-русской политической и общественной жизни. Монастыри того времени играли роль колонизационных баз. Феодоровский монастырь энергично начал внедрять христианство среди населения, используя различные приемы, вплоть до «чудотворных» икон.[3]

Такова краткая биография двух «передних» русских городов — Мурома и Городца—этих феодально-княжеских трамплинов, откуда делались походы на земли булгар и мордвы.

РУСЬ И БУЛГАР.

БУЛГАР, ЕГО ТЕРРИТОРИЯ И ГЛАВНЫЕ ГОРОДА. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ СТРОЙ, ХОЗЯЙСТВО И КУЛЬТУРА БУЛГАРА. ВОЕННЫЕ СТОЛКНОВЕНИЯ И КУЛЬТУРНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ БУЛГАРА И РУСИ.

Государство волжских булгар занимало огромное пространство — от Оки до «Каменного пояса» (Уральский хребет) с запада на восток и от рек Вятки и Средней Камы до Жигулей и истоков Дона — с севера на юг.

На исторической сцене Булгарское государство появилось в VIII веке н. э. и существовало почти до средины XIII века.

Булгары волжские большинством исследователей считаются тюрк-

Рис. 3. Развалины «Белой палаты» в Булгаре Великом.
По рис. Н. Чернецова (1838 г.).

ской народностью, а некоторые буржуазные историки неосновательно признают их предками современных чувашей. Но едва ли можно говорить об этнической цельности и единстве древнего Булгара, так как за шесть веков существования этого государства его основное национальное ядро прошло через сложный и многообразный процесс смешения с другими народностями и исчезло как цельная и ясно выраженная народность.

По рекам Волжско-Камского бассейна были расположены многочисленные и многолюдные булгарские города. На берегу Волги, недалеко от слияния ее с Камой, около нынешнего Спасского затона, стоял Булгар Великий или, по географической терминологии русских летописей, «Бряхимов Славный» — столица государства и его культурный центр, город в период своего расцвета с пятидесятитысячным населением. К востоку от Булгара Великого и к югу от современного Чистополя, на берегу Малого Черемшана (Черемисана), находился Биляр или Бюляр — теперешний Билярск. В тридцати—сорока километрах к югу от Булгара, на берегу Волги, расположен был Сувар или Сивар. На Каме, несколько выше устья Вятки стоял богатый торговый город Ошел или Ашли. На Волге, при впадении в нее реки Сундовика (там находится теперь Лысково), был городок Сундавит. Кроме этих городов, в рассказах арабов и в русских летописях упоминаются: Асбал (Эсбель), Бассов, Марха, Арнас, Керменчук, Тухчин, Исады, но местонахождение их точно не установлено.

О государственном и социальном строе Булгара до нас дошло немного сведений, главным образом через арабов. Арабские путешественники и географы — Ибн-Даста, Ибн-Фослан, Ибн-Хадколь, Абдул-Гамид-Андалуск, Абу-Абдаллах-Гарнати—лично посещали Булгарское государство и оставили его описания, дошедшие до нас, к сожалению, лишь в отрывках.

Одно из самых ранних и наиболее подробных известий сообщает

Ибн-Даста (начало X века). В своей «Книге драгоценных сокровищ» он пишет: «Булгар граничит со страною Буртас (мордва). Живут булгары на берегах реки, которая впадает в Хозарское (Каспийское) море и прозывается Итиль [Волга], протекая между странами хозар и славян. Царь булгар, Альмут по имени, исповедует ислам. Страна их состоит из болотистых местностей и дремучих лесов, среди которых они и живут. Хозары ведут торг с булгарами, равным образом и руссы привозят к ним свои товары. Все, которые живут по обоим берегам реки, везут к булгарам свои товары, как-то: меха собольи, горностаевы, беличьи и другие... Булгары народ земледельческий и возделывают всякого рода зерновой хлеб, как-то: пшеницу, ячмень, просо и др. Булгары производят набеги на буртасов, грабят их и увозят в плен. Они имеют лошадей, кольчуги и полное вооружение. Подать своему царю они платят лошадьми и другим. От всякого из них, кто женится, царь берет себе по верховой лошади. Когда приходят к ним мусульманские купеческие суда, то они берут с них десятину. Одежда их похожа на мусульманскую, равным образом и кладбища их — как у мусульман. Главное богатство их составляют куньи меха. Чеканной монеты своей у них нет, звонкую монету заменяют им куньи меха, каждый мех равняется двум диргемам с половиною. Белые [серебряные] диргемы приходят к ним из стран мусульманских, путем мены за товары».

Составленное из многих, национально, экономически и культурно различных областей, Булгарское государство возглавлялось «владовцем», как называют его наши летописи, или ханом, резиденция которого была в Булгаре Великом. Но почетная власть «владовца» ограничивалась действительными вершителями судеб государства — правящим классом из разноплеменных землевладельцев, купцов и промышленников. В больших же городах были свои местные «владовцы», не всегда подчинявшиеся центральной власти. Булгарское царство по своему социальному строю представляло собою феодальное государство.

Географическое положение Булгара — между Уральским хребтом, Каспийским побережьем и Восточно-Русской равниной, густая сеть больших и оживленных водных путей, плодородные земли по Средней и Нижней Волге, тучные пастбища и обильные драгоценным пушным зверем леса — все это в общей сложности определяло характер и направление хозяйства страны. Главные его отрасли — земледелие скотоводство, торговля и очень развитая по тогдашнему времени ремесленная промышленность.

Булгар издавна славился обилием хлеба и не раз выручал голодающую от неурожая Русь. Под 1024 годом Летопись сообщает: «Бе бо мятеж и глад по всей той земле [Суздальской], идоша по Волзе и привезоша жито и тако ожиша».

Особенно высоко была развита торговля. Через Волгу и Каспийское море Булгар отправлял в Среднюю Азию, Иран, Хорезм, Мавараннахр, Месопотамию, Аравию и даже далекую Индию — дорогие меха, кожи, мед, воск, лес и прочее сырье, получаемое как из своих земель, так и из Руси. В обмен на это с Востока шли драгоценные камни — «дивен áнфракс-камень» (рубин), «иакинф учеремень» (красноватый камень), «скатен» (круглый) жемчуг, бисер, золотые и

серебряные изделия — знаменитое в археологии Сассанидское серебро, стеклянные изделия, «шелка шемаханские», шерстяные и хлопчатобумажные ткани, парча, фрукты, пряности и вина. Через посредство расторопных булгарских купцов все эти экзотические редкости расходились по Руси, Сибири и Прибалтийским странам.

Булгар был также крупным невольничьим рынком, а главным поставщиком живого товара являлись киевские и владимирско-суздальские князья и новгородские ушкуйники. Захваченный в войнах и набегах «полон» — мордва, половцы, «черемись» (марн) и свои русские — отправлялись через булгарские рынки в далекие восточные страны, и не раз, может быть, грустная песня марийца, мордвина или русского раба-смерда звучала над опаленными солнцем равнинами Ирана и Месопотамии.

За шестивековой период самостоятельного существования Булгара его культура достигла большого расцвета. Этому способствовали постоянные непосредственные связи Булгара с арабскими халифатами. Булгары совсем не были варварами, как отзывается о них С. М. Соловьев, ставя их рядом с первобытной мордвой. Среди них высоко были развиты науки, в особенности математика и астрономия, писались капитальные исторические работы. Так, например, по словам арабских авторов, кади (судья) Великого Булгара, Якуб-Ибн-Номан, живший во второй половине XII века, написал обширную «Историю Булгар» («Тарих Булгар»). Это произведение до нас не дошло.

Искусные булгарские зодчие славились далеко за пределами своей страны, и русские князья, преимущественно северные, часто пользовались их услугами. Весьма возможно, что именно через Булгар проникла в древне-русскую церковную архитектуру восточная форма шатра на восьмигранном основании, водруженном на кубе.

Богатства Булгара возбуждали аппетиты еще первых русских князей — и южных и северных.

Из Киевской Руси проникали сюда по трем направлениям Днепровско-Волжского пути. Первый — по Днепру, Десне, Сейму и Свапе, затем через короткий волок — по Оке и Волге. Второй путь — Днепр, Десна, волоком на приток Оки, — Угру и дальше — по Оке и Волге. Третий вариант — по Днепру до его верховьев, волоком до Гжати и потом по Волге.

Дружины северных князей и новгородские ушкуйники спускались по Верхней Волге и ее притокам, по Клязьме и Оке и по Вятке.

Многочисленные флотилии разнообразных судов — ладьи, учаны, струги и кербасы — шли по этим водным артериям к сердцу Булгара — его богатым торговым городам, навевая ужас на мирных жителей. Среди мелких судов гордо пенили волжские волны изукрашенные в древне-варяжском «чудовищном» стиле* ладьи-корабли,

* «Чудовищный» стиль кораблей — резные из дерева изображения драконов, фантастических зверей и птиц. Эти украшения обычно помещались на носу и на корме судна. Заимствованный от древних викингов стиль корабельных украшений перенесен впоследствии и на жилые постройки русских и бытовал на севере России – в Вологодском, Архангельском и Чердынско-Соликамском краях даже в XIX столетии. Вполне возможно, что в древности у варягов-норманнов и их прибалтийских соседей — славян отслужившие свой век корабли вытаскивались на берег и приспособлялись под жилье. А потом, по живучей традиции, «чудовищный» стиль начал применяться и к украшениям домов.

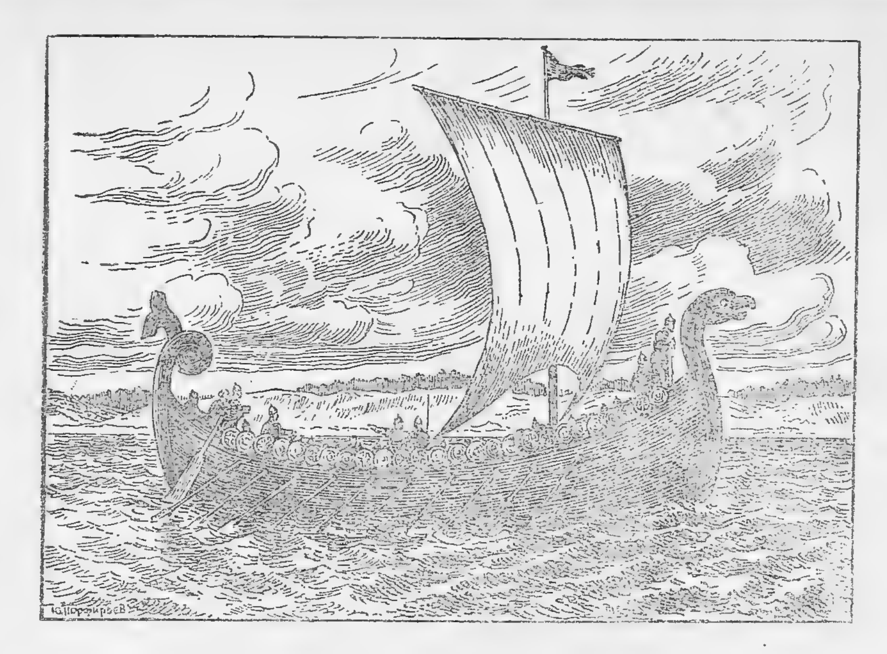

Рис. 4 Древне-русская походная ладья.
Опыт композиции по Пегеру.

на каких бороздили Черное море еще дружины русских князей Олега и Игоря, и о которых поет старая былина:

«Хорошо кораблики изукрашены!
Один кораблик получше всех.
У того было у сокола-корабля
Вместо очей было вставлено
По дорогому камню, по яхонту,
Вместо бровей было прибивано
По черному соболю якутскому,
Вместо уса было воткнуто
Два острые ножика булатные,
Вместо ушей было воткнуто
Два остра копья мурзамецкие,
Вместо хвоста было повешено
Два медведя белые, заморские...
Нос, корма — по-туриному,
Бока взведены по-звериному»...

Первым из русских князей «пощупал» Булгарские земли Святослав, как на это указывается в «Русск. биограф. словаре». В 964 году его не знавшие страха дружины, поднявшись по Днепру, Десне и верховьям Оки, ураганом пронеслись по Волге до ее нижнего течения, перебросились на Дон и по Дону — до Боспора Киммерийского *

* Боспор — первоначально греческие колонии, а потом уже самостоятельное государство на северных берегах Азовского и Черного морей. Возникши в VI веке до н. э., оно просуществовало до средины IV века н. э. Во времена Святослава греческое население там еще жило и географический термин Боспор еще не забылся.

и тем же путем возвратились в Киев. Многие города и селения буртас-мордвы, булгар и хозар были разрушены и разграблены, и только жившее в верхнем течении Оки славянское племя вятичей — не пострадало. Желая обеспечить себе дружественный тыл, Святослав сохранил с вятичами мирные отношения.

Возможно, что, начиная поход, Святослав имел в виду овладеть всем Волжским путем, но потом его интересы были отвлечены югом, борьбой с дунайскими булгарами и греками, и Волга была забыта.

Через двадцать лет—в 985 году—новое нападение русских на Булгар. Дружина киевского князя Владимира, под предводительством Добрыни, вторглась в булгарские пределы и разбила булгар. Дальновидный Добрыня понимал, однако, что быстрый военный успех не обеспечивает еще подчинение экономически сильного Булгарского государства Руси, и поэтому советовал Владимиру заключить с побежденными мир. «Соглядох колодник» (т. е. забитых в колодки пленников-булгар), — докладывал Добрыня князю, — «оже суть в сапозех, сим дани нам не даяти, поидем искать лапотники». С булгарами был заключен договор о «вечном мире» в необычной даже для древних дипломатических актов образной формуле: «Не быти брани межю нами, оли камень начнеть плавати, а хмель тонути».

В следующем 986 году булгарские послы-миссионеры пытаются склонить Владимира к принятию ислама, но безуспешно, верх одержали их конкуренты—греки.

Договор о «вечном мире» действительно соблюдался целый век—столетие, но потом был нарушен, и прежде всего теми, кто, казалось бы, наиболее был заинтересован в сохранении добрососедских взаимоотношений—самими булгарами. В 1088 году они идут походом на Муромское княжество и захватывают даже самый Муром, правда, ненадолго.

В 1107 году новый поход в русские пределы, на этот раз уже на северо-запад. Булгарская рать добралась до Суздаля и осадила его, но безуспешно.

После этого булгары затихли на целое столетие, но зато начались частые и сокрушительные удары со стороны русских князей.

В 1120 году на Булгар делает поход сын Мономаха, Юрий Долгорукий.

Через сорок четыре года—в 1164 году—в булгарские пределы вторглись соединенные дружины суздальского, муромского и городецкого князей, под предводительством суздальского великого князя Андрея Боголюбского. Русские дружины разгромили булгарскую рать, от которой спаслись бегством только жалкие остатки, сожгли три каких-то булгарских города, пронеслись на своих быстроходных ладьях дальше, до «Бряхимова Славного», взяли и этот стольный город и возвратились, обремененные огромной добычей и с тысячами пленных. В походе Андрея участвовала, в качестве священного амулета, Владимирская «чудотворная» икона богородицы [4].

В 1172 году Андрея Боголюбский снаряжает, совместно с рязанским и муромским князьями, новый поход, под начальством своего сына Мстислава, князя Городецкого [5]. Предпринятый неизвестно по каким соображениям в суровую зимнюю пору, этот поход не оправ-

дал ни широких приготовлений, ни надежд на богатую добычу. Сборным пунктом дружин было назначено устье Оки. Сюда с небольшим передовым отрядом направился из Городца Мстислав и, соединившись здесь со своими братьями, рязанским и муромским княжичами, стал поджидать главные силы. Но эти дружины, утопая в глубоких снегах, шли неохотно, «идучи не идяху», по выражению летописи. После напрасных двухнедельных ожиданий нетерпеливые молодые князья изменили первоначальный план и решили со своими небольшими наличными силами сделать внезапный, молниеносный набег на «поганых». «Въехаша в поганые без вести», они взяли какой-то городок и шесть сел, перебили мужское взрослое население и, забравши в плен женщин и детей, помчались назад. Авантюра едва не кончилась катастрофой — за княжеской дружиной погналась шеститысячная булгарская рать и только на двадцать верст не настигла.

Храмцовский и другие местные историки предполагали, что взятый Мстиславом булгарский городок стоял на месте нынешнего г. Горького. Но в летописном сказании о походе почему-то нет ни одного слова о каком-либо булгарском или мордовском городке на устье Оки, где русский авангард простоял целых две недели. Вероятнее всего, что русская конная дружина и не поднималась на высокий правый берег Волги или Оки, а прошла по льду вниз по Волге и этим же путем возвратилась назад.

Сильный удар нанес булгарам преемник Андрея Боголюбского по великому Суздальско-Владимирскому княжеству, Всеволод «Большое Гнездо». Летом 1184 года под его личным предводительством суздальская, рязанская и муромская дружины вторглись по Волге в Булгарскую землю и под «Бряхимовым Славным» на-голову разбили булгарское войско. Со стороны булгар была создана попытка помешать движению русских войск по Волге и высадке десанта на берег — установлен длинный бревенчатый плот поперек реки. Погибший при осаде «Бряхимова Славного» племянник Всеволода «Изяслав Глебович, внук Юрьев, доспев с дружиною, возма копие, потче к плоту, где бяху пеши воини из города твердь учинивше плотом».

Заключив с побежденными мир и захватив богатую добычу и многочисленный полон, Всеволод с главными пешими силами отправился на ладьях к начальному пункту военных действий — Исадам*, а конницу отправил правым берегом Волги.

Во время этого похода произошел эпизод, иллюстрирующий внутренние противоречия и усобицы, от которых страдало Булгарское государство в XII—XIII столетиях. Ко Всеволоду явились под Булгаром Великим неожиданные союзники — половцы с каким-то булгарским князьком. Их представители — «пять муж» — заявили Всеволоду: «Кланяются ти, княже, половци Емякове, пришли есми со князем

* На Волге были известны два пункта под именем Исад — первый около нынешнего Лыскова, ниже устья Керженца и второй при устье р. Цевки (нынешний Цивиль), где стоял булгарский городок Тухчин. Базой Всеволода были Нижние Исады, как это видно из текста летописи: «Бысть идущим [князьям] на болгары, поидоша на место, идеже остров, нарицаемый Исады, на усть Цевце».

Болгарьскым воевати болгары». Следовательно, какой-то местный булгарский князек восстал против центрального правительства, призвал для борьбы с ним наемную половецкую силу и предложил свои услуги врагам Булгара — русским князьям[6].

В 1186 году Всеволод вновь послал на Булгар своих воевод вместе с «городчаны» (т. е. жителями Городца) и «взяша села многи и возвратишася с полоном многим» (Суздальск. лет.).

Нельзя, впрочем, думать, что Русь и Булгар все время находились в состоянии войны, или что враждебные отношения преобладали над мирными. Наши летописи обычно отмечают события и явления, выходившие из рамок повседневности и считают излишним говорить о явлениях нормальной жизни. Военные эпизоды не нарушали торговых сношений русских с булгарами, солдаты делали свое дело, купцы—свое. И тот же Андрей Боголюбский, дважды разорявший Булгарскую землю, поощрял торговлю с иноземцами, «ласкал» булгарских и других иноземных купцов, сам пользовался их симпатиями и уважением и даже вел среди них своеобразную религиозную пропаганду. На это указывает причитание челядина «Кузьмища Кыянина» (Киевлянина) над телом убитого заговорщиками Андрея: «Уже тобе, господине»,— плакал Кузмище, — «паробци твои не знають, иногда бо аче и гость приходил из Царяграда и от иных стран, из Русской земли и аче латинин, и до всего хрестьянства и до всее погани и рече: введите и в церковь и на полати (хоры), да видят истинное хрестьянство и крестятся, якоже и бысть, и болгаре и жидове и вся погань, видевше славу божию и украшение церковное и та болма плачуть по тобе». (Ипатьевск. лет., 1175).

Ни Русь, ни Булгар не питали друг к другу национальной ненависти. Когда Булгар первым пал под ударом монголов, то наш летописец совершенно меняет обычный тон повествования о булгарах. Для него они теперь уже не «поганые», а несчастные, пострадавшие от варваров, соседи: «Безбожнии татары взяша славный великий город Больгарскый и избиша оружием от старца до уного и сущаго младенца».

Нет оснований думать, что Булгар стоял преградой для русских на торговом Волжском пути. По этому пути свободно проходили суда русских «торговых гостей», и русские купцы, уплатив торговые пошлины — «десятину», как об этом сообщал еще Ибн-Даста, шли через булгарские и хозарские владения до Каспийского моря, а некоторые проникали и за море и достигали даже Багдада.

К концу XII века Булгарское царство, раздробленное и подточенное феодальными противоречиями и внутренней борьбой, — было накануне своей политической смерти. Лавина монгольского нашествия ускорила его конец.

ДОМОНГОЛЬСКИЙ БЫТ.

СОЦИАЛЬНЫЙ СТРОЙ ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ. КЛАССЫ. КНЯЗЬ, ЕГО ПРАВА И СРЕДСТВА. КНЯЖЕСКИЙ БЫТ. ДРУЖИНА — ОПОРА КНЯЖЕСКОЙ ВЛАСТИ, ЕЕ ДЕЛЕНИЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ. ОСОБОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ДУХОВЕНСТВА. КУПЦЫ — «ГОСТИ ТОРГОВЫЕ». КРЕСТЬЯНЕ-СМЕРДЫ, ИХ ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЗАВИСИМОСТЬ. БЫТ СМЕРДОВ. РАБЫ-ХОЛОПЫ. СРЕДСТВА ЖИЗНИ. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО, ЕГО УСЛОВИЯ И ТЕХНИКА. ЛЕСНЫЕ ПРОМЫСЛЫ. РЕМЕСЛА И ИСКУССТВА. ТОРГОВЛЯ. ПРИНЯТИЕ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА И ПЕРЕЖИТКИ ЯЗЫЧЕСТВА. РАСПРОСТРАНЕНИЕ ДУХОВНОГО И СВЕТСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ, ИЗЛЮБЛЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА ДРЕВНЕ-РУССКОГО ЧИТАТЕЛЯ. ПАЛОМНИЧЕСТВО. ОХОТА, ПИРЫ, СКОМОРОШЕСТВО, КАК ВИДЫ РАЗВЛЕЧЕНИЙ, И БОРЬБА ЦЕРКВИ С НИМИ.

СОЦИАЛЬНЫЕ КОНТРАСТЫ.

Ранне-феодальное Поволжье, в частности Нижегородское, не носило исключительно оригинального, неповторяемого в других русских областях облика, и его социально-экономическая и культурно-бытовая обстановка—часть общей картины всей северной Руси.

Если представить себе структуру древне-русского общества в виде конуса или пирамиды, то основанием этой социально-геометрической фигуры будет самая многочисленная часть населения — крестьяне-«смерды».

Над ними — «гости торговые», дружинно-боярская знать и духовенство.

Вершина сооружения — князь.

В социальном строе домонгольской Руси — два основных класса. Первый, количественно небольшой, класс феодалов, обладавших крупной земельной собственностью, разнообразными материальными ценностями и политической властью,— князья, дружинно-боярская знать, высшее духовенство и купечество.

Второй класс — «низшие сословия» — экономически зависимое и политически неполноправное или даже совершенно бесправное население—земледельцы-смерды. Кроме того, были городские ремесленники и челядь —рабы.

Князь—хозяин своей земли — удела. Он распоряжался ею по своему усмотрению, передавал по завещанию, продавал, дарил, уступал по дипломатическим договорам — все это вместе с населением.

Он собирал дань со своего удела, или непосредственно, лично выезжая на «полюдье» *, или же через своих служителей-«тиунов», «вирников» и «метельщиков».

Помимо общего, сюзеренного права на землю, князьям принадлежали, как личное их имущество, особые волости, села, дворы, охотничьи заповедники — «ловища», рыбные ловли, бобровые гоны, борт-

* «Полюдье» — объезд населенных местностей и «людей» для сбора дани. К XIII веку, с развитием крупного землевладения, «полюдье» исчезает, заменяясь «оброком»—натуральным или денежным.

Рис. 5. Князь, дружинник, смерд.
Композиция по древне-русским рисункам.

ные ухожья (пчельники), пахотные земли, «сеножати» (сенокосы) и живая рабочая сила — холопы-челядь.

Кроме дани или оброка, князь получал «гостиное» — торговые пошлины и львиную долю военной добычи.

Легко добываемые богатства князей, в особенности великих, были огромны. Они имели возможность содержать большую дружину, снаряжать на свой счет походы, сооружать укрепленные города, строить великолепные храмы. Андрей Боголюбский построил во Владимире (в 1158 г.) Успенский собор, ослеплявший глаза несметными и бесценными украшениями — золотыми и серебряными ризами икон, драгоценными камнями, жемчугом, золотою и серебряною утварью. Его брат, Всеволод «Большое Гнездо», соорудил в том же Владимире (в 1194—97 гг.) Дмитровский собор, изумительный по архитектуре, фресковой живописи и глубокой «обронной» (барельефной) орнаментике наружной стороны стен. Юрий Всеволодович построил в Суздале каменный собор, внутренность которого была расписана лучшими художниками того времени, а пол выложен дорогим разноцветным мрамором, вывезенным из «фряжских земель» (Западной Европы).

Все доходы и средства княжества сосредотачивались в руках князя. Не было государственной казны, была только одна княжеская. Сооружая города, крепости-детинцы и пышно украшенные храмы, князья не забывали, конечно, и о своих личных удобствах, о великолепии и комфорте своего жилища.

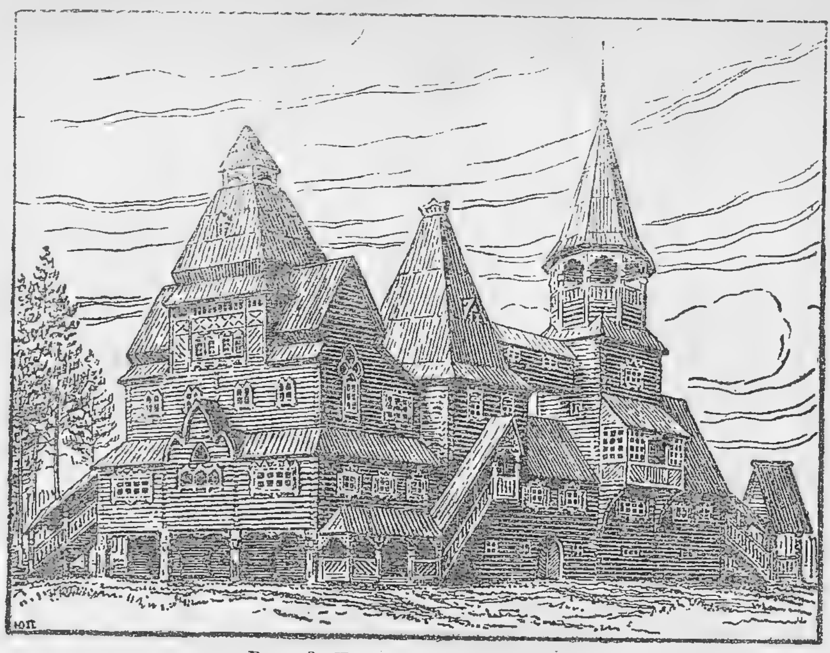

Рис. 6. Терем. *По В. Суслову.*

Памятников русского гражданского зодчества XII—XIV веков у нас не сохранилось, если не считать единственного и мало выразительного — дворца Андрея Боголюбского. Это вполне понятно — строительным материалом раннего русского средневековья, главным образом, было недолговечное дерево. Правда, при раскопках в Киеве обнаружены кое-какие следы, но они позволяют судить, да и то лишь приблизительно, о размерах и отчасти о внутренней отделке княжеского дворца. Поэтому, чтобы составить представление о внешнем архитектурном облике, внутреннем расположении и убранстве древнерусского жилья, приходится прибегать к косвенным источникам, собирать сведения по крупинкам — из кратких указаний и даже намеков наших летописей, церковной фресковой живописи и орнаментики, из наивных рисунков в памятниках древней письменности, из былин, песен, пословиц и отдельных речений.

Но даже и эти, тщательно собираемые и изучаемые, побочные исторические пособия содержат материал только о жилище господствующего класса и почти ничего не говорят о жилье основной массы населения — «людей», смердов и «ремественников».

Дома князей, дружинно-боярской знати и вообще богатых людей — «хоромы», «терема» — были преимущественно деревянные. Они обычно состояли из нескольких высоких башнеобразных срубов или клетей, соединенных в верхних этажах — «накатах» крытыми висячими галлереями — переходами. На наличие в плане дома нескольких отдельных корпусов указывает самый термин «хоромы» — его множественное число.

В нижних этажах находилось много комнат. Во-первых, «гридня»

или «гридница» — обширный покой, иногда даже на несколько сот человек, где помещались телохранители князя — «гриди», возвышался орнаментированный золотом, серебром, драгоценными камнями и «рыбьим зубом» (моржевые клыки) княжеский престол, где обычно происходили приемы и устраивались большие пиры. Внизу же находились: «ложня» — спальня, «детская», «трапезная» — столовая, иногда домовая церковь-молельня, у некоторых — «книжница»-библиотека, «челядня» — помещение для слуг — «челяди», поварня и пекарня и около них различные кладовые, чуланы.

Верхний этаж — «сени», «горницы» — антресоли*, откуда открывался широкий вид, — покои для уединения и приятного отдыха. Иногда и здесь устраивались «ложни». В летописи упоминается о сенях несколько раз. «Изяславу (князю) седящю на сенех, из оконца зрящю». «И седшим братьи всей у Всеволода на сенех».

В теремах выкладывались уже кирпичные, часто отделываемые разноцветными изразцами, «муравленые» печи. Но, наряду с этой, бытовой новостью, долго еще сохранялись древние очаги-камины, где пылали дрова и где можно было зажарить целого кабана.

Снаружи все части хором, ворота и даже дворовые постройки украшались «обронной» резьбой замысловатых рисунков и пестрели яркой раскраской.

Внутреннее убранство и обстановка отличались часто подавляющей роскошью. Возможно, что это был вкус не хозяина, привыкшего больше к бранному или охотничьему полю и бивуачному шатру, чем к мирной домашней жизни, а вкус зодчего и художника, строивших и отделывавших хоромы.

Потолки и стены часто расписывались фресками: в каменных домах — по штукатурке, в деревянных — по гладко выструганным и прошпаклеванным стенам или же по наклеенному на стены холсту; развешивались восточные ковры, декоративные шелковые и парчевые ткани, дорогие меха. Потолок обычно изображал небесный свод со светилами, как это отражено в былине о «Садке — богатом госте»:

> «Все-то у Садка по-небесному:
> На небе солнце и во тереме солнце,
> На небе звезды и во тереме звезды,
> На небе месяц, во тереме месяц,
> Все-то у Садка по-небесному»...

В росписи стен — сюжеты религиозные, антично-мифологические, русские сказочные и бытовые. Среди узорчатых сплетений хитрого орнамента играла радугой оперения райская птица Сирин, «ея же глас в пении зело силен», мрачно лиловел Алконост — птица печали, «являлись дива многия», изображенные искусною рукою художника, «навыкшаго в хитрости иконней», воспроизводились сцены княжеских боевых подвигов, охотничьих потех, изображались библейские события.

Красочно повествует об убранстве богатых хором былина о богатыре Чуриле Пленковиче:

---

* «Горница» — от слова «горний», возвышенный.

«Да хорошо теремы де изукрашены были:
Пол-середа одного серебра,
Печки-то были все муравленые,
Да потики [подпки, под] были все серебряные,
Да потолок-то у Чурилы из черных соболей,
На стена сукна понавиваны,
На сукна стекла попабиваны,
Да все-то в тереме де по-небесному,
Да вся небесная луна де понаведена была,
Ино всякие утехи несказанные»...

Убранство терема—«утехи несказанные»—многочисленны, разнообразны и сказочно богаты. Тут и резные «поставцы» с чеканной золотой и серебряной посудой, «веницейским» (венецианским) и византийским стеклом и хрусталем; одетые парчой, оксамитами, восточными коврами и дорогими мехами широкие скамьи; кровати, табуреты и кресла из красного и тисового дерева; «муравленые» печи с рисунчатыми изразцами; закованные в тяжелые золотые и серебряные оклады и усыпанные жемчугом и драгоценными камнями[7] иконы; серебряные подсвечники со свечами «воску ярова».

В теремах—«окошечки косящаты», «окна красные», с гладко выструганными и раскрашенными косяками, в отличие от простых, «волоковых» окон, прорубавшихся в стене без всякой отделки и обрамления. Вместо рам вставлялись в окна доски с фигурными прорезами, остекленными прозрачной слюдой. Но эта архаическая форма начинала уже отмирать, вытесняемая деревянными или же металлическими рамами с мелкими, разнообразного и сложного рисунка, переплетами.

В начале XIII века на Русь проникает из Западной Европы новинка, доступная только немногим роскошь—грубое, зеленоватое оконное стекло.

Вокруг терема располагались, занимая обширные пространства, многочисленные и крепкие хозяйственные постройки—клети, кладовые, погреба, конюшни. Все это обнесено высоким «оплотом»—частоколом. Усадьба князя и богатого боярина представляла собою маленькую крепость.

Отличалась роскошью и одежда, нередко принимая формы щегольства. Ее материал—дорогие меха, «оксамиты»—бархатная парча, «поволока»—тонкая шелковая ткань, «камка белохрущата»—восточная плотная белая шелковая ткань, шумевшая при каждом движении. Фасон и отделка одежды диктовались законодательницей мод всего христианского мира—Византией. В приписываемой папе римскому Ипполиту рукописи XII века имеется изображение древне-русского князя. Его нижняя одежда из узорчатой зеленой материи, с изображением включенных в круги квадратов, с подолом, отделанным золотой каймой и золотым шитьем спереди и с боков. Рукава оканчиваются поручами из золотой парчи. На ногах—красные узорчатые сапоги. На плечах князя накинута «корзна»—плащ из дорогой разноцветной, «разными травами приукрашенной», материи, с широкой золотой каймой и драгоценной застежкой—аграфом. На голове—

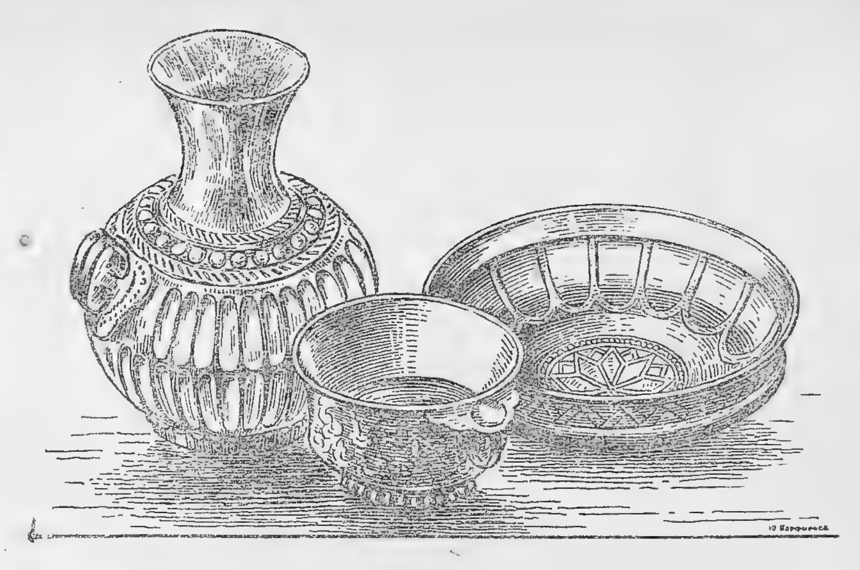

Рис. 7. Восточное серебро VIII—IX вв. из обихода богатого феодала. Найдено в 1932 г. около с. Афанасьевского, Зюздинского района Кировского края.
Рисунок с натуры по экспонатам Горьковского областного музея.

легкая шапочка — «клобучок» из цветного шелка, отороченная мехом. Такие же одежды изображены на рисунке в «Изборнике Святославове» и в наружной орнаментике Владимирского Дмитровского собора.

Женщины княжеской и боярской среды носили длинную, перехваченную широким золотым или узорчатым поясом, одежду, с оторочкой по подолу широким золотым позументом. На рукавах — поручи, на плечах — шитые золотом и украшенные драгоценными камнями — «оплечья». Головной убор замужних — шелковый платок — «убрус»; поверх убруса — золотой венец с подвесками, украшенными жемчугом и драгоценными камнями. Девушки носили головы непокрытыми и волоса распущенными.

Княжеско-боярская знать не щадила своих желудков. Ее стол ломился от обилия яств и напитков.

Вот современное описание обеда знатного человека. «Тот бе богато живяше... на обеде же служба бе многа, сосуды златом сковани и сребром, брашно много и различно: тетеря, гуси, жеравие, ряби, голуби, кури, заяци, елени, вепреве, дичина... поткы (птицы), множество сакачий (поваров) работающе и делающе с потомь и мнози текуще и на перстех блюда носяще, инии же махающе с боязнию» *. Все запивалось привозными «фряжскими», византийскими и восточными винами и собственными крепкими медами. А за трапезующими стояли рабы-слуги и, «махающе с боязнию», освежали опахалами разгоряченные напитками головы своих господ.

* * *

* «Известия Академии Наук», т. X, стр. 548.

Опора княжеской власти и могущества — «дружинушка хоробрая». Дружина, как показывает морфология этого слова, — прежде всего близкие друзья князя, его боевые товарищи, и затем вообще представители высшего класса, связанные с князем узами личного договора — «ряда». Это — постоянная военная сила, размеры которой зависели от богатства и могущества князя. По своему составу дружина разделялась на две группы — старшую и младшую.

Первая — старшая и меньшая по количеству — «княжи мужи», «бояре», «большие», «лучшие», — составляла круг ближайших советников князя, сотрудников, членов «княжой думы», его военный совет. Именно ее — старшую дружину — разумеет летописец, когда говорит: «поча князь думати с дружиною».

Вторая группа — «дружина молодшая», «молодии», «гриди», «отроки», «детские» — несла личную охрану князя, выполняла различные его поручения и служила резервом, из которого постепенно пополнялась старшая дружина — круг княжеских советников-думцев.

Хотя дружина пользовалась правом свободного перехода от одного князя к другому, но обычно она была «крепка» своему князю, всюду следовала за ним, жила при нем, в его стольном городе и кремле-детинце. После смерти князя дружина поступала, уже по новому договору — «ряду», на службу к его преемнику, или же расходилась, что, впрочем, случалось редко.

Дружина имела очень большое значение в жизни князя и княжества. Как главная политическая и военная сила, она оказывала влияние на ход событий, очень свободно выражала свое мнение и нередко действовала по своему усмотрению и наперекор княжеской воле. Князьям приходилось считаться с этой силой и порой удовлетворять даже и капризы своих преторьянцев. Дружинники князя Владимира «Красное Солнышко», подвыпивши, придирались к нему, что за его столом приходится есть деревянными, а не серебряными ложками, и Владимир беспрекословно исполнил этот каприз «дружинушки хороброй». «Серебром и золотом», — говорил он, — «я не приобрету дружины, а с дружиной добуду и золото и серебро»[8].

Дружинники владели домами, селами, дворами, товарами и получали значительную часть военной добычи.

Дружина — это прежде всего княжеская кавалерия. На своих могучих «богатырских» конях, одетые в стальные кольчуги с толстыми стальными нагрудниками, в стальных остроконечных шеломах, вооруженные тяжелыми боевыми топорами, длинными обоюдоострыми «харалужными» (из закаленной стали — «харалуга») мечами, длинными копьями, пудовыми палицами и тугими луками, отважные в боях дружинники действительно представляли грозную боевую силу...

«Под трубами повити, под шеломы взлелеяни, конець копия вскормлени; пути им ведоми, яруги им знаеми, луци у них напряжени, тули отворени, сабли изострени, сами скачуть акы серые волци в поле, ищучи себе чьти, а князю славы» *.

А в былине поется:

---

* «Слово о полку Игореве».

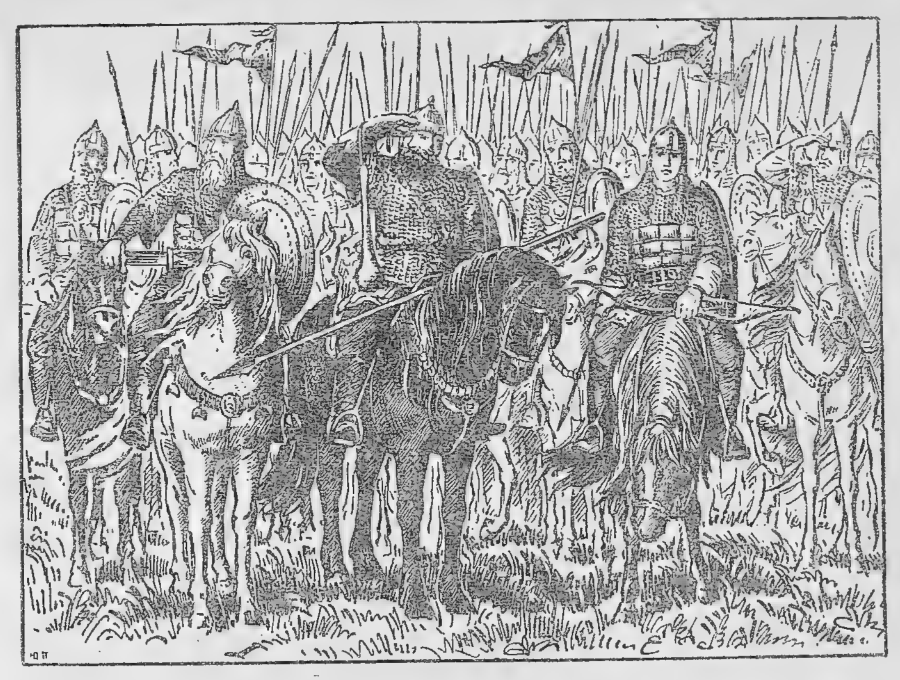

Рис. 8. Дружина князя.
Композиция по В. Васнецову.

«Надевали на коней узду тесмяную
А сами коню приговаривают:
То не ради басы (красоты) — ради крепости,
А не для ради потехи богатырские,
Для ради выслуги молодецкие...
Надевал Алешенька латы кольчужные,
Застегивал пуговки жемчужные,
И нагрудничек булатный,
И брал свою сбрую богатырскую:
Во-первых, копье долгомерное,
Во-вторых, саблю вострую,
Во-третьих, палицу боевую,
В налучничек тугой лук
Да двенадцать стрелочек каленых»...

Перед этой грозной силой трепетал богатый Булгар, перед нею дрожала Византия до принятия христианства Русью.

Особое место в социальном строе древней Руси занимало духовенство. Во главе русского духовенства стоял киевский митрополит, подчинявшийся в свою очередь византийскому патриарху. Первые русские митрополиты избирались и посвящались в Византии.

Духовенство, как черное, так и белое, долгое время было изъято из ведения светского суда и даже при совершении преступлений уголовного характера подлежало только церковному суду. Даже такой самовластный хозяин Владимирско-Суздальского княжества, как Андрей

Боголюбский, не решился нарушить это неписанное право и изобличенного в тягчайших преступлениях владимирского епископа Феодора отправил на суд к киевскому митрополиту.

Но привилегированным положением и политическим влиянием пользовались только высшая церковная иерархия и монастыри. Белое духовенство, в особенности его «демократический» слой — сельское духовенство — и в имуществе и в правах немногим разнилось от массы населения — «людей».

В церквах, монастырях и в руках высшего духовенства сосредотачивались огромные богатства. Это, повидимому, не казалось ненормальным, не отвечающим духу христианского нестяжания и монашеского отречения от мирских соблазнов и благ. Богатства эти накапливались от десятипроцентного сбора с доходов в пользу епископов и церквей (от «десятин»), от пожертвований «на помин души», от многочисленных приношений — «прикладов», от торговых операций, которые вели высшая церковная иерархия и монастыри и, наконец, от различных хозяйственных предприятий.

Андрей Боголюбский, построив во Владимире Успенскую церковь, хорошо обеспечил ее, «да ей много именья и свободы купленыя и зданьми, и села лепшия и десятины в стадех своих и торг десятый». (Суздальск. лет.).

В огромный пожар во Владимире, в 1185 году, когда сгорел «мало не весь город», пострадала и эта, построенная Боголюбским «Златоверхая Богородица» — «загореся сверху и что бяше в ней узорочий [драгоценные узорчатые ткани], паникадила сребряная и ссуд [сосуды] златых и сребряных и порт [одежды] золотом шитых и женчюгом и чюдных икон золотом кованных и каменьем драгым и женчюгом великим, им же несть числа... и вымыкаша из церкви на двор до всего, и из терема куны [меха] и книгы и паволокы, укси [покровы] церковные, иже вешаху на праздник и до ссуд, им же несть числа, все огнь взя без утеча». (Лаврент. лет., т. I, в. 1).

О ростовском епископе Кирилле летопись сообщает: «бяшеть бо Кирил богат зело кунами и селы и всем товаром и книгами и просто рещи — так бе богат всем, как ни один епископ быв в Суздальской области». (Лаврент. лет., т. I, в. 1). Богатством и ненасытным стяжательством он превзошел даже своего предшественника Симона — друга и сотрудника Юрия Всеволодовича.

Богатства русских епископов приобретались не только узаконенными в феодальном быту средствами, но порой и путем убийств, грабежей и тяжких уголовных преступлений. Ярким примером такого стяжательства служит владимирский епископ Феодор, о зверствах которого с потрясающим эпическим спокойствием повествует летопись: «В то же (6677—1169) лето чюдо створи бог и святая богородиця новое во Владимери городе: изгна бог и святая богородиця Володимерьская злаго и пронырливого и гордого лестьца лжаго владыку Феодорца... Много бо пострадаша человеци от него в держаньи его, и сел изнебывши и оружия и конь, друзии же и работы добыша, заточенья же и грабленья не токмо простьцем, но и мнихом, и игуменом и ереем безмилостив сый учитель, другым человеком головы порезывая и бороды, иным очи выжигая и язык

урезая, а иных распиная по стене и муча немилостивне, хотя исхитити от всех, именья бо бе не сыт, акы ад. Посла его Андрей митрополиту в Кыев, митрополит же Костянтин повеле ему язык урезати, яко зладею и еретику и руку правую утяти и очи ему выняти, зане хулу измолви на святую богородицю». (Суздальск. лет.).

Характерно, что Феодор или, как пренебрежительно называет его летописец, «Феодорец» — был наказан митрополитом не за грабежи, насилия и убийства, а «за хулу на святую богородицю».

Как мог такой безмерный стяжатель, бандит и палач пробраться на епископскую кафедру? Только путем подкупов и взяток, широко практиковавшихся в духовном и светском мире. «Поставлен на мзде» (т. е. за взятку)— выражение, довольно часто встречающееся в наших летописях.

Возникавшие на голом месте монастыри быстро становились крупными собственниками. Наиболее разительным примером является Киево-Печерская лавра — через несколько лет своего существования она сделалась богатейшим помещиком. Но и другие, более скромные и менее знаменитые монастыри не отставали в ненасытном стяжании и скопидомстве, и о них можно было бы выразиться словами летописца — «именья бо быша не сыты, акы ад». В «Житии Антония Римлянина» (ум. в 1147 г.) говорится, что, после великих подвигов монашеского аскетизма и благочестия, Антоний «купи землю около монастыря у посадников градских, и с живущими иже на той земле прилучившимися, и в прочая лета, доколе божиим строением мир вселенные стоит и при великой реке Волхове рыбную ловитву купи на потребу монастырю и межами омежив, и письму вдав и в духовную свою грамоту написав», иначе говоря, обеспечил собственность монастыря нотариальным актом своего времени.

* * *

Незначительная по количеству общественная прослойка — «гости торговые» — купцы — не составляли особого сословия или «чина», как это было позднее в Московском государстве. По своему имущественному положению, культуре и интересам они примыкали ко княжеско-дружинной знати, поддерживали с нею постоянные связи, участвуя порою и в советах*.

«Гости торговые»—это конденсированный капитал, огромная экономическая сила феодальной Руси. Былина о «Садке—богатом госте» красочно рисует могущество богатства.

«А и с хмелю тут Садко захвастался:
«А и гой еси вы, молодцы, славны купцы!
Припасите вы мне товаров в Новегороде
По три дни и по три уповода,

* «Гость» — древне-русский термин для обозначения купца — иностранца или своего русского, торговавшего в разъезд, странствующего купца. «Гостить» — приезжать для торговли, «гостьба» — торговля. Впоследствии термин «гость» распространился и на постоянных, оседлых купцов. Названия «гость» и «купец» употреблялись в древне-русском обиходе одновременно и равнозначаще. Первоначально «гости» открывали свою торговлю около центральных пунктов— церквей, откуда и название церкви и церковно-клирового поселка—«погост».

Я выкуплю те товары по три дни, по три уповода,
Не оставлю товаров ни на денежку,
Ни на малу разну полушечку,
А то коли я товары не выкуплю,
Заплачу из казны вам сто тысячей»...

И Садко скупил все, что было выброшено на новгородский рынок и, кроме того, нашел еще средства построить три богато украшенные церкви.

Но если былинный Садко даже собирательная личность — олицетворение экономической мощи «Господина Великого Новгорода» («Что не Садко богат, богат Новгород»), то в качестве живого примера может служить колоритная фигура нижегородского купца Тараса Петрова. «В то время в Нижнем-Новгороде был гость Тарас Петров сын; больше его из гостей не было; откупил он (т. е. выкупил из плена) полону множество всяких чинов людей своею казною и купил он себе вотчины у великого князя за Кудьмою рекою, на речке на Сундовике шесть сел: Садово, в нем церковь Бориса и Глеба, да Ряховское, Запрудное, Залячниково да Мухарин» *. Правда, это происходило в более позднее время — в 1371 г., но тогда и условия торговли на Руси, еще не вполне залечившей раны монгольского погрома и владычества и почти отрезанной от западноевропейского мира, были значительно труднее.

* * *

Фундаментом государства-княжества, подлинной основой его экономической мощи был самый многочисленный и в то же время наиболее экономически и политически придавленный класс — «смерды». Это — крестьяне, сначала землевладельцы, а впоследствии только лично свободные земледельцы, сидевшие на княжеской, боярской или же монастырской земле и платившие владельцу-захватчику их былой собственности оброк, а через несколько столетий превратившиеся в крепостных. Такое же положение, как и смерды, занимали «люди», жители городов — ремесленники и мелкие торговцы. По зову князя смерды входили в состав княжеского войска в больших походах.

Землей пользовались смерды на различных условиях — в качестве «оброчников», «половников», «третников», т. е. за пользование землей платили или денежный оброк, или же, в зависимости от качества земли, аппетита землевладельца и собственной нужды, отдавали третью часть и даже половину урожая.

Князья не прочь были посягнуть и на личную свободу смерда, подыскивая для этого юридические обоснования. «Пригород наш и смерды наши в нем живут» — один из княжеских доводов.

Смерды легко теряли свою призрачную свободу. Приниженные экономически, они — эти пасынки «Русской Правды» и неписанного права, — очень часто закладывали свою свободу, труд и силу, делая

* Цитировано по Новиковскому списку «Нижегородского Летописца». Из упоминаемых здесь селений в настоящее время существуют только Садовое и Запрудное, если только названия остальных не искажены до неузнаваемости небрежными переписчиками.

займы под отработку, превращаясь в подневольных людей — «закупов». «Закуп» временно, до полной уплаты долга, лишался правоспособности и дееспособности, а если уходил с работы, не расплатившись полностью, то рисковал превратиться в раба-холопа. Но временная отлучка для поиска денег на уплату долга или же для подачи жалобы князю или его наместнику — допускалась. Если «закуп-смерд» совершал кражу, а закупивший его труд господин уплачивал потерпевшему стоимость украденного, то закуп навсегда лишался свободы и становился полным, «обельным» рабом*. Вообще путей к возврату закупа в первоначальное свободное состояние было мало, но очень много всевозможных юридических ухищрений для его закабаления.

Для развивающегося крупного землевладения в XII—XIII веках было очень важно иметь как можно больше безответной рабочей силы — рабов. Далеко не всегда эта потребность покрывалась притоком рабов из «полона», а поэтому вожделения землевладельцев устремлялись к смердам. В отношении их постоянно практиковались обход и нарушение закона, а нередко и прямое насилие. Епископ владимирский Серапион (ум. в 1275 г.), обличая «сильных земли», говорит: «имы имения, не насыщашеся, свободныя сироты порабощають и продають». Таким образом тысячи свободных смердов превратились в рабов.

Последний удар экономической независимости смердов был нанесен нашествием монголов. Лишенные своих лошаденок и всего землевладельческого инвентаря, смерды вынуждены были садиться на земли крупных владельцев и становились их арендаторами — «половинниками», «третниками», «оброчниками» — на полукабальных, а часто и безысходно кабальных условиях.

Там, где это было возможно, крестьянин-смерд старался сесть подальше от длинной княжеской руки, подальше от жадных глаз дружинно-боярской знати и монастырских подвижников. «Не строй избицы близ княжой светлицы», — предостерегала народная мудрость. И смерд забирался в недоступную глушь лесных дебрей, продирался сквозь них, выжигал поляны под пашни и на «роздертях», «росчистях» и «гарях» ставил свои маленькие деревни — «починки». Тогда таких, затерянных в лесном море, человеческих островков были сотни.

Князья, бояре и дружинники видели в смерде не только податную и рабочую силу, но и социального врага и ненавидели его высокомерной ненавистью аристократов. В характерных речениях древне-русской аристократии отразилась эта социальная пропасть между «черной» и «белой» костью: «Смерда взгляд — пуще брани», «Где смерд думал, там бог не был». И даже проникнутая своеобразным лакейским гонором дворцовая княжеская челядь старалась отмежеваться от презираемого, пахнувшего рабочим потом, смерда: «И медом не корми, только смердом не брани».

Но за презрением и аристократической ненавистью к смерду таилось и чувство страха — ведь враг, даже и приниженный, мог пе-

* «Обельный» — от слова «облый» — круглый, в переносном смысле — полный.

рейти к активной борьбе за свои попранные права. Примером этого служили восстания смердов в 1071, 1113 и 1136 годах и извечная борьба между новгородскими «сторонами».

О материальной нужде, об экономической зависимости, эксплоатации и бесправии крестьян говорит ряд созданных еще в далекую старину пословиц. Вот его общее благосостояние: «Ходит наша радость босиком да в лапоточках», «Будь паром сыт, ветром езди», «Не оттого оголели, что сладко пили-ели, а видно на нашу денежку прах пришел». Если на столе высших классов «тетеря, гуси, жеравие, рябы, голуби, кури, заяци, елени, вепреве, дичина», то у смерда: «Коли (когда) хлеб, коли вода — вот и вся наша еда», «Горе наше — оржаная каша, поел бы и такой, да нет никакой». Вот подневольное положение «закупа»: «Чей хлеб кушаешь, того и слушаешь». А на то, что у крестьянина всегда найдется «хозяин», указывает пословица: «Была бы копна — ворона сядет»*.

Когда ту или иную область-волость постигал неурожай, то все ужасы голода прежде всего обрушивались на голову смерда. Это о них — смердах — говорит летописец, повествуя о голоде 1230 года — «Яко инии простая чадь резаху люди живыя и ядяху, а инии мертвая мяса и трупие обрезающе ядяху, а друзии конину, псину, кошки, ины же мох ядяху, уш, сосну, кору липову, лист ильм, кто что замысля» (1-я Новгородск. лет.) Черноризец Киево-Печерской лавры Прохор «ради подвига иноческого» подвергает себя лишениям — «хлеба себе лишив, собирает убо лобеду [лебеду] и своима рукама стирая, хлеб себе творяше и сам питашеся. И сего видев некий человек собирающа лобеду, начат и той собирати лобеду, ея же ради и домашних своих, да тем препитаются в гладное время... и всем сладко являшеся, яко с медом суще»...** Но если Прохор ел лебеду ради «подвига», то «некий человек» — смерд и его семья — питались этим суррогатом по горькой необходимости.

Исторические фрагменты для составления иллюстраций к быту верхов ранне-феодального русского общества — многочисленны и разнообразны. Но для того чтобы нарисовать картину быта смерда, в большинстве случаев приходится прибегать к догадкам. Как и чем он жил, каковы были его интересы и запросы, как, в частности, выглядели его постройки, одежда?

Если судить по унылым рисункам и вскользь брошенным заметкам Герберштейна, Мейерберга, Олеария и других посещавших Русь иностранцев, то русская деревня — это ряд убогих, без всякого намека на удобства, на украшения, избенок на фоне безрадостного, пустынного ландшафта. Деревни — без единого деревца. Но все эти рисунки и лаконически-сухие описания относятся к более позднему времени. Это Русь, перенесшая все ужасы монгольского разгрома и разорения, Русь, угнетаемая московскими князьями и царями-самодержцами.

Великий народ, создавший несравненный былинный эпос и увлекательные сказки, изумительные по глубине чувства песни и чару-

---

* Все эти пословицы — из фольклора Горьковской области.

** Рукопись Румянцевского музея, № 305, л. 204.

ющие напевы к ним, мудрые пословицы и поговорки, создавший чудо поэзии — «Слово о полку Игореве»,— этот народ, обладавший полнотой самобытной эстетики, не мог быть чуждым и изобразительному искусству. Ведь именно из его среды выходили замечательные самородные таланты — зодчие, строившие изысканные княжеские и боярские хоромы, сооружавшие изумительные по величию замысла и красоте архитектурного оформления деревянные церкви о двадцати и тридцати углах, с несравненными перекрытиями, главами и крылечками. И созидатели архитектурных шедевров не могли, разумеется, пренебрегать отделкой собственных домов или домов собратьев по общественному положению. Строительное искусство в древней Руси стояло очень высоко.

Дома «людей»-смердов, их утварь, украшения, одежда — все это, несмотря на простоту, несомненно, носило печать подлинной талантливости и высокого художественного вкуса и чутья.

Правда, «люди» жили в избах, где не было лишних покоев («в тесноте, да не в обиде»), ни «муравленых» печей, ни прочих затей богатых и знатных сословий. Их избы были «черными»— с глинобитными печами без дымоходных труб. На это указывает в своем «Молении» Даниил Заточник: «горести дымныя не терпевши, тепла не видати». Но эти избы радовали глаз глубокой «обронной» орнаментикой кровельных «крыльев» и «подкрылков», «платков» — «лобовых досок» (лицевая сторона верхней части дома), оконных ставней и наличников, резьбой «коньков», высокими «перёными» (т. е. огражденными перилами) крылечками. Впрочем, художественной отделкой изб щеголяли, вероятно, только жители городов, слобод и больших посадов. А смерды — жители маленьких деревень и глухих лесных починков вряд ли особенно заботились об украшении своих кратковременных жилищ. Ведь они часто меняли местожительства, бросая истощенные пашни и свои домишки и переходя на новые «займища», «роздерти», «росчисти».

Иллюстрации внешних форм и внутреннего устройства простонародной древне-русской избы мы находим на Архангельском и Вологодском севере. Хранитель былин и древних бытовых традиций — Север до сих пор многое сохранил из архитектурного облика далекой древности.

Остатки художественного творчества далекой старины сохранились также и в Горьковской области — в резных украшениях сельских изб. В них наблюдаются древне-русские и даже античные мотивы, те же самые, какие мы встречаем в рисунках, заставках и концовках древних рукописей.

Художественной отделкой отличались и внутренняя несложная обстановка и утварь — низенькие деревянные посудные шкафики «поставцы», полки, «божницы», скамьи, кровати, прилаженные сбоку печи полатцы — «голбчики», деревянная и берестяная посуда, прялки, коромысла и вальки для выколачивания белья. Резьбой и раскраской украшались праздничные «выездные» сани и телеги.

Одежда смерда — летом «охабень» или зипун из простого домотканного сукна, или же «пониток» из полусуконной - полульняной ткани. Зимой — овчинная шуба или короткий полушубок. Рубахи,

штаны и женское платье — из холста или же грубой поскони. Но даже и эта простая одежда украшалась вышивками и нашивками из разноцветных ниток и шерстей, цветных лоскутков и кожаных и меховых нашивок — аппликаций. На ногах и зимой и летом — неизменные лапти, у иных кожаные сапоги. Валяная обувь вошла в русский обиход значительно позднее.

На самом низу древне-русского общества стояли — рабы — холопы – «челядь». Это совершенно бесправная масса, лишенная своего последнего достояния—личной свободы. Ряды рабов беспрерывно пополнялись от захвата пленных, от притока потерявших личную свободу смердов — закупов и от естественного прироста. Свободная женщина, выходя замуж за раба, сама становилась рабою, а дети от этого брака — рабами. «По мужу — раба, по рабе — холоп».

Раб-холоп — даже не человек, а вещь. За увечье или за убийство раба налагалось наказание не как за уголовное преступление, не «вира» или «головничество», а только «продажа» — денежный штраф за порчу или уничтожение чужой вещи.

Рабы-челядь долгое время служили предметом экспорта, пока, с развитием крупного землевладения, рабовладельцы не пришли к мысли, что их выгоднее использовать не в качестве рыночного товара, а бесплатной рабочей силы. К концу XII века русская торговля рабами значительно сократилась.

Правда, даже и в тяжелой доле бесправного раба была оживляющая надежда когда-нибудь получить свободу. На это указывает Даниил Заточник: «добру господину служа, дослужишься свободы». Но это была, в сущности, почти несбыточная мечта, и мы очень редко встречаем в древней русской истории пример «доброго господина», отпускавшего на свободу усердного раба. Это вполне понятно, — ведь чем усерднее служил раб, тем ценнее становился он с точки зрения хозяйских интересов, тем меньше у него было шансов на освобождение. У раба была почти единственная возможность получить свободу — это побег, и не мало рабов бегало от «добрых господ» и, забираясь в лесную глушь, основывало никому неизвестные починки.

Но утвержденный как писаным законом, так и неписаным обычным правом, институт рабства в домонгольской Руси не был так широко распространен, не являлся главной производительной силой и основным объектом эксплоатации высших классов и не носил тех отталкивающих форм бесчеловечного отношения к рабу, как это было, например, в античном Риме. Русь не была рабовладельческим государством.

СРЕДСТВА ЖИЗНИ.

Недаром понятия труд-работа и труд-печаль в древне-русском представлении были синонимами, недаром слова работа и рабство, страда (летние работы земледельца) и страдание — происходят от общего языкового корня.

Сейчас эти выражения являются словесно-бытовыми архаизмами, но тогда они были точными определениями. Тяжел был труд в особенности пахаря-смерда. Врубался он в дремучие леса Поволжья, про-

дирался сквозь непролазные дебри, выжигал их, выкорчевывал и на «гарях», «росчистях», «роздертях» и «притеребах» распахивал свои пашни — «рольи», «на сыром корени» ставил починки и деревни. Примитивной сохой бороздил дикую, неподатливую целину, «каменья, коренья вывертывал». В борьбе с лесом захватывал, сколько мог, места — «в край он уедет — другого не видать».

Но даже и удобренная золой и пеплом пожарищ земля плохо вознаграждала неимоверный труд земледельца. Навозного удобрения он не употреблял, потому ли, что он не знал, или, может быть, недостаток скота не позволял скоплять нужного количества навоза.

На скупых подзолах и суглинках лучше всего родилась неприхотливая рожь. Она — рожь-жито — действительно была жизнью смерда. «Привезоша жито и тако ожиша». «Матушка-рожь всех дураков кормит сплошь», — любовно шутил пахарь-смерд над своей кормилицей.

Крупные землевладельцы, пользуясь дешевым полукабальным трудом смерда-закупа, извлекали из сельского хозяйства значительные выгоды.

Орудия сельского хозяйства немногочисленны и несложны — соха, деревянная борона, серп, грабли, цеп-молотило да лопата. Травы не косили, а или жали обычным серпом, или же рубили увеличенным серпом — косой-горбушей, откуда и происходит древне-русское выражение «сено сечи» и название сенокосов — «сеножати». Впрочем, коса-горбуша бытовала на Руси целые столетия, а в некоторых местах была в ходу даже в XIX веке.

Мельниц — ни водяных, ни ветряных—до XV века не знали, их заменяли ручные жернова. В «Патерике Печерском» рассказывается о трудах инока Феодора в подземной пещере. «Постави же в пещере жернова и от сусека пшеницу взимая и своима руками измеляше, по вся нощи без сна пребывая, труждаяся в деле и в молитве, заутра же в сусеки муку даяше... Некогда привезену бывшу житу от сел, инок Феодор 5 возов ссыпа жито в сосуды, нача молоти в жерновы... Бес за него все измолол»...

Скотоводство в условиях полулесного хозяйства развивалось слабо. Держали рабочих лошадей, коров, овец, коз, а в дубовых лесах Поволжья, где в изобилии находился любимый свиной корм — жолуди, разводили свиней. Свиноводство особенно процветало у мордвы.

С лесом пахарь-смерд боролся, но от него же и кормился. В дуплах старых деревьев находил он многочисленные рои диких пчел. Из эксплоатации этих пчел развился один из ранних лесных промыслов — бортничество. Борти — естественные ульи и «бортные ухожья» — заменяли пчелиные пасеки. Никакого ухода за этими «ухожьями», в сущности, не было, и древний бортник-древолаз только собирал мед диких пчел, получая от них значительную добычу.

«Бортные ухожья» — важная статья дохода — тщательно охранялись от лесных порубок и от посягательств охотников до чужой собственности. На бортных деревьях вырубались «бортные знаки» или «знамена» владельца: «калита» (мешок, сумка) с поясом, четыре рубежа, крест, стрела и т. п. «Раззнаменование» борти, т. е. стесывание «знамени» и замена его другим, подложным, рассматривалось, как тяжелое преступление, и сурово каралось.

Бортными ухожьями особенно славились земли Нижегородские, Муромские и Рязанские. Лучшие ухожья принадлежали князьям, боярам и монастырям.

Бортничество породило специальную и довольно значительную в общем древне-русском торговом балансе отрасль — торговлю воском. Были особые торговцы — «вощники».

Употребление меда и медовых напитков было широко распространено, но меньше всего среди тех, кто добывал мед, а главным образом среди высших состоятельных классов и в монастырях. В древне-русских монастырях — и мужских и женских — меды варились и потреблялись в огромном количестве, а кроме того еще и различные благотворители — князья, бояре и купцы — бочками присылали меды «на утешение братии». Летописец удивляется аскетизму жены нижегородского великого князя Андрея Константиновича, постригшейся в монашество, что она «в монастыре живяше, пива и меду не пьяше, на пирех, на свадьбах не бываше». Повидимому, такое воздержание было не совсем обычным явлением на фоне тунеядной и разгульной жизни древне-русского монашества.*

В обстановке полуземледельческой, полулесной жизни возникли одни из самых ранних русских промыслов — бондарный и рогожный. Лес также и обувал всю крестьянскую массу. Лес снабжал и самым ценным экспортным товаром — пушниной.

Реки, малозаселенные и незагрязненные, изобиловали рыбой, и рыболовство было одним из значительных промыслов. Ловили рыбу сетями, неводами — «навами», бреднями, «мрежами», «удицею», ставили через реки прутяные перегородки — «езы» и ловили порой даже прямо руками. О таком удивительном обилии рыбы сообщает Новгородская летопись под 1353 годом: «...Новгородские людие рыбу руками имаша у брега, сколько кому надобе»...

Самые крупные рыбные промыслы были по Волге, Оке, Суре и на Курмышских озерах. «Рыбные ловли» принадлежали владельцу земельного участка, но лучшими владели высшие сословия и монастыри.

По левому берегу Волги, на участке между Городцом и Балахной, где лежали соленосные слои, очень рано возник соляной промысел. Но этот доходный промысел с самого начала оказался собственностью городецких, а потом московских князей и Городецкого Феодоровского монастыря. На эти княжеские и монастырские владетельные права указывается в завещании внука Ивана Калиты, князя Владимира Андреевича (ум. в 1410 г.). «А соль на Городце дети мои князь Семен... Ярослав выдают с одного (т. е. сообща), а делят себе на полы, опричь Федоровския варницы, без повеления [других] детей моих»...

Промышленности, в современном понимании этого слова, не существовало, были только промыслы и ремесла. Из ремесел самыми распространенными, занимавшими наибольшее количество рабочих рук, были — плотничное, столярное, древорезное, бондарное, гончарное, кузнечное, кожевенное, каменно-строительное, корабельно-строительное. Сапожники, швецы-портные, шорники, ткачи — рабо-

---

* «Нижегородский Летописец», под 1365 г.

тали главным образом для городов и крупных слобод и посадов. Деревня обходилась своими силами и средствами — там каждый мужчина умел плести лапти и сделать нехитрую полукожаную-полумочальную конскую сбрую, каждая женщина была ткачихой и швеей.

Редкими, ценными и высокоразвитыми ремеслами-искусствами были злато- и сребро-швейное, чеканно-ювелирное и оружейное. Плано Карпини рассказывает, что во время путешествия его в Монголию в 1245 году, к великому хану, он видел при ханской ставке русского очень искусного золотых дел мастера: «...Господь послал нам в помощь одного русса, которого император очень любил и который помогал нам несколько. Он показывал нам сделанный им императорский престол, прежде нежели поставили его на место, и императорскую печать, сделанную им же»...*

Очевидно, замечательная золотая и серебряная утварь церквей, чеканные, украшенные драгоценными камнями и жемчугом, ризы икон, золотая и серебряная посуда знати и изумительное шитье княжеских одежд и церковных плащаниц и хоругвей — произведения русских мастеров и мастериц. И, может быть, даже зарождение замечательного городецкого кружевного промысла нужно искать в глубине веков.

В крестьянской Руси «ремественники» были довольно редки и ценились высоко. Это отражено даже в древнейшем русском кодексе — «Русской Правде»: за убийство «ремественника» и «ремественницы» налагалась двойная «вира» — штраф — двенадцать гривен серебра вместо шести за обыкновенного смерда.

Торговля, как более легкий способ наживы, увлекала многих. Торговали и профессиональные купцы — «гости торговые», и князья, и дружинно-боярская знать, и духовенство. Но далеко не все могли извлекать из торговли большие выгоды, для этого прежде всего нужны были товары и деньги, а они сосредоточивались в руках купцов-профессионалов, князей и высшего духовенства.

Знать и духовенство обычно не принимали личного участия в торговле, а предпочитали давать деньги в «куплю», входя в пай торговых операций. Духовенство пошло даже дальше и занялось торговлей самими деньгами, ростовщичеством, что было отмечено и осуждено позднее в постановлениях «Стоглавого собора»: «...Дают митрополичьи и архиепископльи и епископльи деньги в росты и хлеб в наспы, такоже и монастыри дают казенные деньги в росты и насны»...**

Торговля велась и за наличные и в кредит. Чаще всего купцы кредитовались у самых богатых людей на Руси — у князей, под залог или поручительство надежных лиц и платя проценты — «резы». Но нередко случалось, что должники вместе с поручителями убегали от своего кредитора за пределы досягаемости — в другое княжество и, начиная новые операции, возобновляли и здесь старые проделки.

Торговые операции и доходы облагались специальными пошлина-

---

* Плано Карпини — История монголов.

** Стоглав, гл. 76.

ми и сборами — «гостиным» и «мытом». Для сбора пошлин, налогов утверждались особые «мытные дворы», существовавшие во многих русских городах — Смоленске, Киеве, Полоцке, Владимире, Новгороде Великом, Муроме, Рязани, Городце, Нижнем Новгороде. «Гостиное» и «мыт» шли в княжескую казну. «А что, княже, мыт на твоей земле, а то, княже, имати по 2 векши от лодьи и от воза и от льну и от хмельные короба»...*

При натуральном хозяйстве древней Руси ее внутренний рынок не отличался ни особенной емкостью, ни особенным разнообразием товаров. На городских торгах, у погостов и на «торжищах»-ярмарках больше всего было соли, хлеба, кож, глиняной и деревянной посуды, рогож, холста и простых сукон, кожаной обуви и других, необходимых в простом быту, товаров. Исключение составляли только большие торговые и пограничные города — Киев, Новгород Великий, Псков, Полоцк.

Главная торговля была внешняя — с Византией, западно-европейскими странами и Востоком.

Из Византии, Сурожа-Судака и Западной Европы шли на Русь шелковые ткани, парча, дорогие и тонкие сукна, богатые и модные костюмы, сафьян, золотые и серебряные изделия, стекло и хрусталь, оружие, краски, мрамор и мозаика, иконы, церковная утварь, ладан, елей, фрукты, вина.

С востока — ковры, вина, сушеные фрукты, ювелирные изделия, шелка, драгоценные камни и жемчуг, обувь, хлопчатобумажные ткани, пряности, духи, ароматические и лечебные травы и экстракты.

Русь экспортировала лес, пеньку и лен, кожи, драгоценные меха, хлеб, мед, воск, икру, хмель и «челядь» — рабов.

Торговые сношения с заграницей обычно обуславливались письменными договорами, в которых определялись торговые пути, способы расчета, права и обязанности купцов и прочие детали. Уже в одном из самых ранних дипломатических актов Руси — договоре Олега с византийскими императорами («царема Грецькыми») Леоном и Александром (906 г.) выговорены льготы для приезжающих в Византию варяжско-русских купцов. ...«А иже придут гостье, да емлють месячину на 6 месяць, и хлеб и вино, и мяса, и рыбы, и овощемь, и да творять им мовь, елико хотят и поидуть же Русь домови, да емлють у царя вашего на путь брашно и якори, и ужа (веревки), и пря (паруса), елико надобе» ...**

В заключенной в 1229 году договорной грамоте между Смоленским князем Мстиславом Давидовичем и Ригой и Готским берегом *** — «како было любо Руси и всему Латинескому языку, кто у Русе гостит», — очень подробно перечисляются вопросы взаимоотношений русских и западно-европейских «гостей», права свободной торговли, способы разрешения споров и недоразумений, погашения и взыскания убытков и проч.

Правило — «не обманешь — не продашь» — практиковалось и в

* Из договора Новгорода Великого с тверским князем Ярославом в 1265 г.

** Лаврентьевск. лет., I, в. 2.

*** Балтийское побережье против о. Готланда, между Рижским заливом и Мемелем.

далекую старину, одинаково, как русскими, так и иностранными купцами. «Латыняне» жаловались на русских купцов, что подсовывают плохой воск, ставя на нем фальшивые клейма доброкачественного, а русские — на них, что те привозят, под видом хороших, плохие сукна, маломерные бочки со второсортными винами продают за полные и якобы с хорошими винами, доставляют неочищенную от примесей и грязи соль.

ПРОСВЕЩЕНИЕ.

Из Византии проник «свет христианского просвещения». Но этот свет долгое время скользил по поверхности, не проникая в глубину сознания даже высших слоев русского общества, подвергавшихся наиболее тщательной обработке духовенства.

Христианство с его суровыми правилами воздержания и аскетизма было тягостно для русских, веками воспитанных в языческом культе. И даже сравнительно простые и легко выполнимые формы христианских культовых обрядов — церковные службы с их театральным великолепием — мало привлекали новообращенное «стадо христово». Пастыри церкви горько жаловались на русский «абсентеизм». Кирилл Туровский (ум. в 1175 г.) в «Поучении в неделю 5-ю по пасце» говорит, что если христиане беспрекословно послушны призывам земных князей, то тем более должны бы быть внимательны к зову «князя небесного», т. е. посещать храмы. А между тем они выискивали всевозможные предлоги, чтобы уклониться от посещения церковной службы: тот очень занят, другому необходимо испытать пару волов, третьему—посмотреть купленную землю, жениться. «Но если бы»,— иронически замечает проповедник,— «в церкви ежедневно давали серебро или золото, или же бы угощали пивом и медом, то верующие приходили бы без приглашения, стараясь опередить друг друга».[9]

В древнем поучении компилятивного характера начала XIII в. — «Яко не подобает крестьяном клапятися педеле» — еще резче и беспощаднее изобличается религиозная леность русских христиан и предпочтение ими светских развлечений церковной службе. «Аще плясци или гудци или ин хто игрець позовет на игрище или на какое зборище идольское, то вси тамо текут радуяся (а в веки мучими будуть) и весь день тот предстоят позорьствующе [любуясь зрелищем] тамо. А богу, апостолы и пророки вещающе... а мы позевающе и чешемся и протягаемся, дремлем и речем: дождь или студено, или лестно ино, да все то си спону [препону, препятствие] творим. А на позорищех ни покрову сущю, ни затишью, но многажды дождю и ветром дышющю или выялицы, то все приемлем, радуяся позоры дея на пагубу душам, а в церкви покрову сущю и заветрию дивну и не хотять прити на поученье, леняться».

В южной, Киевской, Руси религиозность и христианское сознание, по крайней мере во внешних его проявлениях — построении храмов, — повидимому, были выше, чем в Северной Руси. Это, возможно, объясняется близостью и непосредственным влиянием рассадника христианства — Киево-Печерской лавры.

В самом Киеве было огромное количество церквей, как можно

видеть по летописным сказаниям о пожарах. В 1017 году — через 29 лет после официального крещения Руси — в Киеве сгорело церквей «яко до семисот», вероятно, всех вместе — и приходских и домовых. В 1019 году в городе, едва оправившемся от опустошительного пожара, было уже 400 церквей. В 1124 году, когда, по словам Лаврентьевской летописи, погорел «мало не весь город», огнем уничтожено около шестисот церквей.

Города Северной Руси не так были загромождены церквами. Во Владимире во время пожара 1185 года, уничтожившего почти весь город, сгорело только 32 церкви. В Ростове, при пожаре 1211 года, испепелившего весь город, сгорело 15 церквей, в Ярославле, при огромном пожаре 1221 года — 17 церквей.

В действительности после «крещения» Русь долго оставалась полуязыческой-полухристианской, и это двоеверие проявлялось во многих мелочах русского быта.

Языческие боги, несмотря на уничтожение их изображений, жили на Руси еще целые столетия. Они жили в русском сознании не как смутные воспоминания о сумерках древности, а как вполне реальные существа, как боги, изгнанные победителем — христианством.

Даже внешняя форма древнейшего языческого культа — идолы-истуканы [10] — не исчезли из обихода. Если брошен в Днепр Перун, сожжены и уничтожены изображения Хорса, Волоса и других божеств древне-языческого пантеона, то на границах полей и владений долго еще стоял «Чур» или «Щур»*, изображавшийся в виде коротких обрубков дерева и превратившийся впоследствии в лишенные всякого культового символизма «межевые знаки».

Когда автор «Слова о полку Игореве», христианин-дружинник говорит: «Се ветри, Стрибожи внуци веють с моря стрелами на храбрые полкы Игоревы», когда обращается к древнему певцу Бояну — «чили, воспети было, вещий Бояне, Велесов внуче», когда скорбит о том, что вследствие княжеских усобиц на Руси «погыбашеть жизнь Дажьбожа внука», — то для него это не реторические фигуры, не поэтические образы, а живые боги, влияющие на судьбу людей.

Древний анимизм, одухотворяющий природу, ее явления и силы, слышится и в плаче Ярославны: «О, ветре, ветрило, чему, господине, насильно вееши? чему мычеши хановскыя стрелкы... на моея лады вои?» «О Днепре - Словутичю, ты пробил еси каменныя горы сквозе землю половецькую; ты лелеял еси на себе Святославли насады до полку Кобякова, — возлелей, господине, мою ладу ко мне... Светлое и пресветлое солнце... чему, господине, простре горячюю свою лучю на лады вои? в поле безводне жаждею им лукы сопряже, тугою им тулы заточе?».

Даже сама церковь, энергично боровшаяся с русским двоеверием,

---

* Чур, Щур — древне-славянское божество, охранитель жилищ, границ полей и владений. Изображения Чура в виде коротких обрубков дерева — чурбанов — ставились на межах и гранях. Нарушители границ, уничтожавшие «Чуры», проникали на чужую землю «через чур». Отсюда наше, сохранившее отзвук глубокой древности, выражение «чересчур», т. е через границы, свыше меры, слишком много. Слова «чурбан», «чурка» несомненно связаны с именем древнего «Чура».

не отрицала действительльного существования языческих божеств, но только из ранга богов переместила их в разряд враждебной христианству силы — бесов. И, чтобы отогнать развенчанных богов — бесов от излюбленных ими мест, на тех местах, где раньше стояли их капища и изображения, стали сооружать христианские храмы, на пнях срубленных священных деревьев ставились алтари и престолы.

На пережитки язычества во второй половине XIII века, именно на испытание огнем и водой подозреваемых в волшебстве, указывает в одном из своих «Слов» епископ владимирский Серапион (ум. в 1275 г.): «А еже аще поганьскаго обычая держитеся, волхованию веруете и пожигаете огнем невинныя человеки... Вы же воду послухом [свидетелем] постависте и глаголете: аще утопати начнеть, невиновна есть, аще ли пополоветь, — волховь есть».

Пережитком язычества был также и обычай высшего сословия-класса носить два имени: одно — христианское, дававшееся при крещении, другое — народное, «мирское», не встречавшееся в христианских святцах. Владимир Мономах в своем «Поучении» говорит о себе: «Аз, худый, дедом своим Ярославом нареченный в крещении Василий, руськым именем Володимерь». В Ипатьевской летописи под 1151 годом запись, что у князя Святослава Ольговича родился сын «и нарече имя ему в святем крещении Георгий, а мирскый—Игорь»; в Лаврентьевской летописи, под 1213 годом: «родися сын Георгию князю [Всеволодовичу], назваша и Всеволод, а во святем крещении нарекоша имя ему Дмитрий». Брат Юрия Всеволодовича, Ярослав, носил христианское имя Федор. Всеволод «Большое Гнездо» крещен был Димитрием. И что особенно знаменательно — «мирские» или «княжеские» имена употреблялись всегда, христианские же — очень редко и случайно.

Нет необходимости говорить о таких повсеместно распространенных пережитках, как вера в домовых, леших, водяных, русалок, празднование масленицы, семика, колядки, — это всем известно. Несмотря на перекрестный огонь церкви и светского просвещения, они прошли через века и дожили до нашего времени.[11]

Но если этот «языческий атавизм» встречается на каждом шагу в высших, более культурных и все же до некоторой степени охристианенных слоях ранне-феодального русского общества, то о низах нечего и говорить. Русь не отличала христианского мученика Власия от созвучного по имени языческого Велеса, и христианский святой сделался покровителем скотоводства и охоты, как и его языческий предшественник. Библейский пророк Илия в ее глазах — тот же бог Перун с аттрибутами громовержца, только под другим именем. Иван Креститель превратился на русской почве в Ивана-Купалу. Особенно почитаемый деревенской Русью бог огня Сварог* долго еще пользовался почитанием и поклонением и в христианские времена. «Молятся огневи под овином», — говорится в «Слове Христолюбца», т. е. во время сушки снопов в подземном помещении овина,

---

*Древне-славянский бог огня Сварог и по имени (филологически) и по компетенции—очень близок к санскритскому «Svârga» — бог солнца, буквально—блистающий светом.

где раскладывался костер, «крещеная «Русь» совершала обряд поклонения огню — Сварогу.

Христианизация распространялась медленно и постепенно, в направлении географическом — с юга на север и направлении сословности — от княжеско-дружинной знати до низов социального здания. Между христианством — в лице духовенства и князей — и язычеством — в лице волхвов — велась жестокая борьба, нередко принимая формы кровавых столкновений. Это была борьба за политическое влияние и за материальные блага и преимущества.

Одновременно с церковно-христианским просвещением робкими и нерешительными шагами пробиралось и светское. Правда, «светскости» в нем на первых порах было очень еще мало. Оно шло из того же источника — Византии и, как световой луч в фокусе стекла, прежде всего сосредоточивалось в Киево-Печерской лавре. Отсюда, уже в специфическом преломлении монастырского мировоззрения, расходилось по Руси. «Из Печерского монастыря», — говорит М. П. Погодин, — «разносилось образование по областям русским с епископами, назначаемыми из иноков, и всякая новая епархия делалась новым учебным округом, новый монастырь гимназией, и новая церковь народным училищем. Вот почему строение церквей, учреждение монастырей, столь тщательно записанное нашими летописцами, должно занимать место в истории» *.

Этот специфический отпечаток виден в характере обращавшейся в ранне-феодальной Руси литературы, старательно отобранной и процензурованной Киево-Печерской лаврой. Круг чтения долгое время ограничивался религиозно-нравственной литературой. В обращении были: «Псалтирь толковая», жития святых, «Патерики», «Прологи», «Синаксари», святоотеческие сочинения Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста, Кирилла Александрийского, Иоанна Лествичника, Кирилла Иерусалимского, Анастасия Синаита, Ефрема Сирина.

Наряду с богослужебными и религиозно-нравственными книгами появляется уже литература философского направления, а также повествовательно-исторического, естественно-исторического и географического характера. Таковы: «Книги Бытейныя, рекомыя Палея» — обозрение событий от сотворения мира и до христианства, Апокрифические сказания о царе Соломоне («Повесть о Китоврасе», «О царице Южичской», «Судове Соломони»), «История Варлаама и Иоасафа», «Александрия», «Сказание об Индейском царстве», сочинения Козьмы Индикоплова ** и многочисленные хрестоматии — «Пчелы», «Хронографы», «Изборники», «Измарагды» — эти своеобразные энциклопедии различных сведений, во многом почерпнутых из византийских источников.

Книга, однако, вначале с трудом пробивала себе путь за пределами монастырских оград. Ее нужно было пропагандировать, заинтересовать и приохотить к ней людей, для которых звон оружия или

* М. П. Погодин — Древняя русская история до монгольского ига, т. II, стр. 1119.

** Козьма Индикоплов — знаменитый географ VI века, автор «Topographia christiana» („Христианская топография").

пиршественных братин был приятнее, чем тихий шелест книжных листов. «Добро есть, братие», — говорится в «Изборнике Святославове» (1076 г.) — «почитанье книжное паче всякому хрестьяну, блаженно бо, рече, испытаюштеи сведения его... Узда — коневи правитель есть и воздержание, праведнику же — книгы... Не составит бо ся корабль без гвоздий, ни праведник без почитания книжьнаго и якоже плеником ун стоить у родител своих, тако и праведнику о почитаньи книжнемь, красота воину оружие и кораблю ветрила, тако и праведнику почитание книжное»...

Но приохотить к «почитанию книжному» светского читателя на первых порах было так же трудно, как взнуздать и объездить дикого коня. «Жену имам и дети кормлю», — уклонялся мирянин, — «не наше есть дело почитание книжное, а черньчьское» *.

И если «мирской человек» принимался читать и в особенности переписывать книгу, то после того как основательно нагрешил в этом мире и делал это прежде всего «для спасения души». Этой душеспасительной целью также до известной степени определялся характер содержания книг.

Переписка книг была делом трудным и серьезным, требовавшим умения, пристального внимания и длительного времени. Поэтому вполне понятна и законна наивная радость «списателя» — переписчика по окончании книги, когда он сравнивает себя с женихом, нашедшим невесту, с кормчим, в «отишие» пришедшим, с вернувшимся в отечество странником **.

Постепенно книга внедряется в житейский обиход, но как вещь дорогая — только в верхних слоях русского общества. Русские князья начинают уже составлять библиотеки, и эта драгоценность переходит из рода в род, упоминаясь в завещаниях наряду с другими сокровищами. Переписчик (а может быть и составитель) второго «Изборника Святославова» (1076 г.) говорит: «Кончашася книгы сия рукою грешьного Иоана, и избрано из многих книг княжьих».

Известно о большой библиотеке владимирско-суздальского великого князя Константина Всеволодовича.

Эти случайные известия не охватывают, конечно, всех, находившихся у русской знати, библиотек — их было, вероятно, не мало. Когда Владимир Мономах говорит в «Поучении»: «взем Псалтирю в печали», то можно предполагать, что это не единственная книга в его владении. А его отец Всеволод Ярославич — образованнейший человек своего времени, который «дома седя, изумеяше 5 язык», — несомненно обладал, наряду с прочими богатствами, и книжными сокровищами, перешедшими в наследство к сыну.

За период от начала официального христианства и до нашествия монголов общий книжный и письменный фонд Руси достиг размеров, значительно превышавших сокровища письменности всей Запад-

---

* Из «Слова» Кирилла Туровского.

** Характерным выражением такой радости являются заключительные строки Лаврентьевской летописи: «Радуется купець, прикуп створив и кормчий в отишие пристав и странник в отечьство свое пришед; такоже радуется и книжный списатель, дошед до конца книгам, тако же и аз худый, недостойный и многогрешный раб божий, Лаврентий мних»...

ной Европы. «Мы имеем из этого периода», — говорит Погодин в своей «Древней русской истории до монгольского ига» (т. II), — «множество письменных произведений, принадлежащих лицам всех званий и санов — князьям, митрополитам и епископам, архимандритам и монахам, боярам и простолюдинам — о предметах самых разнообразных, обнимающих жизнь почти во всех ее проявлениях. Мы имеем летописи, сказания, законы, церковные уставы, грамоты княжеские, монашеские, мирные, торговые договоры, поучительные слова, рассуждения, жития, послания, описания странствий, вопросы и ответы о церковных предметах, правила, притчи, молитвы, письма, похвалы, даже автобиографии. Должно присоединить к произведениям духовной и церковной словесности и светские произведения: былины, песни, пословицы, поговорки, «Слово о полку Игореве», «Слово Даниила Заточника».

Книга, пробив, наконец, дорогу, нашла обширную читательскую аудиторию. Особенным успехом пользовалась литература, получившая впоследствии общее и огульное название «апокрифической». Ее тематика — преимущественно библейские, ветхозаветные и новозаветные персонажи и их подноготная, занимавшая невзыскательного читателя. Он находил в апокрифах ответы на пытливые запросы своей наивной мысли — о мироздании, человеческой судьбе, будущей жизни, тайнах природы. Успех апокрифической литературы испугал русскую церковную иерархию, и тогда появляются списки «ложных или отреченных книг» — недозволенных и вредных. Апокрифы были приравнены к суеверию, еретичеству и волхвованию, объявлены «дьявольским писанием». Но, несмотря на то, что эти книги церковь называла «вторым идоловерием», книгами, «навеянными от беса на пагубу душам», — они читались больше церковных и религиозно-нравственных, привлекая к себе доступным пониманию стилем и сказочным характером.

Со введением христианства на Руси получает большое распространение своеобразный способ расширения географических знаний — паломничество. Но русского путешественника-паломника — «калику перехожего» — чаще интересуют не западно-европейские страны, не мусульманский Восток, не дикий неисследованный Север. Послушное указаниям церкви, его внимание устремлено к «святым местам» — к Византии и Иерусалиму. Группами идут калики

«... ко граду Еросолиму,
Ко святой святыни богу помолитисе,
А во Ердань реки окупатисе»...

как говорит «Стих о сорока каликах со каликою».

Один из ранних памятников русской письменности (начало XII века) «Житие и хоженье Данила, руськыя земли игумена», или по другой, более поздней редакции, — «Паломник Данила мниха» — сообщает довольно подробные сведения о Палестине эпохи завоевания ее крестоносцами и существования Иерусалимского королевства.[12]

«Святая земля» Палестина показывала нашим «каликам» свои «святыни» и достопримечательности — Иерусалим с «пупом земли», «гробом господним» и «светом святым, сходящим с небес», гору Фавор, пещеру мифического Мельхиседека, Иордан-реку, Вифлеем.

Византия ошеломляла собственным ассортиментом «святынь» — там демонстрировали законсервированную «кровь христову», «блюдо, с которого ел Христос на Тайной вечере», «доски от гроба господня», «орудия, которыми был сделан крест Христов», «Камень от колодца, где Иисус беседовал с самаритянкой» и еще целый ряд религиозной бутафории.

Ошеломленный великолепием экзотических «святынь», омытый иорданскими водами, русский паломник возвращался на свою родину и своими описаниями и рассказами поднимал новые дружины «калик-перехожих».

Христианство сыграло большую прогрессивную роль в исторической жизни русского народа. Вместе с христианством пришла письменность и книжное просвещение, пышный расцвет изобразительных искусств, в особенности живописи (иконописи) и зодчества. Христианство в значительной степени смягчило дикость и жестокость нравов и способствовало росту культуры русского народа.

РАДОСТИ ЖИЗНИ.

Христианская аскетическая мораль, призывавшая к «радостям небесным», не хотела мириться с земными радостями. Песни, игры, зрелища, охота, светские интересы — все это в глазах церкви было «служением бесу похоти телесныя», последним приютом низверженного язычества. Служители церкви возмущались отсутствием у русской знати хорошего христианского тона. «Да егда в пиру или инде где соберутся, то подобает христианом сице рещи: тако глаголет апостол Павел или Иоанн Богослов, или Исайя пророк или ин который от святых; но вместо того вси вещают: се глаголет он си скоморох, или он си кощунник и игрец — тем бо многими себе пути готовят ведущая на пагубу» *.

Но как ни боролась церковь с проявлениями житейских радостей, как ни громила их с церковных амвонов, стараясь внедрить в русский быт мертвящий монастырский аскетизм, — развлечения держались крепко, одинаково захватывая все слои русского общества. Характер и масштабы земных радостей варьировались в соответствии с социальной средой.

Любимым развлечением княжеско-дружинной знати была охота — «лов». Если для зверолова-смерда охота была «ловитвой» — тяжелым промыслом и средством для жизни и уплаты дани, то для князя и знатного дружинника-боярина она являлась именно охотой, забавой, веселым праздником среди природы. «И сему ся подивуемся», — говорит Владимир Мономах, — «како птица небесьныя из ирья ** идуть... и не оставяться на одиной земли, но и сильныя и худыя идуть по всем землям божиим повеленьем, да наполняться леси и поля. Все же то дал бог на угодье человеком, на снедь, на веселье». Обилие зверя и всякой дичи, неограниченные хозяйские права князя — обеспечивали это «веселье».

---

* Памятники древне-русской церковно-учительной литературы под ред. проф. А. Н. Пономарева. СПБ. 1894—97, т. III, стр. 106.

** Из ирья — из теплых стран.

Специальные заповедные участки — «ловища» — обширные и лучшие — были к услугам знати. Здесь часто жили постоянные ловчие — псари, сокольники, тетеревятники, бобровники, ловцы лебединые, заячьи, гоголиные. Местное население обязано было на свой счет содержать княжеских ловчих, когда те приходили на охоту.

Княжеские выезды на охоту были многолюдными и длительными походами на лес и степь и продолжались иногда по нескольку недель. Отправлялись с семьями, дружиной, ловчими и дворцовой челядью, с запасами продовольствия, медов и вин.

Средства и орудия охоты — лук со стрелами, копье, рогатина, нож, тенета и сети, охотничьи собаки, обученные соколы и кречеты.

Былинный сказ рисует охотничьи приемы и перечисляет объекты лова:

«Вейте веревочки шелковые,
Становите веревочки во темном лесу
На диких зверей и черных соболей,
Больших поскакучих заюшек,
Малых горностаюшек,
Вейте силышки шелковые,
Становите на темный лес,
На темный лес, на самый верх,
Ловите гусей, лебедей, ясных соколей
И малую птицу - пташицу»...

Пышная княжеская охота — это рыцарская арена, где можно было показать свою силу, ловкость и отвагу. В своем «Поучении» Владимир Мономах говорит: «А се труждахся, ловы дея... А се в Чернигове деял есмь: конь своима руками связал есть в пущах 10 и 20 живых конь, а кроме того еже по Роси ездя, имал есмь своима руками те же кони дикия. Тура мя 2 метала на розех и с конемь, олень мя один бол, а 2 лоси, один ногама топтал, а другой рогома бол, вепрь ми на бедре мечь отъял, медведь ми у колена подклада укуси, лютый зверь [барс] скочи ко мне на бедры и конь со мною поверже»... Ипатьевская летопись под 1238 годом говорит о князе Васильке: «был храбр паче меры на ловех» и под 1287 годом — с большой похвалой о князе Владимире Васильковиче: «ловець добр, хоробр, николиже ко вепреви и ни к медведеви не ждаше слуг своих, а были ему помогли, скоро сам убиваше всякый зверь и тем прослы бяшеть по всей земле»...

Духовенство, осуждая ловы, как языческую забаву, не отказывалось, однако, от обладания охотничьими угодьями — «ловищами». Монастыри, владея пожалованными по усердию и «на помин души» ловищами, держали своих ловчих — пардусников, бобровников, сокольников, тетеревятников, и извлекали из этих, далеко не иноческих, предприятий значительные доходы.

Излюбленное выражение Владимира «Красное Солнышко» — «Руси есть веселие пити, не можем без того быти», — хорошо отражало вкусы феодальной знати. Постоянное явление княжеского быта — пиры принимали иногда гомерические размеры, продолжаясь по нескольку дней подряд.

«А и было пированье, почестный пир,
Было столованье, почестный стол —
На многи князи, на бояра
И гости богатые.
Будет день в половину дня,
Будет пир во полу-пире»...

На этих пирах, когда, по выражению былины, к половине дня было только полпира, столы ломились от яств и крепких напитков и множество расторопных слуг, обливаясь потом, едва успевали подавать угощенье.

Слух пирующей знати услаждали оркестры музыкантов. Серебряными переливами рокотали «гусли звонкие яровчаты»*, пели смычковые инструменты вроде скрипок, посвистывали дудки и свирели-«писки», потрясали воздух медные трубы и оправленные в серебро турьи рога, звенели металлические тарелки, гудели барабаны и тамбурины.

Знаменитые певцы-баяны, «соловьи старого времени» — воспевали славу и боевые подвиги князя и дружины, начиная свои песни и былинные сказы традиционной прелюдией — «предицей»:

«Высота ли, высота поднебесная,
Глубота, глубота окиян-море,
Широко раздолье по всей земли,
Глубоки омуты днепровские»...

В подражание законодательнице мод — Византии — выступали хоры певцов. Они выстраивались в особом порядке и начинали — уже в русском стиле — «Славу в честь ласкова князя»:

«Мы тебе песню поем,
Тебе честь воздаем,
Как белый сыр на блюде лежит,
Что сахарный кус на тарелочке,
Как маков цвет в огороде стоит,
То князюшка наш за столом сидит»...

С певцами чередовались искусные плясуны, акробаты, жонглеры, «сказатели». В княжеских пиршественных балетах участвовали, повидимому, и женщины, иначе незачем было бы церкви, порицая пиры, разражаться несдержанным гневом: «Пляшущая бо жена невеста сатанина нарицается и любовница диаволя, супруга бесова; не токмо сама сведена будет во дно адово, но и тии, иже с любовию позоруют и в слостех разжигаются на ню похотию прельщающе святыя мужи плясанием, яко же дщи Иродиада. Пляшущая бо жена многим мужем жена есть, того диавол многи прельщает во сне и на яве. И все любящеи плясати со Иродиею в неугасимый огнь осудятся»**.

Желанными гостями пиров были скоморохи — «люди веселые», изображаемые в наших былинах в древнейшем своем образе — «гусельников». Скоморохи прежде всего — «люди веселые», их профессио-

* «Яровчаты» — искаженное яворчаты — из дерева явора.
** Памятники древне-русской церковно-учительной литературы, изд. и ред. А. Е. Пономарева.

нальная задача — главным образом остроумная и потешная шутка, веселая, а порой и колючая сатира.

Переходя из города в город, от одного княжеского или боярского двора к другому, они приносили новые песни и новые вести, иногда подолгу засиживались у своих меценатов.

Во время пиров им отводилось в княжеских гриднях особое «скомороховское» место — на широкой «муравленой» печи, или же в запечном закоулке — на «запечке».

«...Ваше место скомороховское
Что ль на печке да на запечке».
Скоморошина тут местом не брезговал,
А скочил на печку на муравлену»...

Их профессиональное «скомороховское» платье, резко отличавшееся от обычного «благопристойного» русского костюма, глубоко возмущало непримиримых ригористов — служителей церкви. «Начаша пристроати собе кошюли [мешковатые рубахи], а не срачицы [сорочки] и межиножие показывати и кротополие носите и аки гвор [мешок] в поговицы сотворше, образ килы имуще и не стыдящеся отынуду, аки скомраси».

Церковь с особенной настойчивостью боролась с «глумотворцами» — скоморохами, но они — любимцы всех общественных слоев — успешно выдержали эту борьбу и прошли через века, явившись родоначальниками нашего театра. В «Поучении Зарубчаго черпеца Георгия» — предостережение христианам против скоморохов: «Смеха бегай лихаго; скомороха и сла точьхара и гудця и свирця не уведи у дом свой глума ради; поганьско бо то есть, а не крестьяньско, да любя та глумления поган есть и с крестьяны причастья не имать; дьяволи бо суть сли (послы) с мысци и созванья и веселья блудьская бо то есть краса и радость бесящихся отрок; а крестьянскы суть гусли — прекрасная доброгласная псалтиря, ею же присно должны есмы веселитися»...*

Слагая песни, былины и сказы по поводу тех или иных событий, скоморохи распевали свои живые политические и злободневно-бытовые фельетоны хором —

«Добрым людям на послушанье,
Молодым молодцам на перениманье,
Еще нам, веселым молодцам, на потешенье»...

Они пели не только «сказы» и «величальные», но порой пускали меткие и отравленные ядом насмешки острые стрелы своей сатиры, высмеивая тупое чванство боярской и торговой знати. «К богатой шубе ума не пришьешь», «Тупо сковано — не наточишь, глупо рожено — не научишь», — это их скоморошьи стрелы.

Бездомные скитальцы-скоморохи добродушно посмеивались над собою, над своею бедностью: «гудок да гусли — все наше богатство».

От аристократических высот княжеских гридниц скоморохи часто спускались к демократическим площадям и торжищам, где чувствова-

* Срезневский — Сведения и заметки о мало известных и неизвестных памятниках, т. I вып. I, гл. VIII, стр. 56—57.

ли себя гораздо лучше и свободнее, чем вблизи знатных особ. Здесь никого не нужно было «величать» подобострастными песнями, и скоморохи, не стесняясь в выборе репертуара и напевов, тешили смердов и челядь удалыми плясками — «скоками» — и веселыми шуточными «запевами».

«Старина сказать да стародавняя,
Стародавняя да небывалая.
...Да не курица на ступе соягнилася,
Корова на лыжах покатилася,
Да свинья-то в ели ведь гнездо свила,
По поднебесью, братцы, медведь летит,
Да медведь летит да он хвостом вертит,
А по чисту полю у нас корабль бежит,
На синем море у нас овин горит,
Да овин горит и то со репою»...

Грохотала веселым смехом демократическая площадь и награждала артистов-забавников, чем могла.

Скоморошний репертуар и напевы носили, повидимому, международный характер, свидетельствуя о далеких странствованиях и встречах русских баянов и скоморохов с западно-европейскими трубадурами, менестрелями, бардами и миннезингерами. На эти международные артистические сношения и связи намекает былина:

«Тонцы он повел-то великие,
Припевки припевал из-за синя моря»...

Церковь, бичуя светские развлечения, в частности, пиры с их обильным столом и разнообразной увеселительной программой, не особенно строго осуждала пиры-«братчины», устраиваемые в стенах монастырей. А такие пиры были, повидимому, заурядным явлением. Киевский митрополит Иоанн II в одном из своих «Ответов» говорит: «Иже в монастырех часто пиры творять, созывають мужа вкупе и жены и в тех пирех друг другу преспевають, кто лучей сотворить пир, си ревность не о бозе, но от лукавого бываеть ревность си и десною лестью приходящих и образ милости и духовное утешение провидящим и творящим пагубу. Подобаеть сих всею силою возбраняти епископом, научающи, яко пьяньству злу — царствия божия лишаться; яко пьяньство иного зла наследуеть».[13]

Снисходительный тон «Ответа» Иоанна митрополита вполне понятен — устраиваемые мирянами в монастырских трапезных пиры давали монастырской братии немалый доход. И если епископ возмущается, то не самым обычаем устройства пиров, а переходившим всякие границы пьяным разгулом.

Гораздо строже относится церковная иерархия к духовенству, посещающему мирские пиры. «Яко пси накостивии налезаете чюжая трапезы и не можете насытитися от неудержания своего и домы чюжая обходите и непозвани, где яко скоти на заколение питаетеся и пиете, яко в утел (утлый, дырявый) мех вливаете».*

---

* Срезневский — Сведения и заметки, т. II, гл. VIII, стр. 309.

Смерды-«люди» также имели свои небольшие радости. Они, правда, не устраивали оргийных пиров с большой увеселительной программой и пышных охот, их развлечения были проще и, может быть, красочнее и поэтичнее. В веселых хороводах они «сеяли просо», величая мифического «Дида-Ладо», играли в «горелки», символически изображая древне-славянский обычай «умыкания жен», колядовали и гадали зимой, на переломе зимы на весну праздновали масленицу.

Каким, например, тонким юмором и весельем искрится хороводная, настоящая крестьянская, песня:

«Я основушку сную, перемоты кладу.
Вечор в торгу клич кликали,
Клич кликали, что дорого,
Что дорого, что дешево.
Дешевы в торгу добры молодцы,
По семи молодцев на овсяный блин,
А восьмой-то молодец на придачу пошел.
Вечор в торгу клич кликали.
Клич кликали, что дорого,
Что дорого, что дешево.
Дороги-то в торгу красны де́вицы,
Перва девка во сто рублев,
Друга девка — во тысячу,
Третья девка — цены ей нет»...

Были свои, незамысловатые, но имевшие неизменный успех у зрителей, театральные представления с постоянными персонажами — медведем, козой и журавлем.

Некоторые из этих народных игр и забав дожили до наших дней.

КНЯЗЬ ЮРИЙ И ЕПИСКОП СИМОН.

ЗАВЕЩАНИЕ ВСЕВОЛОДА «БОЛЬШОЕ ГНЕЗДО». БОРЬБА КОНСТАНТИНА И ЮРИЯ ВСЕВОЛОДОВИЧЕЙ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ. ХАРАКТЕРИСТИКА ЮРИЯ И ЕПИСКОПА СИМОНА. ГОРОДЕЦКИЕ ПЛАНЫ ЮРИЯ И СИМОНА.

Владимирско-суздальский великий князь Всеволод «Большое Гнездо» перед смертью завещал великокняжеский стол не старшему своему сыну Константину, а второму — Юрию. Этот, необычный в практике русского княжеского престолонаследия, акт был вызван, по свидетельству летописи, нежеланием Константина подчиниться воле отца в разделе княжеского наследства. Для официального подкрепления своей воли Всеволод созвал собор из представителей бояр, черного и белого духовенства, дворян, купцов и «людей» (т. е. свободного, кроме крестьян-смердов, населения) от всех городов и волостей Владимирско-Суздальского великого княжества и заставил их, а также и своих сыновей, «целовать крест» Юрию.[14]

Может быть даже, что «непокорство» Константина было только формальным поводом передать великокняжеский стол и титул более энергичному и талантливому, чем старший сын, Юрию. Но летописец или не знал истинных причин необычного завещания, или же, по некоторым соображениям, считал неудобным разглашать их.

Завещание Всеволода не могло внести согласия и мира среди оставшегося без властной отцовской руки «гнезда». Тотчас же после его смерти (в 1212 году) сыновья Всеволода разделились на два враждебных лагеря — Константин и «целовавшие крест» Юрию Иван со Святославом, с одной стороны, Юрий и Ярослав — с другой.

Между «птенцами» Всеволодова «гнезда» началась упорная борьба и в замаскированной дипломатической, и в открытой форме военных действий, — с обоюдным нападением на «вражеские» уделы, разрушением сел и городов и захватом населения в плен.

Борьба продолжалась четыре года и закончилась разгромом Юрия и Ярослава соединенными дружинами Константина и его союзника, знаменитого новгородского князя Мстислава Удалого. В жестоком бою 22 апреля 1216 года на речке Липице, около Юрьева Польского, «полегли костьми» почти все войска Юрия и Ярослава и оба они едва успели спастись.[15] А еще накануне битвы Юрий и его советник Ярослав заключили между собой письменный договор о разделе Владимирско-Суздальского княжества и Новгородской земли. Братья-союзники так были уверены в успехе, что на мирные предложения Константина и Мстислава ответили надменным вызовом на бой.

Через несколько дней оставшийся без войск Юрий униженно молил победителей о пощаде. «Бысть же битва сия», — повествует летопись, — «месяца априля в 22 день, в четверток вторыя недели по пасце. Заутра же посла к ним [т. е. ко князьям-победителям] великий князь Юрий Всеволодовичь с поклоном, глагола сице: днесь аз сам иду из града, точию дайте ми живот. И тако изыде из града, с двема браты [парламентерами — Иваном и Святославом. — *Л. К.*] и поклонися князем и рече князем Мстиславу и Константину: вам ся кланяю и челом бью, дадите ми живот и хлебом накормите, брате мой, Костянтине».

«Живот» Юрию великодушными победителями был дан. Собравшиеся вскоре после битвы на Липецком съезде князья рассудили и разделили братьев-соперников. Константин получил, по праву старшинства, великокняжеский стол, а Юрий — окраинный город Городец-Радилов.

Изгнанник Юрий со слезами прощался с утраченным стольным городом Владимиром и гробницами предков. «Князь Юрий Всеволодович вшед в церковь пресвятое богородици, ударя челом у отча гроба плакаше горько, глаголаше: суди, боже, брату моему Ярославу, до сего мя доведе. И вшед в суды со епископом Симоном и со княгинею, и с детьми своими, и с людьми, и с малою дружиною, пришед вниде в Радилов-Городец» (Воскресенск. лет., 1216).

По Клязьме, Оке и затем вверх по Волге небольшая флотилия изгнанников прибыла в Городец.

Можно считать, что с этого времени начинается новый этап

истории Среднего Поволжья. Оно вовлекается в динамику нашей истории и вскоре становится **Нижегородским Поволжьем**. Главные действующие лица начальной стадии этого исторического периода, «зачинатели» новой истории Поволжья — князь Юрий Всеволодович и его житейский спутник, политический единомышленник и сотрудник — епископ Симон. Они, разумеется, были не одиноки, за ними стояли народные массы — не отмеченные летописью безвестные герои истории.

Юрий родился в Суздале — по Ипатьевской летописи в 1187 году, по Лаврентьевской — в 1189 году.

В 1192 году над ним — трехлетним ребенком — был совершен по обычаю времени и княжескому этикету рыцарский обряд «пострига и посажения на конь».[16]

В 1207 году, восемнадцатилетним юношей, Юрий участвует в походе отца против рязанских князей. В 1208 году он уже самостоятельно разбивает напавших на владение Всеволода — Московскую волость — «кюра» Михаила и князя Изяслава. В следующем 1209 году предводительствует направленной против рязанцев владимирско-суздальской ратью и наносит им поражение в битве при Тросне (по летописи — «Дроздне»).

Всю почти свою жизнь Юрий провел в походах, в боях, в борьбе за власть и трагически погиб в 1238 году в битве с полчищами Батыя на р. Сити.

По словам летописца, Юрий отличался высокой нравственностью, почитал духовенство, был религиозен и щедр к неимущим, любил даже врагов.[17] Для летописной характеристики, отшлифованной уже после трагической смерти Юрия, такой панегирик вполне естественен.

Сын своего века и класса по морали, культуре и деяниям, Юрий был, однако, незаурядной личностью, и Всеволод «Большое Гнездо» явно выделял его, своего любимого сына, из среды остальных детей, давая ему большие и ответственные поручения. До самой смерти Всеволода Юрий не имел собственного удела: отец и, в особенности, мать не отпускали от себя своего любимца.

Юрий обладал несомненными талантами государственного деятеля и полководца, дипломатическим искусством и тактом, большой энергией, достаточной политической дальнозоркостью и был высокообразованным для своего времени человеком. Его отец Всеволод, проживший несколько лет в Византии, привил детям вкус к высокой византийской культуре и любовь к просвещению*.

В характере Юрия порой наблюдается странное сочетание противоположных свойств — рыцарское благородство и варварская, ничем не оправдываемая жестокость, настойчивость и слабоволие, высокомерие и скромность.

Первым его делом, как только он занял после смерти Всеволода

---

* В. Н. Татищев видел список «Летописи», в которой епископ Симон, пользуясь библиотекой Константина Всеволодовича, записал некоторые события 1200—1225 г., хваля князя за любовь к просвещению. Эта «Летопись» после Татищева не найдена. Князь Юрий снабжал церкви книгами, как сообщает «Летопись».

великокняжеский стол, было освобождение брошенных в тюрьму непокорных рязанских князей — жест вполне благородный, как будто даже не вызываемый хотя бы скрытыми политическими соображениями. И наряду с этим — жестокость в борьбе с Константином, направленная главным образом против неповинных жителей константинова удела и еще бо̀льшая жестокость по отношению к мордве, когда поголовно истреблялись целые мордовские селения.

Настойчивый и упрямый, он в то же время был послушным орудием своего младшего брата Ярослава и сознавал это, хотя и слишком поздно. «Суди, боже, брату моему Ярославу до сего мя доведе»,— жаловался он после несчастной для него Липицкой битвы. Против Ярослава, этого беспринципного интригана, не поднималась почему-то рука Юрия, даже и в случае явно враждебных действий брата. В 1229 году Ярослав затеял заговор против Юрия и привлек на свою сторону племянников, детей умершего князя Константина. Юрий, достигший в это время вершины своего могущества, мог бы легко раздавить заговорщиков, но предпочел мирное разрешение недоразумений на княжеском съезде. От этого его авторитет среди северных князей поднялся еще выше.[18]

Разделивший с князем Юрием городецкое изгнание владимирско-суздальский епископ Симон был не менее крупной личностью, чем его друг и покровитель Юрий.

Уроженец юга, Симон многие годы был рядовым монахом Киево-Печерской лавры. В 1206 году был поставлен игуменом основанного Всеволодом «Большое Гнездо» Владимирского монастыря, а в 1215 году занял, по протекции князя Юрия, суздальско-владимирскую кафедру.[19] Умер Симон в 1226 году, погребен во Владимире, а затем перенесен на свою иноческую родину — в Киево-Печерскую лавру и впоследствии причислен к «лику святых».

Высокопросвещенный человек своего времени, страстный любитель книг и «писания книжного», Симон мог бы вполне применить к себе реторическую характеристику Даниила Заточника: «Аз бо аще не во Афинах растох, не у философ учихся, но бых падая ко книгам, аки пчела ко различным цветом, оттуду избираю сладость словесную, совокупляя мудрость, яко воду морскую». Он известен, как автор знаменитого послания к «Блаженному Поликарпу, черноризцу Печерскому, не у сущу архимандриту» и восьми повестей о подвижниках печерских, включенных в состав «Патерика Печерского».

В помещенном в том же «Патерике», весьма тенденциозном «Житии преподобного отца нашего Симона, епископа Владимирского и Суздальского» биографический материал очень скуден и характеристика имеет обычный для этого рода произведений обезличивающий житийно-акафистный трафарет. «Блаженный Симон, возлюбивый пречистую богоматерь, вознесен бысть на престол пастырский богом хранимому граду Владимиру и Суздалю, и украсися яве венец тамо сущия церкве светом звездным, престол же ея просветися яко солнце и яко луна совершенна, егда на высоком том степени много паче светлее сей добрый пастырь просия добрыми делы, аки звезда утренняя и аки луна полна и аки солнце»... В этом же духе и все остальное, многословно-бессодержательное «житие».

Не больше этого почерпнет читатель и в «Историческом описании Феодоровского монастыря и о минувшем политическом значении с. Городца».

Более обильный и красочный материал для характеристики Симона находится в собственном его произведении — «Послании к Поликарпу». Здесь ясно выступает живой Симон — блестящий апологет «иноческого подвига», неотразимый логик и — между строк — скрытый под благочестивой маской христианского смирения властолюбец и лицемер.

«Не житийный» Симон — необычайно умный и нравственно беспринципный человек, отличался далеко не христианскими высокомерием и корыстолюбием.

Безвестный публицист, современник Симона, дает убийственную характеристику этого «преподобного». «Язычная чистота», — говорит этот автор о Симоне, — «и быстрость преудивлена и дерзновение и бесстудство таковы, якоже никто не имать, никто же бе может противу его стояти; ецыи глаголаху о нем, яко от демона есть, инние же волхва его глаголаху... Вознесоша беси мысль его до облак и устремиша в нем втораго Сатанаила»...

Итак, в глазах современников Симон был безмерно наглым («бесстудным») человеком, не имевшим соперников в словопрении, с невероятным самомнением, и возникло даже суеверное подозрение, что он или дьявол, или, по крайней мере, колдун. Но историческая роль Юрия и Симона не может измеряться их нравственными добродетелями или пороками. Их роль в истории Нижегородского Поволжья была очень велика.

Приезд Симона в Городец отнюдь не был добровольным. Ставленник Юрия и его политический единомышленник и, следовательно, противник Константина, он не мог, разумеется, после поражения Юрия оставаться на владимирско-суздальской кафедре и вынужден был последовать за своим покровителем.

* * *

После богатого стольного города Владимира — культурного центра Северной Руси — маленький окраинный Городец должен был показаться изгнанникам глухим и диким захолустьем.

С «малой дружиной» и скудными средствами в Городецком уделе нельзя было совершать больших дел. Но зато здесь, в уединении и вынужденном бездействии, могли зарождаться и вынашиваться большие мысли и разрабатываться широкие планы будущего.

Автор «Исторического описания Феодоровского монастыря» говорит: «Симон часто вместе с городецкими пастырями и иноками Феодоровской обители и в сопровождении князя Георгия садился на ладью и совершал путешествие вверх и вниз по Волге. Во время этих путешествий по водам широкой Волги князь со святителем подробно изучали возвышенные и живописные приволжские местности. Неоднократно приходилось им проходить мимо Дятловых гор, которые им очень нравились. Вообще в это время городецких владетелей тянуло в эту сторону Волги».

Рассказ о миссионерской деятельности епископа Симона и его

совместных путешествиях с князем Юрием не подкреплен никакими документальными доказательствами и относится к области исторической фантазии, с которой можно соглашаться или не соглашаться. Однако, далеко не исключена возможность таких комбинированных миссионерских и разведывательных поездок по Волге. И, может быть, именно здесь, в городецком изгнании, могла зародиться большая мысль о создании на «усть Окы» будущего аванпоста колонизации Поволжья — сооружении города-крепости, города-ключа. И если эта мысль не была приведена в исполнение тотчас же, то лишь по недостатку сил и средств и из-за страха потерпеть поражение в неизбежном столкновении с сильным еще Булгарским царством. Поэтому большой, рожденный в Городце, план был до поры до времени отложен.

«НОВ-ГРАД НИЖНИЙ».

СМЕРТЬ КОНСТАНТИНА И ВОЗВРАЩЕНИЕ ЮРИЯ НА ВЛАДИМИРСКИЙ ВЕЛИКОКНЯЖЕСКИЙ СТОЛ. ПОХОД НА БУЛГАР В 1220 Г., ВЗЯТИЕ АШЛИ. МИР С БУЛГАРАМИ И ПРИОБРЕТЕНИЕ ЮРИЕМ МОРДОВСКОГО ПОВОЛЖЬЯ. ОСНОВАНИЕ Н. НОВГОРОДА, ПЕРВОНАЧАЛЬНАЯ ЕГО ТОПОГРАФИЯ И ПЕРВЫЕ ГОДЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ. БОРЬБА С МОРДВОЙ ЗА ОВЛАДЕНИЕ ВОЛЖСКО-ОКСКО-СУРСКИМ МЕЖДУРЕЧЬЕМ. НАШЕСТВИЕ МОНГОЛОВ И СМЕРТЬ ЮРИЯ.

Городецкое «сиденье» продолжалось не больше года. В 1217 году великий князь Константин освобождает Юрия из ссылки и отдает ему Суздаль. Вместе с Юрием перебирается в Суздаль и неизменный его спутник — епископ Симон.

В 1219 году Константин умирает, завещая великокняжеский стол Юрию, и Юрий, вместе с Симоном, возвращается в любимый Владимир. Но это уже не прежний «до-липецкий» Юрий — горячий и самоуверенный, не тот князь, о котором говорили: «молод князь, — молода и дума». В Городце он созрел. Тяжелые удары и житейские испытания изменили его, выработали в нем твердость и холодную расчетливость.

Отсюда, с высоты великокняжеского стола, Юрий начинает осуществлять свои городецкие замыслы против Булгара и его вассальной мордвы. Повод к этому подали сами булгары. В конце 1218 года булгарская рать проникла в северные пределы Владимирско-Суздальского княжества и Новгородской земли, где обитала «чудь Заволоцкая»,* и «лестию» (т. е. обманом, уверяя в мирных намерениях)

---

* «Чудь Заволоцкая» — северные племена, обитавшие в «Заволочье» или за «Волоком» — цепью покрытых девственными лесами холмов, связывавших центральное русское плоскогорье — по древне-русской географической терминологии «Оковский лес» — с естественными границами русской равнины. Этими границами были: на востоке — Уральский хребет, на северо-западе — Олонец-

взяла город Глядень*, после чего спустилась к югу, на Унжу, но «отбишася их унжане».

Целый год готовился Юрий к ответному удару и только летом 1220 года двинул на Булгар большое войско под предводительством своего брата Святослава. Здесь были и владимирцы с суздальцами, и муромцы, и ростовцы, и устюжане. Это был уже не простой набег, как в былые годы, при прежних князьях, а основательно продуманная военная экспедиция против векового врага-соседа.

Войска двинулись по двум различным водным путям, на многочисленных ладьях. Главные силы, во главе со Святославом, плыли по Волге и высадились около богатого торгового города Ашли (иначе Ошел, Ошлюй). По Вятке и затем вверх по Каме шли ростовцы и устюжане, под началом воеводы Воислава Добрынича, чтобы громить северные владения Булгара.

Ашли был сильно укреплен: «Бе острог утвержден около града», — говорит летописец, — «крепок тын дубов, а за тем два оплота, а межи има вал ссыпан, а по тому валу болгаре рыщуще, из заткания боряхуся».

Соседние булгарские города наспех собрали рать в помощь Ашли, но ни эта помощь, ни «тын дубов», ни вал, ни «заткания» — не спасли города. Вспомогательное войско в панике бежало при первой же встрече с дружинами Святослава, и Ашли был взят «на щит» (приступом).

Жители погибли в уничтожившем город пожаре или же под ударами мечей и «сулиц» (копий). Спаслась лишь небольшая горсточка — местный «владовец» и несколько всадников из его свиты.[20]

Воислав Добрынич прошел в верховья Камы и разрушил там множество городов и сел.

Это был такой разгром, какого не испытывал Булгар за все время своего шестивекового существования. О борьбе с русскими князьями нечего было и думать. Никем не преследуемые победители отправились в свои пределы с огромной добычей и тысячами пленных.

Посланные во Владимир гонцы сообщили князю Юрию о великой победе. И когда русские войска, доплыв до Городца и высадившись здесь, на конях и пешим строем двинулись во Владимир, — то Юрий встретил их в 12 верстах от столицы, в Боголюбове, «с великою честию» в сопровождении духовенства и «лучших мужей».

Три дня праздновал стольный город Владимир победу над «безбожными бохмитами» — булгарами. Устраивались шумные пиры, где певцы-баяны воспевали «подвиги» русских дружин; фасады лучших домов и балконы-«глядельни» были украшены дорогими тканями и

кие горы, на юго-западе Карпаты и на юге — Кавказские горы. «Волок» в древности имел очень важное значение, как природная и этнографическая граница для населявших равнину многочисленных племен. В узком смысле «Волоком» назывался лесистый водораздел между северными притоками Волги (Молога, Кострома, Шексна, Унжа, Кама), с одной стороны, и озерной областью (Мста, Сясь с Тихвинкой) и Беломорским бассейном — с другой.

* Давно уже несуществующий город Г л я д е н ь стоял около современного Устюга Великого.

пестрыми восточными коврами; служились благодарственные молебны и неумолчно звонили церковные колокола, впервые появившиеся здесь вместо древних «бил».*

Брат Юрия, Святослав, Воислав Добрынич и старшие дружинники были засыпаны богатыми подарками — «златом и серебром, порты и кони, и оружием, и оксамиты, и паволокы, и белью, и челядью».**

И победители и сами побежденные хорошо понимали значение этого похода. Это могло быть началом конца Булгарского государства, подточенного внутренним разложением и расшатанного внешними ударами.

Желая предупредить полную катастрофу, Булгар отправил к Юрию посольство с мирными предложениями. Но Юрий, решив окончательно добить врага, послов не принял и начал готовиться к новому походу. Сборным пунктом по обыкновению был назначен Городец, куда к войскам прибыл и сам Юрий. Здесь к нему пришло второе булгарское посольство, но, как и первое, вернулось домой с удручающей вестью: «князь Гюрги на Городци и мира не даеть».

И только третьему посольству удалось добиться, после униженных просьб, мира на очень тяжелых условиях. Булгар должен был уплатить огромную контрибуцию, сверх того, что уже было захвачено победителями и навсегда отказаться от всяких прав и претензий на вассальные мордовские земли. Представители Юрия отправились в Булгар и привели к «роте» (присяге) всю землю Булгарскую.

Теперь Юрий мог осуществить зародившуюся у него, вероятно еще в городецком изгнании, мысль о создании нового «переднего русского города», города-ключа от дверей в Среднее Поволжье. Лучшего пункта, чем соединение двух могучих водных артерий — Волги и Оки — нельзя было найти. Ни Городец, ни тем более Муром не могли по своему географическому положению сравниться с этим местом.

Здесь уже стоял какой-то мордовско-эрзянский городок. Если русские летописи молчат об этом, то говорят дошедшие до нас предания и легенды. Но еще более убедительно, чем эти сомнительные исторические источники, свидетельствуют о бывшем городке находимые на территории современного г. Горького памятники мордовской материальной культуры.

В 1221 году князь Юрий высадил на устье Оки свою дружину и в 10 верстах от волжского берега и от нынешнего Горького, там, где сейчас находится деревня Новая или Щербинка (по Арзамасскому тракту), произошел первый бой с мордвой.

Мордва была разбита, и тогда «великий князь Гюрги, сын Всеволожь, заложи град на усть Окы и нарече имя ему Новград» (Лаврент. лет.).

«Нижегородский Летописец» сообщает об этом важном событии несколько подробнее, но под другой, вероятно, по небрежности пере-

---

* «Било», «бильце» — деревянная или металлическая доска, ударами по которой созывался народ в церковь и на вече. В XII веке на Руси появляются колокола, вероятно, заимствованные от Западной Европы.

** «Порты» — ткань, одежда; «оксамит» — бархатная парча, получавшаяся из Византии и с Востока; «паволока» — шелковая ткань; «бель» — высокосортное хлопчатобумажное полотно; «челядь» — невольники, рабы.

писчика, ошибочной датой: «Лета 6720 [1212][21] великий князь Юрий Всеволодович заложил град на устье реки Оки и нарече имя ему Нов-град Нижний и церковь постави в нем соборную архистратига Михаила древянную... А владели тою землею погании, мордва».

«Вскоре после того [т. е. после заключения мира с Булгаром] Юрий вздумал осмотреть свои владения,—говорит Храмцовский,— Дятловы горы,* возвышавшиеся при впадении Оки в Волгу, до того поразили его сходством своим с высотами Киевскими, колыбелью христианства Руси, что он ручеек, вытекавший из ущелья их, назвал Почайной и решил основать тут город, а близ него, по примеру Киевского, монастырь Печерский**.

Юрий родился и провел всю жизнь в Северной Руси и с Киевом особенных связей не имел, если не считать его женитьбы на дочери киевского князя Всеволода Чермного, Агафии. Поэтому он вряд ли испытывал приписываемые ему Храмцовским сантиментальные чувства к Киеву. Выбор места для постройки Нижнего Новгорода диктовался, конечно, не художественными красотами волжских берегов и сходством их с днепровскими, а исключительно политическими мотивами и стратегическими соображениями. Мысль назвать нижегородскую речку Почайной, по примеру Киева, и основать здесь монастырь наподобие Киево-Печерской лавры—могла скорее возникнуть у сотрудника Юрия, епископа Симона, киевского патриота и фанатического почитателя киево-печерских «святынь».

П. И. Мельников утверждал, что еще до основания Нижнего Новгорода здесь существовал уже, ближе к окскому берегу, русский городок***. Но названный им «Старым», городок несомненно относится к области совершенно необоснованных исторических «домыслов». Безусловно верно, что раньше стоял здесь эрзянский городок, но ни в каком случае нельзя допустить, чтобы мордва или Булгар без сопротивления позволили поставить на своей земле город и чтобы наши летописи, обычно тщательно фиксирующие все столкновения, замолчали этот немаловажный факт. Права на Мордовское правобережье русские князья получили только после разгрома Булгара в 1220 году.

Древний ландшафт местности, где был заложен «Нов-град Нижний», восстановить в воображении сравнительно не трудно.

Очевидно, густой смешанный лес, со спорадическими вкраплениями сосновых участков, покрывал обширный мыс между Волгой и Окой, и даже крутые берега обеих рек не были, вероятно, такими голыми, как сейчас, а одетыми растительностью, как это наблюдается, например, у Печор.

«Почайна» текла не ручейком, а быстрой прозрачной речкой, среди сплошных зарослей орешника, шиповника, ивняка. Речонки струились также по лесистым оврагам на месте нынешних Комсо-

---

* Название «Дятловы горы» впервые встречается в «Книге Большого чертежа: «Под Нижним Новым градом пала в Волгу река Ока у Дятловых гор».

** Н. Храмцовский. Краткая история и описание Н.-Новгорода, ч. 1, стр. 5—6.

*** П. И. Мельников—«О старом и новом городе в Нижнем Новгороде», реферат, прочитанный им 4 августа 1877 года на IV Археологическом съезде в Казани.

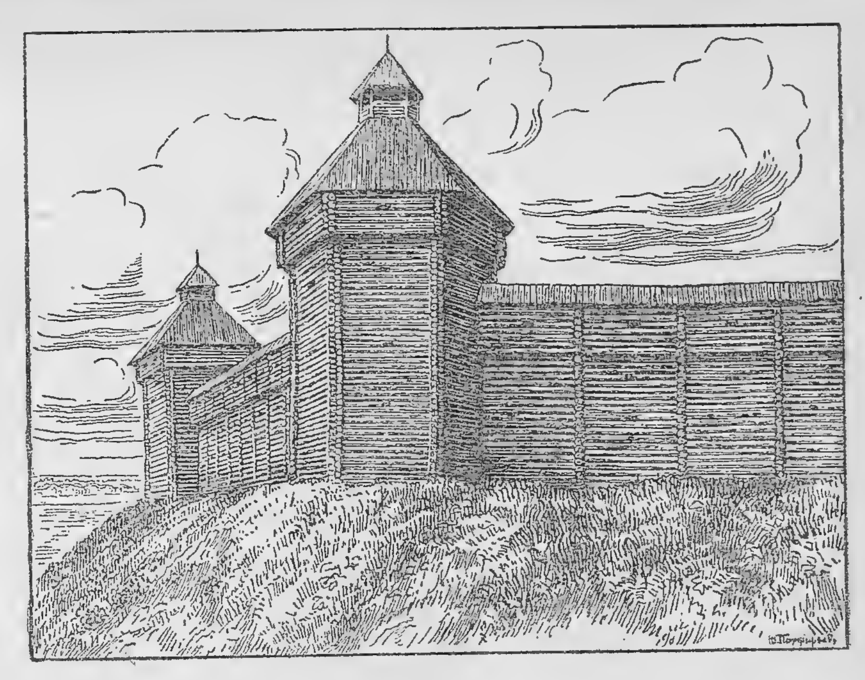

Рис. 9. Деревянный нижегородский кремль.
Опыт композиции по Грабарю.

мольского (Похвалинского) съезда, улицы М. Горького и за бывшим Крестовоздвиженским монастырем.

На месте современных площадей Первомайской и Свободы, Звездинского сквера и за Петропавловским кладбищем (по ул. Белинского)—стояли озера с низкими заболоченными берегами.

Затопляемая весенними разливами территория Канавина и Сормова была покрыта ивняком, а дальше к западу и северу, где становилась выше местность, щетинились сплошные хвойные леса. На высокой, не заливаемой в половодье, части левого берега шумели вечнозеленые сосновые боры, остатки которых уцелели между Моховыми горами и Сопчином. О них же напоминает и название с. Бор, стоящего теперь на голом месте.

Расположенный на «усть Окы» мордовский городок был уничтожен. Застучали топоры в вековых лесах—«лес ронили—дубы столетние, кряжистые, без губ, дупел и паростов». И в короткое время, может быть только в течение года, на крутой «окатистой» Часовой горе вырос деревянный кремль-«детинец»* — неприступное в условиях тогдашней военной техники укрепление. На ровной поверхности верхней части городка (современная Советская площадь) и дальше по выступам Часовой горы был сначала вырыт глубокой ров—«гребля». За ним, повторяя его очертания, поднимался высокий

* Название «детинец» объясняют различно: одни производят его от слов «деть», «девать» — сохраняться от опасности; другие от слова «дети», т. е. малые и слабые, охраняемые в цитадели; третьи — от «дети боярские» — боевая дружина, защитники крепости.

земляной вал — «приспа» (от слова присыпать, насыпать), с «надолбами» — наклоненным в сторону наступающего неприятеля крепким частоколом. За валом — «приспой» высилось «заборола» — четырехсаженные стены из толстых дубовых бревен с высокими «шатровыми» башнями в два и три «наката» (этажа). В башнях прорублены «бои» — узкие оконца, откуда можно «прыскать» на наступающего врага «калеными» стрелами и лить из приделанных к «боям» желобов горячую смолу и расплавленную древесную серу. Под срединной башней — массивные, окованные железом ворота. Они в то же время служат и подъемным мостом через ров, поднимаясь и опускаясь на железных цепях.

Гораздо труднее, чем географический ландшафт, восстановить топографию первоначального Нижнего Новгорода — от него почти не осталось следа ни в вещественных памятниках, ни в исторических документах, ни в устных преданиях. Из нескольких попыток местных историков набросать план древнего города — наиболее остроумным и обоснованным является изыскание С. М. Парийского.

Первым ядром города был деревянный кремль - «детинец», занимавший приблизительно ту же площадь, что и построенный позднее и доживший до наших дней каменный кремль. Вне его стен вскоре выросли посад и несколько небольших слободок.

«Население, живущее вне кремля», — говорит С. М. Парийский, — «спешило укрыться за его стенами [при нападении неприятеля. — *Л. К.*], а воевода с дружинами выходил навстречу врагу. Однако, население города увеличивалось и Кремль во время осады не мог вместить всех граждан, искавших в нем спасения от врага. Было необходимо найти средство оградить себя и на посаде. Это средство действительно было найдено: был сооружен «Острог», старый и новый — деревянные стены с башнями и воротами. За этими стенами жило посадское население, и они, до известной степени, могут служить указанием на те границы, в которых была включена территория Нижнего Новгорода к XVII в. Эти границы, по моему мнению, приблизительно были следующие: деревянный старый острог начинался от Георгиевской башни, шел до Исторического Музея по откосу, до «Коровьего взвозу»... — затем поворачивал на нынешнюю М. Печерку [ул. Пискунова], шел по прямой линии через усадьбу ГСНХ по Ковалихе [ул. Горького] до Варварской церкви... пересекал Ошару через усадьбу Дома Ребенка [б. Сухаревский приют], переходил через Холодный переулок и Студеную ул., пересекал около немецкой кирки [теперь Адресный стол] ул. Свердлова [б. Покровку] и шел параллельно ул. Воробьева [М. Покровка] до «Решетки», где была застава, отделявшая город от слободы, затем шел по «Гребни» [по Гребешку], спускался по горе к Ромодановскому вокзалу, — по берегу Оки и Волги, почти до Борского перевоза, где поднимался по горе у «Коровьего взвоза» *.

Первыми постройками внутри кремля были: деревянный Архангельский собор** и, вероятно, терем княжеского наместника-воеводы***,

* С. М. Парийский — Рост Нижнего Новгорода по данным его хорографии. «Нижегородский краеведческий сборник», т. II, Н. Новгород, 1929.

** Вместо первоначального деревянного собора в 1227 году был сооружен каменный, сохранившийся, с некоторыми изменениями, до нашего времени.

*** Князь Юрий никогда не жил в Н. Новгороде и до средины XIV века здесь управляли княжеские наместники.

избы дружинников, соборных «клирошан» (духовенства) «торговых гостей», различные склады.

Вне кремлевских стен постепенно вырастают посад, слободки, церкви. Все это было сплошь деревянное, благо лесу кругом было сколько угодно. Осуществляются планы князя Юрия и епископа Симона о создании здесь монастыря — подобия Киево-Печерской лавры. Почти одновременно с городом, на леспстом мысу около устья Оки, возникает «обитель святое богородици» — знаменитый в позднейшей истории Нижнего Новгорода Благовещенский монастырь. Кто был его основателем и первым игуменом — неизвестно, его имя до нас не дошло. Возможно, что это был бежавший от «мирския прелести и суеты» религиозный мистик и аскет, совершенно чуждый политическим и миссионерско-завоевательным замыслам Юрия и Симона. А к нему приходят и другие любители «пустынного жития и ангельского чина», к монастырю тянутся и детски-доверчивые почитатели «святынь» — миряне, и разные ловкие и расчетливые люди. На отведенных монастырю землях выстраивается Благовещенская слободка.

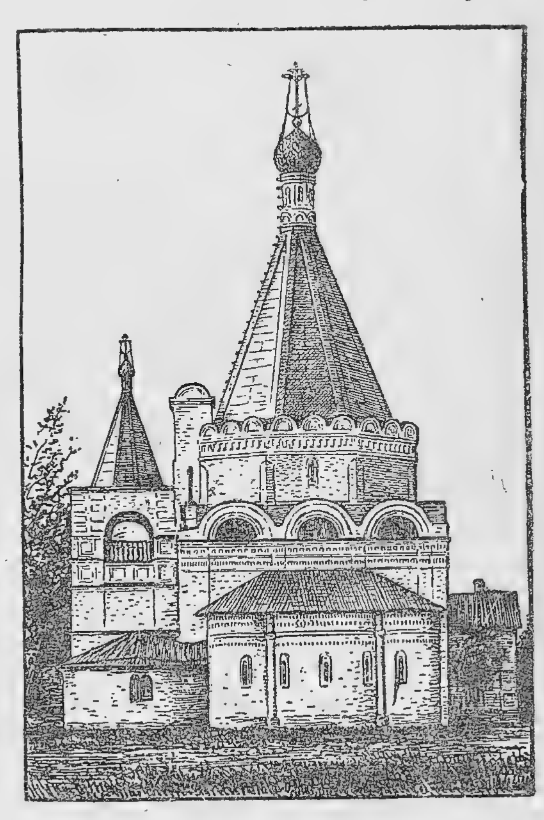

Рис. 10. Древнейший памятник церковного зодчества Н. Новгорода—Архангельский собор. *Современный вид.*

Городок разрастался. Выгодность его положения была очевидна. Как хорошо понимали современники значение Нижнего Новгорода, видно из летописного «некролога» князя Юрия. Воздавая хвалу добродетелям князя, летописец говорит про него, что он «грады многы постави, паче же Новгород вторый постави на усть Окы и церкви многы созда и монастырь святое богородици Новегороде».

Родившийся на соединении двух великих водных путей, молодой город быстро вырос и оттеснил от торговли старый Муром. Уже в первые годы существования Нижнего Новгорода в нем, вероятно, возник значительный, — не временно-ярмарочный, а постоянный торг. На его верхнем и нижнем посадах встречаются «торговые гости» различных стран и всевозможных народностей — булгары и греки

арабы и варяги, армяне и итальянцы, русские и персы, хозары и евреи.

Но положение Нижнего Новгорода не обеспечивало ему спокойной жизни, по крайней мере на первых порах. Недостаточно было еще построить крепость, хотя бы и неприступную, недостаточно еще «мордву отгнать от града», нужно было еще заставить мордву примириться с появлением здесь русских, пустить крепкие корни на новой земле.

Юрий пустил в ход все средства — и военную силу и дипломатию. Действуя по издавна испытанному приему, он воспользовался внутренней борьбой между мордовскими князьями Пургасом и Пурешем. Путем ли угроз или же каких-то заманчивых обещаний — Юрий сумел привлечь на свою сторону Пуреша, сделал его своим «ротником» (т. е. взял с него «роту» — клятву в дружбе, верности и взаимной помощи) и союзником в борьбе с упорным и непримиримым Пургасом.

В 1226 году Юрий посылает на мордву своих братьев—уже прославленного разгромом булгар в 1220 году Святослава и Ивана. Летопись, не сообщая, куда именно ходила русская дружина, кратко говорит: «посла великий князь Гюрги Святослава, Ивана брату свою на мордву и победиста мордву и взяста неколико сел и возвратишася с победою». Но можно, однако, не сомневаться, что военная экспедиция была направлена не против Пуреша, а для разгрома владений непокорного Пургаса.

В сентябре 1228 года Юрий отправил из Владимира на мордву своего племянника («сыновця») Василька Константиновича под воеводством своего «мужа» Еремея Глебовича. Но осень была скверная, день и ночь шли проливные дожди, пути сделались совершенно непроходимыми. И когда дружина миновала уже Нижний Новгород, Юрий приказал ей возвратиться.

Поход отложили до зимы. А после того как морозы сковали реки и первобытные мордовские «хляби», Юрий снарядил новый, более внушительный поход. В нем приняли участие сам Юрий, брат его Ярослав, племянники, Константиновичи — Василько и Всеволод, и муромский князь Георгий Давидович. 14 января 1229 года войска вышли из Нижнего Новгорода и скоро вторглись во владения Пургаса.

Дружины Юрия сожгли множество мордовских селений, перебили скот, уничтожили хлебные запасы и отправили к себе назад захваченную добычу и толпы пленников. Немногие из мордовского войска спаслись в своих запрятанных среди недоступных дебрей «твердях» — укреплениях. А все, кто не успел попасть в «тверди», погибли под беспощадными мечами налетевшей конницы — «молодшей дружины» Юрия.

Но не для всей русской дружины был удачен этот поход. Жадность увлекла молодых дружинников из отряда Ярослава и Константиновичей. Не желая возвращаться вместе с остальными, они попрятались в дремучем лесу, чтобы на следующий день еще попытать счастья—вновь напасть на мордовские «веле». Мордва, притаившись, пропустила их, а потом по знакомым только ей путям обошла лесом

и здесь перебила зарвавшихся «молодых», а некоторых захватила в свои «тверди» и там всех прикончила. «И князем нашим не бысть кого воевати».[22]

В это же время булгарский «владовец», забыв о мирном договоре с Юрием, решил было наказать «изменника» Пуреша—юрьева «ротника». Он подошел уже к землям Пуреша, но, услышав, что Юрий с князьями громит Пургаса, в страхе бежал со своим войском.

Юрий с богатой добычей и пленниками с триумфом возвратился домой.

Пургас не считал, однако, борьбу проигранной. В апреле 1229 года, во время полного весеннего бездорожья, когда успокоенные победой Юрия нижегородцы меньше всего могли ожидать вражеского нападения, мордовское войско во главе с Пургасом внезапно появилось под Нижним Новгородом. Нападение на кремль было отбито, и мордовский прявт успел только сжечь Благовещенский монастырь, какую-то церковь «вне града», вероятно, часть посада, и уехал в свои владения.

Но окончательный разгром Пургаса был уже близок. Летом на него напал «ротник» Юрия, Пуреш-сын вместе с бродившими по русским и мордовским захолустьям половецкими шайками. Они перебили почти всю Пургасову мордву и вместе с нею и «Пургасову Русь»—обжившихся на землях Пургаса русских поселенцев.[23]

Пургас был побежден, и наступило некоторое затишье, правда, короткое. Зимой 1232 года Юрий отправил на мордву своего сына Всеволода, племянника («сыновця») Федора Ярославича, рязанских и муромских князей. Русские дружины вторглись в мордовские леса и опять «пожгоша села их, а мордвы побиша много». Это был последний при жизни Юрия поход на мордву. С востока надвинулась новая сила, которая наложила тяжелое иго и на Русь и на мордву.

Эта грозная сила—монголы—дала о себе знать еще в 1224 году страшным разгромом русских князей в битве при Калке. Суеверные люди ставили появление монголов в связи с «предупредительными знамениями божиими» — и на земле и на небе.

В 1223 году была страшная засуха, когда леса и высохшие болота загорались сами собой и дым пожарищ покрывал землю.

А потом появилась устрашающая суеверных комета 1223 года — «явися звезда на западе и бе от нея луча не в зрак человеком, но яко к полудню по две восходящи с вечера, на заходе солнечнем, и бе величьством паче инех звезд и пребысть тако 7 дний и по 7 дни явися луча та от нея по встоку, пребысть 4 дни и невидима бысть» (Суздальск. лет.).

В 1230 году — «знамение» на земле — землетрясение, вероятно, значительный сброс, потрясший спокойную Русскую равнину. Оно отмечено летописью во Владимире, Киеве, Переяславле-Русском и, несомненно, широко чувствовалось и в Среднем Поволжье.[24]

Удивительнее всего, однако, не космические явления и не содрогания земли, а то, что ни летописные истолкователи «знамений небесных и земных», ни вершители судеб русской земли—князья — не обратили должного внимания на более грозные и совершенно ясные политические знамения.

Отхлынув после битвы при Калке в глубину своих азиатских кочевий, монголы через семь лет вновь появились на Русской равнине. В 1232 году монгольская орда пришла на Среднюю Волгу и расположилась станом невдалеке от Булгара Великого — «Бряхимова Славного». «Того-же (6740—1232) лета придоша татарове и зимоваша, не дошедше Великого града Болгарьского» (Суздальск. лет.).

Четыре года жили татары на волжских берегах на виду у всех, пристально всматривались в политическую жизнь Булгара и Руси и готовились к походам и великим завоеваниям. И как будто никого не тревожило соседство монгольской орды, уже показавшей свою мощь семь лет назад, никто не обратил внимания на грозную опасность с востока. Булгары продолжали торговать, а русские князья ссориться из-за уделов и старшинства, громить мордву, строить церкви и основывать монастыри.

Татары двинулись в 1236 году. Первым под их сокрушительными ударами пало Булгарское государство. Под свежим впечатлением постигшего Булгар бедствия летописец заносит в свой свиток горестно-сочувственные строки: «Тое же (6744—1236) осени пришедше от восточныя страны в Булгарьскую землю безбожнии татари и взяша славный Великий город Болгарьский и избиша оружием от старца до унаго и сущаго младенца и взяша товара множество, а город их пожгоша огнем и всю землю их плениша» (Суздальск. лет.). Но никакой тревоги за судьбу Русской земли не отразилось в этом кратком повествовании, нет ни одного намека на то, что русские князья поспешили приготовиться к обороне.

А между тем неотвратимая беда уже нависла над головами. Через трупы булгар и пылающие развалины монголы ринулись дальше на запад и начали громить разрозненную, раздробленную на уделы, Русь. В 1237 году пало Рязанское княжество. В следующем, 1238 году разгромлено Владимирско-Суздальское великое княжество и сам Юрий Всеволодович сложил голову в несчастной для русских битве при р. Сити. В этом же году пал под ударами татарских стенобитных орудий — «пороков» крепкий Городец*, а в 1239 году разрушены Муром и Нижний Новгород.

---

* В одном из местных географических названий сохранилась память о нашествии монголов. Впадина на правом берегу Волги, против Городца, до сих пор слывет под названием «Батыевой тропы». По преданию, отсюда нагрянули на Городец полчища Батыя.

НИЖЕГОРОДСКОЕ КНЯЖЕСТВО

ПЕРВЫЕ ВЛАДЕТЕЛИ НИЖЕГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ — ЯРОСЛАВ ВСЕВОЛОДОВИЧ, АНДРЕЙ ЯРОСЛАВИЧ И АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ. ОСНОВАНИЕ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА НИЖЕГОРОДСКОГО, ПРИЧИНЫ ЭТОГО. КОЛОНИЗАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОНСТАНТИНА ВАСИЛЬЕВИЧА. АССИМИЛЯЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ НИЖЕГОРОДСКОГО ПОВОЛЖЬЯ. ПРЕЕМНИКИ КОНСТАНТИНА — АНДРЕЙ, ДИМИТРИЙ И БОРИС. БОРЬБА МЕЖДУ ДИМИТРИЕМ И БОРИСОМ ЗА НИЖЕГОРОДСКИЙ СТОЛ. ВМЕШАТЕЛЬСТВО МОСКВЫ. НАПАДЕНИЕ НА Н. НОВГОРОД УШКУЙНИКОВ. КОЛОНИЗАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БОРИСА. УБИЙСТВО ОРДЫНСКИХ ПОСЛОВ В Н. НОВГОРОДЕ И РАЗГРОМ РУССКИХ ВОЙСК НА Р. ПЬЯНЕ. КАРАТЕЛЬНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ НА МОРДВУ. СМЕРТЬ ДИМИТРИЯ КОНСТАНТИНОВИЧА И БОРЬБА БОРИСА С СЫНОВЬЯМИ ДИМИТРИЯ ЗА Н. НОВГОРОД. ЛИКВИДАЦИЯ НИЖЕГОРОДСКОГО КНЯЖЕСТВА МОСКВОЮ.

Никогда еще земли Поволжья не были так обильно удобрены человеческой кровью и пеплом пожарищ, никогда дикие звери и птицы не получали столь богатого и легко добываемого корма, как после страшного монгольского погрома 1236—39 годов.

От Булгара Великого и до Твери, от Костромы и до южных пределов Рязанского княжества дымились развалины городов и сел, всюду лежали, заражая воздух, человеческие трупы. И когда монгольская лавина откатилась на юг — громить Киевскую Русь и Половецкую землю, на севере некому было убирать и хоронить мертвых, некому было пахать и засевать политые кровью поля. Северная Русь обезлюдела, большинство населения было перебито или уведено в плен, многие разбежались по дремучим лесам. Одинаково пострадали как русские, так и мордва, мещера, мари, меря, весь.

Разоренное наследство погибшего при р. Сити Юрия Всеволодовича — Владимирско-Суздальское княжество — перешло по праву старшинства к его брату Ярославу, до тех пор княжившему в Киеве. Но при новой политической обстановке это древнее обычное право подлежало санкции нового верховного владыки Руси — монгольского хана. И гордый Ярослав должен был смиренно отправиться за великокняжеским ярлыком в ставку грозного хана Бату (Батыя). Здесь его приняли милостиво, и Ярослав, получив ханский ярлык, отправился во Владимир — «прииде пожалован», по выражению летописца (Лаврент. лет., т. I, в. 3).

Разгромив раздробленную на множество уделов Русь, монголы сохранили в ней прежний, выгодный для них, политический строй дробления на уделы. Ханы по личной инициативе мало вмешивались во внутреннюю жизнь русских княжеств, но в их руках было право назначения князей, и они требовали только покорности и дани. Русские князья ничем, в сущности, не пострадали, кроме самолюбия, но на плечи смерда теперь легло уже двойное бремя — дань хану и дань или оброк своему удельному князю. Отсюда началось особенно сильное оскудение смердов и экономическое порабощение их.

Ярослав Всеволодович должен был заняться приведением в порядок печального наследства — хоронить мертвых, восстанавливать разрушенные города и села, собирать остатки распуганного и разбежавшегося по лесам населения.

Своему брату Святославу, некогда разгромившему Булгар, Ярослав отдал в удел Суздаль и при нем, как пригороды,— Городец и Нижний Новгород.

В 1244 году Ярославу пришлось отправиться в далекое путешествие в Монголию, на поклон к великому хану, но возвратился он на Русь уже мертвым, отравленный, под видом дружеского угощения, ханшей.

Владимирский великокняжеский стол перешел в 1246 году к Святославу Всеволодовичу, а Суздаль с пригородами Городцом и Нижним Новгородом, получил сын Ярослава, Андрей.

На протяжении столетия — с 1240 по 1340 год — Городец и Нижний Новгород переходят из рук в руки, от одного княжеского рода к другому, и за весь этот период Нижний Новгород был только пригородом, резиденцией княжеских наместников. Его князья сидят или в Суздале, или же в Городце. Мысль об освоении Нижегородского Поволжья, о городе-ключе, умерла вместе с его основателем, Юрием Всеволодовичем. Слишком тяжелы были раны, нанесенные Руси монголами, чтобы думать о чем-нибудь ином, кроме залечивания их.

Из первых, владевших Городцом и Нижним Новгородом, князей в Поволжской истории особенно выделяются два Андрея. Один из них — третий из восьми сыновей Ярослава Всеволодовича и родоначальник суздальско-нижегородских князей — за свое почти двадцатилетнее княжение (с 1246 по 1264 год) испытал и крутые подъемы и стремительные падения. Сначала удельный суздальский князь, он в 1248 году получил ханский ярлык на владимирский великокняжеский стол, но в 1252 году должен был уступить его своему брату, знаменитому Александру Невскому. После Владимира он княжил в Новгороде Великом, но недолго. Новгородцы заявили ему, как и многим из его предшественников: «князь, ты нам не люб — иди, куда хочешь», и Андрей Ярославич несколько лет скитался по чужим землям, пока не получил Городецкое княжество. У Юрия Всеволодовича здесь родился план основания Нижнего Новгорода и завоевания Мордовского Поволжья, а его племянник захотел было собственными силами освободиться от власти хана Берку, преемника Бату. Его необдуманная и преждевременная попытка едва не вызвала нового нашествия монголов на Северную Русь, и только дипломатия его брата Александра предотвратила надвигавшуюся грозу.

Второй Андрей — сын Александра Невского — сам приводил татар на Русь. По смерти своего дяди, великого князя владимирского Василия Ярославича, Андрей получил Кострому и Городец с Нижним Новгородом. В 1277—79 годах, вместе с другими русскими князьями он участвовал в походе хана Менгу-Тимура на Кавказ против ясов и заслужил особенное благоволение хана. Вскоре после этого похода Андрей, подстрекаемый воеводой умершего дяди, Семеном Томилиевичем, начал борьбу против своего старшего брата Димитрия, князя переяславльского. Но, не надеясь одолеть брата собственными си-

лами, он отправился за помощью в Орду, задарил Менгу-Тимура, получил от него ярлык на владимирский великокняжеский стол и вспомогательное татарское войско против брата. Со своими союзниками, которые рады были случаю пограбить Русь, Андрей подошел к Мурому, соединился здесь с другими, враждебными Димитрию, князьями, и эта пестрая рать двинулась к Переяславлю Залесскому, где находился Димитрий. Переяславль был взят «на щит». Димитрий бежал в Скандинавию, а призванные Андреем татары сожгли и разграбили Переяславль, Тверь, Ростов, Суздаль, Владимир, Юрьев Польской, Муром, Торжок и все окрестности этих городов. Андрей богато одарил своих свирепых союзников и отпустил их домой, а сам отправился из разгромленного Владимира в Новгород Великий, где, по выражению летописца, «был честно посажен на стол». Но здесь спокойствие честолюбца, построившего свою карьеру на костях русских людей, было нарушено. До него дошла весть, что Димитрий вернулся из-за моря с наемными скандинавскими дружинами, засел в своем Переяславле Залесском, укрепляет его и собирает русские полки для борьбы с братом. «Того же [6790—1282] лета», — сообщает Никоновская летопись, — «иде князь Димитрий Александрович из-за моря к Переславлю, а в Копорье бяша его слуги и вся казна его, и весь быт его, и взыде из Пскова зять его Домант (Довмонт) Псковский и взя из Копорья всю казну тестя своего, а бояр его и слуг изведе из Копорья, и отосла их к тестю своему великому князю Дмитрию Александровичу. И шед в Ладогу, в ней бе многи людие великого князя Дмитрия Александровича. Он же извед их, також отосла к тестю своему».

Напуганный военными приготовлениями брата, Андрей помчался со своим неизменным Семеном Томилиевичем в Золотую Орду к новому хану Тудай-Менгу, донес ему об «измене» брата и, получив помощь хана, вновь пришел с татарскими полками на Русь. Димитрий опять бежал, на этот раз к берегам Черного моря, под защиту ногайского хана Ногая, получил от него ярлык на великокняжеский стол и вспомогательное войско. Вернувшись на Русь с дикой ногайской ратью, Димитрий выгнал Андрея из Владимира и дал ему в удел Городец с Нижним Новгородом.

Андрей не успокоился. В 1293 году он опять поехал с жалобой на брата к новому хану Тохте, получил от него татарское войско под начальством мурзы Дуденя и вторгся в пределы Владимирско-Суздальского княжества. Татары разграбили множество городов и сел, захватили тысячи пленных и «всю землю пусту сотвориша».

Смерть Димитрия в 1294 году как будто развязала руки Андрею, и он, считая себя уже бесспорным обладателем владимирского великокняжеского стола, отправился в Орду за четвертым по счету великокняжеским ярлыком. Но он не встретил единодушной поддержки северных удельных князей: они раскололись на два враждебных лагеря. На стороне Андрея были ярославский князь Федор Александрович и ростовский Константин Борисович, против него — Михаил Ярославич Тверской, Даниил Александрович Московский и сын умершего Димитрия, Иван. До военных действий, однако, не дошло, и междукняжеский спор был кое-как улажен на съезде во Владимире в 1296 году.

Но интриги и борьба между князьями не прекращались и после Владимирского съезда, и в 1303 году пришлось созывать второй съезд в Переяславле Залесском, где князья наконец «помирились». Андрею Александровичу опять был дан Городец, и там этот интриган, причинивший Руси столько зла, в 1304 году умер, прикрыв перед смертью схимой свою беспокойную голову.

Сидевшие на северно-русских княжеских столах князья, в своих мелочных спорах и дрязгах и рабском выслуживании перед монгольскими ханами, забыли о Нижегородском Поволжье,—вернее, не понимали его значения. Чтобы возродить и оживить этот край, понять его политическое значение и экономическую ценность, нужен был большой человек с творческой инициативой и широким государственным кругозором и, кроме того, нужна была еще и благоприятная политическая ситуация. Такой человек явился в лице внука Андрея Ярославича, Константина Васильевича, первого нижегородского великого князя.

После смерти в 1340 году, «собирателя земли русской», московского великого князя Ивана Даниловича Калиты, сын его Симеон («Гордый»), владевший Нижним Новгородом, получил ханский ярлык на Владимирско-Московское великое княжество, а отделенный в этом же году от прежнего Владимирского княжества Суздальско-Нижегородский удел достался Константину Васильевичу.

Десять лет сидел Константин в тихом и давно уже потерявшем былое политическое значение Суздале, но в 1350 году перенес свой стол в Нижний Новгород и положил основание самостоятельному Нижегородскому великому княжеству. «Честолюбивый Константин»,— говорит Храмцовский,— «видя, что дом князей Московских, укрепляясь на престоле владимирском, стремился к первенству и преобладанию над прочими княжескими домами, и опасаясь за права свои и независимость княжества Суздальского, отчасти утратившего прежнее значение свое, решил основать новое княжество, которое бы, если и не превосходило Москву в блеске и величии, то, по крайней мере, могло равняться с нею»*.

Ни честолюбие, ни опасения за независимость Суздальского княжества не были, конечно, главными причинами удаления Константина в Нижний Новгород и основания нового Нижегородского великого княжества.

Если бы Москва была тогда достаточно сильной, то расстояние не помешало бы ей присоединить к своим владениям и окраинное Суздальско-Нижегородское княжество. Политически дальнозоркий Константин Васильевич, несомненно, хорошо видел, как на его глазах развивался и креп оправившийся от татарского погрома молодой Нижний Новгород, какие широкие политические и экономические перспективы сулило выгодное положение города на соединении двух больших водных путей. И это было главной причиной перенесения княжеской резиденции в Нижний Новгород.

Молодой сравнительно город сделался великокняжеской столицей,

---

* Н. Храмцовский — Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода, ч. 1 стр. 14.

а древний Суздаль, привыкший видеть у себя даже великих князей, а также Городец, Бережец на Клязьме, Шуя и Юрьевец Поволжский — стали его пригородами.

Границами Нижегородского великого княжества были: на западе — Ока, Клязьма и Теза, на востоке — Сура до рек Киши и Альгаша, на юге — Пьяна, Теша и Вад и на севере — не особенно четкая линия, пересекавшая нижние течения Унжи, Ветлуги и Керженца.

В Нижнем Новгороде не было ни шедевров церковного зодчества, ни мощей, ни «чудотворных» икон, ни прочих «святынь», какими гордились старые русские города. Поэтому, чтобы придать блеск своей новой столице и поднять в глазах населения ее политический и духовный престиж, Константин построил в Кремле великолепный каменный храм «Боголепного Преображения» и поместил в нем вывезенную из Суздаля икону «Спаса», древнего греческого письма. «Лета 6760-м [1252] году в Новегороде Нижнем»,— говорит «Нижегородский Летописец»,— «великий князь Константин Юрьевич[?] Суздальский и Нижегородский и Городецкий созда церковь внутри города каменную соборную боголепного Преображения и в ту церковь соборную из Суздаля принесе образ Спаса нерукотворного»...[25]

Для окруженной далеко не дружественным населением окраинной столицы Нижегородского княжества — ни Кремль, ни его гарнизон не могли еще служить достаточно надежной опорой спокойной жизни. Для этого прежде всего нужно было создать около Нижнего Новгорода плотное русское окружение. Это хорошо понимал Константин Васильевич и потому, едва только обосновался он в Нижнем Новгороде, как энергично приступил к заселению края русскими. Он отовсюду вызывал — «выкликал», через своих агентов, охотников поселиться на просторных нижегородским землях. «И повеле русским [людем] селитися по Оке и по Волге и Кудме на мордовских селищах»...*

Наши летописи обычно не отмечают таких «мелочей», как основание простых сел и деревень, и поэтому трудно сказать, где именно по Оке, Волге и Кудьме возникли первые русские селения Нижегородского княжества. Здесь приходится пользоваться лишь намеками и догадками. Выражение «Нижегородского Летописца» — «на мордовских селищах» — указывает, что прежде всего занимались заброшенные и опустевшие мордовские селения-«веле». Это вполне естественно — новоселы садились на готовые «росчисти» и на первое время были избавлены от необходимости начать тяжелую борьбу с лесом. Таких селищ после татарского погрома было, вероятно, не мало.

Можно предполагать, что самые ранние русские селения появились вблизи Н. Новгорода. Это диктовалось соображениями безопасности, так как в случае вражеского нападения жители окрестных селений могли укрыться под надежной защитой стен нижегородского кремля. Так, вероятно, возникли: Печерская слобода около основанного в 1328—30 г. Печерского монастыря, Высоково, Бор,

---

* «Нижегородский Летописец». Цитировано, как и все дальнейшие выдержки, по Археографическому списку.

Ельня, Сопчино, Запрудное и Разнежье *. Тогда же, возможно, было основано и Константиново, как личное имение Константина Васильевича **.

Русские селения возникали преимущественно по правому берегу Волги. Заволжье с его полутаежными и заболоченными лесами, долго еще отпугивало колонистов, и только земельная теснота правобережья побудила впоследствии освоить и левобережные пространства.

Постепенно, год за годом, проникая все дальше и дальше к югу в глубину мордовско-эрзянских владений, славяно-русское население смешивалось с местным населением, растворяло его в своей массе, и с течением времени от многих эрзянских «веле» остались только названия, — они превратились в русские села.

Но в свою очередь и сами славяне-русские подверглись воздействию обратной ассимиляции, отразившейся как на этническом типе, так и на культурно-бытовой обстановке и говоре. Тесно переплелись и верования, в особенности суеверия.

Колонизируя и укрепляя Нижегородское княжество, Константин Васильевич не оставлял своей давней мечты о владимирско-московском великокняжеском столе. Его первая попытка занять этот стол после смерти Ивана Калиты в 1340 году не удалась, — ханский ярлык достался сыну Калиты, Симеону. В 1353 году, когда скончался Симеон, Константин Васильевич, поддерживаемый Новгородом Великим, вновь попытался «добыть» владимирско-московский стол, но и на этот раз неудачно. Хан дал ярлык брату Симеона, Ивану Ивановичу, и Константин Васильевич остался в Нижнем Новгороде. Утомленный деятельной и не всегда удачливой жизнью, он уже в преклонном возрасте умер в конце 1355 года. Пятнадцать лет он управлял Суздальско-Нижегородским княжеством, «княжил честно и грозно, бороня вотчину свою от татар и от сильных князей», оставив после себя четырех сыновей — Андрея, Димитрия-Фому, Бориса и еще Димитрия, по прозванию Ноготь.

По праву старшинства нижегородский великокняжеский стол занял Андрей Константинович, далеко не обладавший качествами своего выдающегося отца — энергией, твердостью и политической дальнозоркостью. Это был смиренный ханский угодник, сторонившийся больших политических дорог и крупных дел. Вообще за период монгольского владычества многие удельные князья выродились и измельчали, как и их уделы, исподличались и одичали. Они рабски заискивали перед разлагающейся уже и явно ослабевшей Ордой и нередко звали, не считаясь с интересами и благополучием населения своих уделов, татарские войска на Русь для разрешения мелочных споров.

Едва похоронив отца, Андрей поспешил с богатыми дарами к хану Чанибеку, был милостиво им принят и вернулся домой с ярлыком на Нижегородское великое княжество. Время управления

---

* Запрудное и Разнежье упоминаются в наших летописях уже в 1371 г., как значительные селения.

** Из «Владельческих книг» помещика А. П. Колзакова, относящихся к 1597 г., видно, что уже в XVI веке Константиново было значительным, по тогдашнему времени, селением с церковью Николая Чудотворца.

обширным княжеством он переложил на плечи своих братьев. Оставив себе Нижний Новгород, Андрей дал в удел Димитрию-Фоме Суздаль, а более энергичному и талантливому Борису — Городец и все Поволжье до Суры.

Часто путешествуя в Орду, где в то время с калейдоскопической быстротой менялись ханы, Андрей Константинович своей угодливостью и подарками успел снискать благоволение каждого нового ордынского владыки.[26] Он достиг того, что в 1359 году, после смерти московского великого князя Ивана Ивановича, хан Немврус сам предложил ему владимирский стол. Но хитрый и трусливый Андрей, опасаясь осложнений с сильной Москвой, предусмотрительно отказался и выдвинул кандидатуру своего брата Димитрия-Фомы, суздальского князя. Немврус охотно дал Димитрию ярлык на Владимирское княжество, что действительно вызвало впоследствии военное столкновение Москвы с Димитрием. Прав у Димитрия Константиновича на владимирский стол не было, в сущности, никаких; великокняжеский ярлык был просто куплен и притом за двойную цену: сначала был задарен хан Немврус, а затем свергнувший его с престола хан Хыдырь. Нарушение в данном случае обычного родового-наследственного права фиксирует летопись: «В лето 6868 [1360], тое же весны прииде в царство Волжьское некий царь с востока, именем Хыдырь и бысть лесть в князех ордынских, и убьен бысть царь Надрусь [Немврус], а Хыдырь седе на царство и дасть княжение великое князю Дмитрею Костянтиновичю Суздальскому, и прииде в Володимерь июня 22 и седе на великом княжении, а не по отчине и не по дедине»... (Воскресенск. лет., гл. 33).

Москва опротестовала назначение Димитрия Константиновича и добилась у нового ордынского хана Амурата его отмены и назначения на владимирский стол десятилетнего великого князя московского Димитрия Ивановича (впоследствии — «Донского»).

Дмитрий Константинович не думал, однако, отказываться от прав на владимирский стол и сидел во Владимире до тех пор, пока его оттуда не выгнала московская рать, опустошившая весь Суздальский удел захватчика. Димитрий нашел приют в Н. Новгороде у своего брата Андрея, но потом вернулся в Суздаль.

Не вмешиваясь в жестокую борьбу двух Димитриев, Андрей Константинович спокойно сидел в Н. Новгороде, сооружал здесь новые церкви, учредил в своей столице епископию.

В 1364 г.—в предпоследний год княжения Андрея—Нижний Новгород посетила страшная гостья с востока — чума. Она пришла из Бездежа,[27] распространилась по всему Поволжью и Северной Руси, проникла, вероятно, через Литву или Новгород Великий, в Западную Европу и всюду произвела бо́льшие, чем всякая война, опустошения. В Нижнем Новгороде, при его населении в пять—шесть тысяч человек, ежедневно умирало 50—100 человек, и некому было хоронить мертвых, лежавших в домах, на улицах и площадях.

А вслед за чумою Поволжье постигло новое бедствие — необычайная засуха. Небольшие речки пересохли совершенно. В больших речках дохла рыба, загорались леса и торфяные болота, люди задыхались от переполнявшего воздух дыма лесных пожаров. Засуха по-

губила все посевы, и наступил небывалый голод; люди ели болотный ил, древесную кору, не гнушались мертвечины.

В 1365 году Андрей Константинович умер, покрывшись перед смертью, по обычаю времени, схимой. И тотчас же после его смерти вспыхнула борьба за нижегородский великокняжеский стол между его братьями: суздальским князем Димитрием-Фомой и городецким — Борисом. В эту борьбу Димитрий Константинович вовлек Москву, ускорив тем приближение конца самостоятельности Нижегородского княжества.

Пользуясь тем, что в момент смерти Андрея Димитрий-Фома находился в Суздале, Борис занял нижегородский великокняжеский стол. Но он не решился оставить захваченный Нижний Новгород и лично поехать в Орду за получением ярлыка от хана Байрамхози, а отправил туда своего посла. Посол успешно выполнил поручение и вернулся в Нижний в сопровождении ханского представителя, торжественно вручившего Борису не дешево купленный ярлык.

Но Димитрий совсем не думал поступаться своим правом старшинства и в свою очередь выхлопотал ярлык от нового золотоордынского хана Азиса. Понимая, однако, что грамоты эфемерных ханов почти не имели практической ценности, Димитрий прибегнул к более надежному средству — обратился с жалобой на Бориса в Москву. Московский великий князь Димитрий Иванович и его советники рады были случаю приложить руки к нижегородским делам. Сначала попробовали использовать меры нравственного воздействия и отправили в Нижний Новгород Сергия, прославленного игумена подмосковного Радонежского монастыря, — звать Бориса для разрешения спора в Москву. Борис, повидимому, заподозрил в московском приглашении западню и решительно отказался оставить Нижний Новгород. Ни уговоры, ни мольбы не помогли, и тогда Сергий, этот кандидат в святые еще при жизни, распорядился закрыть все нижегородские церкви. Он, вероятно, рассчитывал, что богомольные нижегородцы, оставшись без церковной службы, возмутятся против вызвавшего столь суровую кару Бориса и заставят его уступить старшему брату. Но жители Нижнего Новгорода остались, повидимому, безучастными к этому, и раздосадованный Сергий ни с чем вернулся в Москву.

Тогда было пущено в ход последнее и самое действительное средство — военная сила. Димитрий Константинович получил в свое распоряжение московское войско и пошел добывать оружием свою «отчину и дедину». Когда войска подошли уже к границе Нижегородского княжества — Бережцу, Борис, совершенно неподготовленный к вооруженной борьбе, испугался, поспешил навстречу Димитрию с повинной и «доби ему челом». Димитрий занял в конце 1365 года нижегородский великокняжеский стол, а Борис вернулся в свой Городец.[28]

Нижегородцы ничего не выиграли, получив Димитрия. Это был весьма посредственный человек, обычно трусливо бегавший от угрожавших его княжеству вражеских нападений, и если иногда участвовал в военных походах, то в тех лишь случаях, когда чувствовал около себя твердую силу Бориса.

Но нельзя обойти молчанием действительно большую заслугу Димитрия Константиновича перед нашей русской историей — это составление по его инициативе драгоценного исторического документа — «Лаврентьевской летописи», древнейшего, дошедшего до нас, летописного свода. Эта летопись, названная так по имени своего составителя-списателя «Лаврентия мниха», написана в 1377 году, как значится в ее послесловии, «при благовернем и христолюбивем князи великом Дмитрии Костянтиновиче и при епископе нашем христолюбивем священом Дионисье Суждальском и Новгородском [Нижегородском] и Городьском». Летопись была начата перепиской 14 января и закончена 20 марта. Если принять во внимание кропотливую технику полууставного письма и то, что первоначальным источником были «книги ветшаны», текст которых трудно было разбирать, то работа монаха Лаврентия, законченная им в два с небольшим месяца, была поистине гигантской, Даже сейчас, в академическом издании, Лаврентьевская летопись занимает свыше двухсот убористых и крупных типографских страниц.

О составителе-списателе летописи ничего не известно. Может быть, Лаврентий, работавший на глазах епископа Дионисия, был монахом одного из суздальских монастырей, а может быть и монахом нижегородских Печерского или Благовещенского монастыря. По скромности, трудолюбивый Лаврентий не указал своего адреса.

Димитрий Константинович с помощью Москвы «добыл» хорошее наследство — обширное княжество с богатой столицей. В то время Нижний Новгород был самым крупным торговым пунктом Поволжья, куда приезжали купцы—персы, бухарцы, хивинцы, армяне, татары, носившие у русских общее название «бесермен». В Нижнем Новгороде приезжие купцы имели постоянные склады товаров. «Гостиное» — торговые пошлины как со своих, так и с иноземных купцов составляли значительную часть княжеского дохода и взимались как деньгами, так и натурой.

Нижний Новгород был средоточием крупных капиталов. Примером может служить нижегородский «торговый» гость Тарас Петров, купивший у Димитрия Константиновича шесть значительных сел за Кудьмой и выкупавший за свой счет множество русских из татарского полона.

Первым политическим шагом Димитрия Константиновича после занятия им нижегородского великокняжеского стола было установление родственных связей с великим московским князем Димитрием Ивановичем. Чтобы упрочить положение—не столько своего княжества, сколько свое собственное, Димитрий Константинович выдал за московского князя свою дочь. Сватом-посредником в этом, устроенном из политических расчетов, браке был московский митрополит Алексей — опекун Димитрия Ивановича в его детские и отроческие годы. Димитрий Константинович преследовал свои цели, митрополит—свои, мечтая путем этого брака вовлечь Нижегородское княжество в сферу влияния Москвы. Митрополит Алексей был ревностным поборником возвышения и расширения Московского великого княжества и защитником интересов московских князей.

Еще не прошел свадебный угар, как на столицу Димитрия Кон-

стантиновича в 1366 г. нежданно нагрянули молодые новгородские ушкуйники.[29] Они пограбили и русских и «бесерменских» купцов, перебили много жителей и с богатой добычей и полоном умчались на своих быстроходных и легких лодках-ушкуях вниз по Волге, поднялись по Каме и вернулись через Печерский край домой. По пути они разграбили много булгарско-татарских городов и сел.

Летопись ничего не говорит о том, что сделал находившийся в это время в Нижнем Новгороде Димитрий Константинович для защиты города от налета ушкуйников. Повидимому этот «благочестивый» князь просто примирился с бедствием, как «с ниспосланной свыше карой за грехи нижегородцев».

Не так отнеслась к этому Москва. Она нашла, что в данном случае пострадали ее интересы, так как среди ограбленных ушкуйниками были и московские купцы. Димитрий Московский отправил в Новгород Великий своего посла с грозным запросом: «Почто есте на Волгу ходили и гостей моих пограбили и бесермен избили?». И только после смиренного извинения новгородского «вольного» веча московский князь счел себя удовлетворенным, преложил гнев на милость и пожаловал Новгород Великий «миром и любовью до конца». Но, помимо извинения, Димитрий Иванович взял с новгородцев за «мир и любовь» восемь тысяч рублей. О разорении Нижнего Новгорода, о сотнях убитых ушкуйниками мирных жителей и об «обиде» Димитрия Константиновича в московских претензиях не было ни слова. И только из восьмитысячного штрафа московский князь кинул своему «обиженному» тестю три тысячи рублей.

Только что избыли беду с северо-запада, как с юго-востока пришла новая. Летом 1366 года в пределы Нижегородского княжества, именно в удел Бориса Константиновича, вторгся новый опасный сосед — захвативший земли бывшего Булгарского государства ордынский мурза Булак-Темир. Он разграбил и разорил русские селения по Волге, от устья Суры до Сундовика, и угрожал уже Нижнему Новгороду. Против него была двинута спешно собранная нижегородская рать, и сам Димитрий Константинович, вместе со своими сыновьями и братом Борисом, принял участие в походе против Булак-Темира. «Он же окаянный не ста на бой, но побеже за реку Пиану». Русское войско, погнавшись за татарами, побило много «остаточных загонных» (арьергард), множество татар во время поспешного бегства утонуло в Пьяне. Сам Булак-Темир успел ускользнуть, но, вернувшись в Орду, был убит по приказанию хана Азиса. Булгарской землей завладел другой ордынский мурза — Асан.

В следующем, 1369 году Димитрий Константинович решил компенсировать себя за убытки, причиненные набегом Булак-Темира, и отправил в пределы бывшего Булгарского царства нижегородско-городецкую рать во главе с Борисом Константиновичем и своим сыном Василием-Кирдяпой. Хан Асан не решился на борьбу и дал большой откуп, но все же не удержался на престоле — на его место был посажен другой хан, волею сопровождавшего русское войско Ачихожи, посла золотоордынского «темника»* Мамая, действительного правителя Золотой орды.

* «Темник» — от слова «тьма» — десять тысяч, буквально начальник над десятью тысячами войска, в распространенном значении — главнокомандующий.

В этом же году Нижний Новгород постигло стихийное бедствие — огромным оползнем горы на устье Оки было засыпано сто пятьдесят дворов, вместе со всеми жителями.

Неприятельские нападения заставили позаботиться об укреплении как границ Нижегородского княжества, так и его стольного города. В 1372 году Димитрий Константинович положил начало каменному нижегородскому кремлю. Была построена боевая башня с «проезжими воротами» и примыкающие к ней стены.

Таким образом возникло первое звено каменного кремля — небольшая цитадель — «Верхний город»*.

Борис Константинович — человек более широкого размаха и инициативы, чем его старший брат, в том же 1372 году построил на границе своего удела, при впадении Курмышки в Суру, укрепленный город Курмыш: «Того же [6880—1372] лета князь Борис Константинович постави собе город на реце на Суре и нарече его именем Урмышь». (Типографская летопись, стр. 128). Возможно, что Курмыш был не единственным пограничным укреплением и, кроме него, было сооружено еще несколько острожков. Около этого же времени были, вероятно, основаны Кадницы и Новое**, завещанные впоследствии князем Борисом, «на помин души», Нижегородскому Печерскому монастырю.

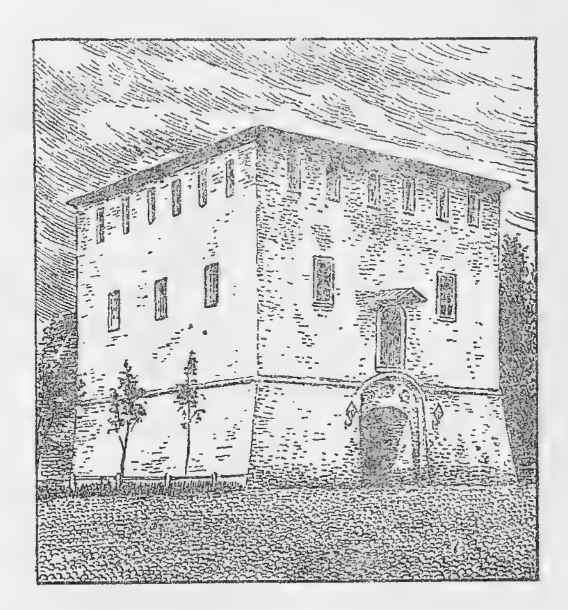

Рис. 11. Дмитровская башня нижегородского кремля до перестройки 1896 г. Окна верхнего этажа первоначально были завершающими башню бойницами.
По фотографии.

Давно уже забылась твердая рука и умная политика основателя Нижегородского великого княжества, Константина Васильевича, который «боронил вотчину свою от татар и сильных князей». При его преемниках Нижегородское княжество уже не жило полной жизнью политически самостоятельной единицы, а только существовало — милостью Москвы, и, благодаря ослабившим Орду внутренним противоречиям и почти ежедневным дворцовым переворотам, пользовалось относительной безопасностью.

* Башня эта, до сих пор известная под названием «Дмитровской», потеряла свой первоначальный вид после переделки ее в 1896 году безграмотным архитектором Султановым в стиле итальянской кампаниллы, с бутафорскими бойницами и желобами для обливания неприятеля расплавленной смолой или серой.

** Кадницы — Работкинского района, на правом берегу Волги. Название, возможно, получили от первых жителей кадников — бондарей. Новое — Дальне-Константиновского района.

Когда же ханский престол захватил энергичный авантюрист, «темник» Мамай, перед Нижегородским княжеством выросла угроза его целостности и призрачной независимости.

В конце 1374 года Мамай отправил на Русь «посольство» — военный отряд в тысячу человек, во главе с мурзой Сараем. Это своеобразное «посольство» носило явно провокационный характер, «свита» Сарая, проходя по землям Нижегородского княжества, вела себя крайне вызывающе и в особенности распоясалась, когда остановилась в Нижнем Новгороде. Национальное самолюбие нижегородцев было глубоко задето, и, возмущенные поведением татар, они перебили почти всех их, а мурзу Сарая, с остатками его «свиты», засадили в кремлевскую тюрьму. Димитрий Константинович при первых же известиях о посольстве Сарая уехал в Москву, оставив свою столицу на попечение своего сына Василия-Кирдяпы. Повидимому, в Москве он получил обещание о поддержке, так как, вернувшись в Нижний Новгород, одобрил действия нижегородцев.

В следующем, 1375 году, Сарай с остатками своего отряда-свиты был убит в стенах нижегородского кремля.[30]

Рассвирепевший Мамай отправил на Нижегородское княжество карательное войско, и оно обрушилось на Запьянье, истребляя на своем пути и селения и жителей. Растерявшийся Димитрий Константинович мог выслать против неприятелей только небольшой отряд, так как вся его дружина и главная его опора в борьбе с врагами, брат Борис, — вместе с московскими войсками ушли в поход против тверского князя. Татары уничтожили высланный против них отряд на реке Пьяне и двинулись на Нижний Новгород. Заревом пожаров озарился путь татар от Пьяны до Нижнего. Подвергся ли нападению татар Нижний Новгород — неизвестно. Но это было только прологом разыгравшейся в следующем, 1377 году драмы. После того как татарское войско отхлынуло в свои степи, а Димитрий Константинович успел даже немного поживиться за счет Булгарско-Казанского царства, нагрянула новая беда. Из песчаных пустынь около «Синего» (Аральского) моря, из Синей Орды к Мамаю перебежал царевич Арапша — свирепый хищник, который в каждом противнике прежде всего видел добычу. Война, грабежи и насилие — были его ремеслом.

Мамай, раздраженный походом русских в пределы его вассального Булгарско-Казанского царства, решил примерно наказать Русь и отправил большое войско под начальством искушенного в боях Арапши. Но вести о выступлении Арапши опередили его, и московский и нижегородский великие князья начали спешно готовиться к отпору. На южных границах Нижегородского княжества по всем дорогам устраивались «засеки»*. В Нижний Новгород пришли дружины — владимирская, переяславская, юрьевская, муромская, ярославская, под предводительством самого московского великого князя Димитрия Ивановича, и соединились с нижегородскими дружинами. Это было внушительное по своему количеству войско.

* «Засека» — искусственное препятствие из поваленных поперек дороги деревьев или же положенных рядами вдоль дороги, ветвями в сторону наступающего неприятеля. В местностях с дремучими лесами засеки были серьезной преградой.

Но об Арапше замолкли слухи, и Димитрий Московский возвратился в Москву, а соединенные русские дружины двинулись из Нижнего Новгорода на юг, перешли реку Пьяну и остановились в ожидании неприятеля у р. Пара, притока Суры. Наконец пришло заведомо ложное сообщение, что Арапша со своим войском находится далеко в Прикамье, на урочище Волчья Вода. Это сообщение успокоило русских, и они, не возвращаясь домой, превратили военный поход в увеселительную прогулку. «Они же оплошившася и не в брежении хожаху, доспехи своя воскладаху на телегы, а иные в сумы, а у иных еще и сулицы не насаживаны бяху [т. е. наконечники легких метательных копий не были насажены на древки], а щиты и копиа не приготовлены, а ездяху и порты с плеча спущаху, а мед пьяху до пьяна и ловы деюща, потеху себе творяху». (Типограф. лет.).

А между тем Арапша был рядом. Его войско благополучно миновало все засеки, и Арапша внезапно ударил пятью полками на хмельную и безоружную рать. Началось страшное побоище. Кто уцелел от татарской сабли или волосяного аркана, тот погибал в реке Пьяне во время панического бегства. Самоуверенным до глупого бахвальства воеводам не пришло даже в голову остаться на левом берегу Пьяны и сделать ее естественной преградой для возможного наступления неприятеля.

Это было 2 августа 1377 года, а 5 августа конное войско Арапши неожиданно появилось под Нижним Новгородом. Жители в ужасе бежали из беззащитного города на судах вверх по Волге и Оке — в Городец, Муром и дальше, и первым среди беглецов был сам нижегородский князь Димитрий Константинович.

Арапша разграбил и дотла сжег Нижний Новгород, перебил все взрослое население и, захватив в плен женщин и детей, оставил город 7 августа. Такая же участь постигла и все окрестные селения.

Отсюда татарский разрушительный ураган пронесся за Суру. «Того же лета прежереченный царевичь Арапша, пришед, пограби Засурие все и огнем пожже» (Типограф. лет.). Следом за ним нагрянули мордовские отряды, разорили те места, где не успел еще побывать Арапша, перебили множество крестьян и захватили сотни пленных. Но мордовским отрядам не удалось благополучно возвратиться в свои пределы, за ними погнался подоспевший с конницей Борис Константинович, настиг у Пильны и истребил почти полностью, отбив пленных и добычу.

Зимой этого года Борис Константинович, вместе с московской ратью под начальством воеводы Федора Свибло, вторгся в мордовские земли в Запьянье, опустошил все мордовские селения-«веле» — «всю землю их пусту сотворша» — и со множеством пленных возвратился в Нижний Новгород.

В 1378 году войска Мамая опять появились в пределах измученного войнами Нижегородского княжества. Вновь запылали села, начались избиения, грабежи и увод жителей в плен. Бессильный Димитрий Константинович бежал в Городец и пытался было купить мир и спокойствие своего разоренного княжества. Но обычно жадные до денег и подарков татары на этот раз не соблазнились предложениями

князя, продолжали опустошение несчастной Нижегородской земли, нагрянули на Нижний Новгород и выжгли дотла только что начавший оправляться от погрома Арапши город.

Пустела разоренная земля, разбегались по другим областям жители, и Нижегородское княжество напоминало страшные времена Батыя. Не видя поддержки от Москвы, Димитрий Константинович решил, что московский князь так же бессилен против грозного Мамая, как и он сам. И он склонил перед татарским ханом привыкшую к поклонам голову, изменил политике дружбы с Москвой, стал ее тайным врагом. Он надеялся, что Мамай сокрушит с каждым днем крепнувшую Москву и тогда Нижегородское княжество освободится от московской опеки.

Разгром Мамая в 1380 году на Куликовом поле спутал все расчеты Димитрия Константиновича. Мамай погиб, на его место встал новый хан Тохтамыш. Димитрий Константинович поспешил заручиться благосклонностью Тохтамыша и с успехом выполнил подлую роль ханского лакея и изменника общерусским национальным интересам. Он послал к Тохтамышу своих сыновей Василия-Кирдяпу и Семена, повидимому, с секретным наказом — сколько возможно вредить Москве.

Когда в 1381 году Тохтамыш пришел, в отсутствие Димитрия Донского, со своей ратью к Москве, сыновья Димитрия Константиновича, выполняя волю хана и отцовский наказ, явились в осажденную Москву парламентерами. Они сумели усыпить бдительность начальника московского гарнизона, Остяя, и крестным целованием уверили его в мирных намерениях Тохтамыша, перед тем в течение трех дней безуспешно пытавшегося взять город приступом. Остяй поддался обману, открыл ворота московского кремля и скоро убедился, что́ значит слово и «крестное целование» нижегородских княжичей. Москва была разграблена и сожжена ворвавшимися татарами, жители перебиты.

Тохтамыш, довольный услугами Димитриевичей, отправил Семена в Нижний Новгород к отцу, но Василия-Кирдяпу оставил на всякий случай у себя заложником. Очевидно, он раскусил своих нижегородских «верных слуг» и постарался обеспечить себя от возможного с их стороны коварства.

Ценою гнусного предательства Димитрий спас свое шаткое положение. Нижегородские земли не подверглись опустошению диких орд Тохтамыша.

В конце 1383 года Димитрий Константинович послал своего сына Семена в орду к хану Тохтамышу за получением ярлыка на Нижегородское великое княжество. Туда же, и с тою же целью, поехал и Борис Константинович.

В июле 1384 Димитрий Константинович умер, но преемником его Тохтамыш назначил, однако, не Семена Димитриевича, несмотря на его «верную службу» и подслуживание его отца, а Бориса Константиновича. Хан, вероятно, принял во внимание не совсем еще изжитое в практике русского престолонаследия право старшинства, и еще более убедительными были данные Борисом за великокняжеский ярлык подарки.

Семен Димитриевич получил Суздальское княжество.

Борис Константинович пробыл на вторично занятом им великокняжеском столе около четырех лет. В 1388 году хан Тохтамыш перепродал ярлык на Нижегородское великое княжество находившемуся у него заложником Василию-Кирдяпе, и тот пришел под Нижний Новгород с суздальской ратью и вспомогательным отрядом из Москвы добывать себе отцовское наследство. Появление Василия с войсками под стенами Нижегородского кремля было полной неожиданностью для Бориса Константиновича, поверившего в надежность полученного им ханского ярлыка. Мужественно встречаясь лицом к лицу со смертью в многочисленных боях, он на этот раз растерялся и уступил силе. После коротких переговоров он отказался от нижегородского стола в пользу Василия-Кирдяпы и опять возвратился в свой Городец.

Но он — уже старик — все-таки не похоронил мечты о Нижегородском великом княжестве. Когда в 1389 году умер главный и неизменно постоянный его противник — великий московский князь Димитрий Донской, Борис Константинович в третий раз выхлопотал у Тохтамыша нижегородский стол. Внезапно явившись в Нижний Новгород, Борис заключил в тюрьму Василия-Кирдяпу, а также семейство успевшего скрыться Семена Димитриевича.

Но третье княжение Бориса Константиновича на нижегородском столе было кратковременным, и его судьба была уже предрешена. Нижегородское боярство смотрело через голову своего князя в сторону сильной и богатой Москвы, ожидая найти там «лучшие службы», чем у своего князя. Хорошо осведомленный через свою агентуру о настроениях нижегородских бояр, преемник Димитрия Донского, московский великий князь Василий Димитриевич в 1392 году купил у хана Тохтамыша ярлык на Нижегородское великое княжество. Борис Константинович, видя надвигавшуюся опасность, созвал своих бояр и опору своей власти—дружину и просил их: «Господа мои и братья, милая дружина, вспомните крестное целование, не выдайте меня врагам моим». И бояре вновь клялись, во главе с боярином Румянцем, который давно уже находился в тайных сношениях с Москвой.

Когда же в Нижний Новгород прибыли бояре Василия Московского, вместе с ордынским царевичем Асаном, чтобы «ссадить» Бориса, нижегородские бояре сняли верноподданнические маски. От лица их боярин Румянец заявил Борису: «Господин князь, не надейся на нас — мы теперь уже не твои и не с тобою, а против тебя». Сбежавшимся на звон набатного колокола нижегородцам было объявлено, что Борис низложен и что отныне Нижний Новгород—вотчина московского великого князя.

В ноябре 1392 года в Нижний Новгород прибыл его новый владыка, московский великий князь Василий Димитриевич, и расправился с бывшим великим нижегородским князем. Закованных в кандалы Бориса Константиновича и его семью разослали по далеким окраинным городам, ревниво оберегая тайну их заключения. Борис умер через два года в ссылке, и только после смерти привезли его тело в Суздаль, чтобы похоронить здесь.

Так драматически закончилась политическая карьера этого неудачника и честолюбца.

Конец Бориса Константиновича был в то же время и концом самостоятельности Нижегородского великого княжества, просуществовавшего сорок два года (1350-1392). Это было естественным, логическим разрешением многолетней борьбы между Москвой и Нижним Новгородом, борьбой между двумя политическими устремлениями — единодержавия и создания крепкого национального государства, с одной стороны, и феодальной анархии — с другой. Монархия победила, и эту победу нужно рассматривать как прогрессивное явление.

«Что во всей этой всеобщей путанице королевская власть (das Königtum) была прогрессивным элементом, — это совершенно очевидно. Она была представительницей порядка в беспорядке, представительницей образующейся нации в противоположность к раздроблению на бунтующие вассальные государства. Все революционные элементы, которые образовывались под поверхностью феодализма, тяготели к королевской власти, почти так же, как королевская власть тяготела к ним. Союз королевской власти и буржуазии ведет свое начало с X века; нередко он нарушался в результате конфликтов, далеко не всегда в течение всех средних веков дело шло этим путем объединения, все же этот союз возобновлялся все тверже, все могущественнее, пока, наконец, он не помог королевской власти одержать окончательную победу, и королевская власть в благодарность за это поработила и ограбила своего союзника» (Фр. Энгельс — «О разложении феодализма и развитии буржуазии»).

Данная Энгельсом оценка прогрессивной роли укреплявшейся в Западной Европе королевской власти вполне приложима и к русской политической обстановке XIV века, обстановке борьбы московского единодержавия с феодалами. И если местная летопись рисует ликвидацию Нижегородского княжества, как результат изменнического и своекорыстного сговора между нижегородскими боярами и Москвой, без участия народа, будто бы молча подчинившегося силе, то это характеризует лишь узкий местный «патриотизм» и политическую близорукость летописца. Население Нижнего Новгорода и остальной нижегородский народ, несомненно, сочувствовали этой перемене, и, может быть, это-то сочувствие и дало особенную уверенность решительному шагу Москвы.

Борьба с Москвой велась еще несколько лет потомками основателя Нижегородского княжества, Константина Васильевича. Но эти попытки и причинившая столько зла Нижегородской земле своеобразная княжеско-феодальная партизанщина уже не могли изменить неотвратимого хода истории.

Считавшие себя законными наследниками похороненного Нижегородского княжества, сыновья Димитрия Константиновича, Василий-Кирдяпа и Семен сумели бежать из суздальского заточения в Золотую орду. Здесь они провели несколько лет, безуспешно выпрашивая ханский ярлык на нижегородско-суздальское княжение, — Орда не желала из-за их претензий ссориться с Москвой. Наконец Семену удалось получить помощь от Казани. В 1399 году он явился с набранной где-то небольшой русской дружиной к Нижнему Новго-

роду, и вместе с ним пришел казанский царевич Ентяк с отрядом в тысячу человек татар. Сидевшие в Нижнем Новгороде воеводы московского великого князя — Владимир Данилович, Григорий Владимирович и Иван Лихарь — затворились с нижегородцами в Кремле и решили защищаться. Три дня Семен с татарами штурмовали кремлевские стены и башни, но не могли взять неприступной твердыни. Но там, где ничего не могла достичь военная сила, с успехом действовали коварство и предательство. Известный уже своим клятвопреступлением Семен Димитриевич уверил защитников кремля, что не сделает никакого зла «своим нижегородцам», что он пришел не карать, а получить свою незаконно отнятую «отчину». И подтвердил свои слова «крестным целованием». Поклялись и его казанские союзники — «татарове в своей вере даша правду». Но как только доверчивые воеводы впустили войска Семена в кремль, татары начали обычные в их военной практике грабежи — «сотвориша лесть и роту свою измениша и пограбиша всех крестьян, нагых пущаша». А Семен умыл руки и на слезные жалобы ограбленных лицемерно отвечал: «не я нарушил клятву, а татары, и я не могу распоряжаться ими». («Не яз сотворих лесть, но татарове, а не яз волен в них, а с них не могу».) Остановить грабеж было не в его расчетах, так как он, несомненно, купил помощь царевича Ентяка обещанием богатой наживы в Нижнем Новгороде.

Целых две недели Семен Димитриевич владел Нижним Новгородом, безучастно созерцая, как грабят его «отчину» союзники-татары. Но весть, что на него идет большое московское войско под начальством Юрия Димитриевича, брата московского великого князя, как ветром сдунула эфемерного властителя с нижегородского княжеского стола. Он поспешно бежал со своими казанскими мародерами. Московское войско прошло через Нижний Новгород, не останавливаясь, вторглось в пределы Казанского царства, взяло и разгромило города: Булгар Великий, Жукотин, Керменчук и Казань, грозой пронеслось по всему Булгарско-Казанскому царству и через три месяца возвратилось домой с громадной добычей и множеством пленных.

Семен Димитриевич опять где-то два года скитался в изгнании, но в 1402 году явился в Москву с повинной. Его простили, но отправили в Вятку, где он и окончил свою авантюристическую жизнь в декабре 1402 г.

Василий-Кирдяпа также вымолил себе у московского великого князя прощение и без всякого удела, с одним только наследственным княжеским титулом, приехал в Городец, где и скончался в 1402 году. Его старший сын Иван получил от Василия Московского в удел Нижний Новгород, но сидел здесь уже не как самостоятельный князь, а только лишь как «присяжник» Москвы. Отказались от всякой борьбы с Москвой и остальные сыновья Василия-Кирдяпы — Юрий и Иван Горбатый и спокойно жили вдали от политики, «под высокою рукою» московского великого князя.

Но сыновья Бориса Константиновича не хотели слагать оружия. Даниил и Иван Борисовичи бежали в Орду, предпочитая служить татарскому хану, чем русскому князю, в надежде восстановить утраченные права на Нижегородское княжество. Это удалось при сыне

Тохтамыша, Зелени, который дал Даниилу ничего, в сущности, не стоящий ярлык, но отказал в помощи военной силой. Помощь Даниилу оказали булгарско-казанские князьки, и в январе 1412 года вместе с ним пошли на Нижний Новгород. Навстречу им двинулась московская рать, но была разбита в сражении около Лыскова-Сундавита. Даниил быстро захватил Нижний Новгород и, опьяненный успехом, отправил небольшой отряд на Владимир, чтобы уязвить Москву в одно из самых чувствительных мест. Внезапно нагрянув на не ожидавший никакого нападения город, отряд без всякого сопротивления занял его и подверг полному разорению. Владимир был выжжен дотла, жители беспощадно перебиты, и налетчикам досталась настолько обильная и богатая добыча, что брали только деньги, золотые и серебряные вещи и драгоценные камни, пренебрегая всем остальным.

Этим грабежом закончились успехи Даниила. Осенью 1412 года московский князь Василий Димитриевич получил в Орде, от нового хана Керим-Берди, подтверждение сюверенных прав на Нижегородское княжество, и Даниил больше уже не отваживался на борьбу с Москвой. Правда, через несколько лет он опять откуда-то вынырнул на политическую сцену, появился в Нижнем Новгороде, где распространял какие-то подозрительные жалованные грамоты, в которых именовался нижегородским великим князем. Но эта авантюрная попытка не имела никакого успеха.

Потомки Константина Васильевича примирились с судьбой и, если появлялись в бывшей родовой «отчине», то не иначе, как с согласия московского князя, как его ставленники-присяжники, не имевшие права самостоятельных сношений с Ордой.

За полувековый период существования Нижегородского княжества только первые десять лет были временем относительного спокойствия. Энергия и твердая воля его основателя, Константина Васильевича, уменье ладить с золотоордынскими ханами и дипломатическая изворотливость его набожного преемника, Андрея Константиновича — ограждали княжество от внешних нападений и политических потрясений.

Константин Васильевич не просто княжил, но действительно правил Нижегородским княжеством, заботился о своем обширном хозяйстве, стремился освоить необжитые пространства и заселить запустевшие после Батыева нашествия земли.

Но преемники и потомки Константина Васильевича только сидели или же старались сесть на нижегородский великокняжеский стол, обычно добывая себе княжество чрезвычайно дорогой ценой. Они приносили в жертву своему мелочному самолюбию все плоды большой созидательной работы Константина Васильевича, для защиты своих личных интересов и сомнительных прав призывали татар и с их помощью разоряли свою, богатую производительными силами, «отчину». В этой, тянувшейся десятилетия, борьбе маленьких людей гораздо больше, чем они сами, выигрывали татары, грабившие и опустошавшие край с ведома и благословения его князей. И безразлично, какой бы претендент на титул нижегородского великого князя ни одерживал верх, — всегда главной страдающей стороной было местное население.

Беспрерывная междукняжеская борьба, эксплоатация и разорение довели крестьянина-смерда до того экономического состояния, от которого оставался только один шаг до полного закрепощения.

ПОД «ВЫСОКОЮ РУКОЮ» МОСКВЫ.

ЗАСЕЛЕНИЕ НИЖЕГОРОДСКОГО ПОВОЛЖЬЯ ПОСЛЕ ЛИКВИДАЦИИ НИЖЕГОРОДСКОГО КНЯЖЕСТВА. БОРЬБА ЗА МОСКОВСКИЙ СТОЛ МЕЖДУ ВАСИЛИЕМ «ТЕМНЫМ» И ЕГО ДЯДЕЙ ЮРИЕМ ДИМИТРИЕВИЧЕМ. БОРЬБА С УЛУ-МАХМЕТОМ, ЗАХВАТ КАЗАНЦАМИ Н. НОВГОРОДА. ИВАН III И ЕГО БОРЬБА С КАЗАНЬЮ. ВТОРЖЕНИЕ В Н. НОВГОРОД МАХМЕТ-АМИНА И РАЗГРОМ ЕГО НИЖЕГОРОДЦАМИ. СООРУЖЕНИЕ В Н. НОВГОРОДЕ КАМЕННОГО КРЕМЛЯ. ДАЛЬНЕЙШАЯ БОРЬБА С КАЗАНЬЮ ПРИ ВАСИЛИИ III. ОСНОВАНИЕ ВАСИЛЬСУРСКА. ПОХОДЫ ГРОЗНОГО, ОСНОВАНИЕ СВИЯЖСКА И ВЗЯТИЕ КАЗАНИ. ПОСЛЕДСТВИЯ ЛИКВИДАЦИИ КАЗАНСКОГО ЦАРСТВА ДЛЯ НИЖЕГОРОДСКОГО ПОВОЛЖЬЯ. РАЗДАЧА ПОВОЛЖСКИХ ЗЕМЕЛЬ, ИХ КОЛОНИЗАЦИЯ.

Московский князь Василий Димитриевич хорошо понимал как стратегическую значимость Нижнего Новгорода, так и хозяйственную ценность «новоприбранных» нижегородских земель. После присоединения Нижегородского княжества начинается уже продуманная колонизация Среднего Поволжья. Василий Димитриевич не «жаловал», а продавал и московским и нижегородским боярам земли около Суздаля, Городца и Нижнего Новгорода, и земли эти в крепких хозяйственных руках новых владельцев не оставались «впусте», а довольно быстро заселялись, создавалось плотное русское окружение городов. На мордовских и мещерских «пустошах» и «селищах», а порою и в гуще лесных дебрей — «на сыром корени», возникали новые русские селения из так называемых «вольных» и «охочих» людей. Но эти, вызываемые из различных мест, главным образом из Верхнего Поволжья, «вольные» и «охочие» люди не были собственниками занимаемых ими земель, а только арендаторами — «оброчниками». Заманчивая перспектива земельного простора имела и оборотную сторону — полную экономическую зависимость крестьянина от землевладельца. Таким образом, параллельно с заселением и освоением необжитого края, шло и развитие феодального процесса. Одновременно, по инициативе самой Москвы, «рукою и казною» великого князя ставились селения-крепости («острожки») по внешним границам нижегородских земель.

Хотя летописи и не указывают, где именно и какие новые селения появились за этот период, но можно предполагать, без риска значительной хронологической ошибки, что в конце XIV и начале XV вв. основаны: около Городца — Николо-Погост; к юго-востоку

от Нижнего Новгорода, невдалеке от основанного Борисом Константиновичем села Нового — имение нижегородского боярина Румянца — Румянцево; близ Курмыша, как продолжение Курмышской укрепленной линии — Спасское, в соседстве с «Эрзе-Мазом» (Арзамасом) — пограничные заставы: Столбищи и Засеки. На месте разрушенного полтора столетия назад ханом Бату древнего булгарского города Сундавита выросло небольшое селение — будущее Лысково, а против него, на левом берегу Волги — Макарьевский Желтоводский монастырь.

Но внимание к Нижегородскому Поволжью временно отвлекается начавшейся после смерти Василия Димитриевича, в 1425 году, борьбой его наследников за московский великокняжеский стол. Борьба эта и прямо и, главным образом, косвенно отразилась и на Нижегородском Поволжье.

Преемником Василия Димитриевича был его сын Василий — слабохарактерный, злой и самолюбивый человек, не обладавший ни политическими, ни военными талантами. В шестнадцатилетнем возрасте он был почти слепцом. Но когда на московский великокняжеский стол заявил претензии талантливый и энергичный брат Василия Димитриевича, Юрий, князь Галича Костромского, то встретил решительный отпор со стороны московского боярства и духовенства. Ради укрепления государственности и прямой династической преемственности они предпочли Юрию Димитриевичу его племянника, Василия Васильевича. Может быть, впрочем тут играли некоторую роль и соображения другого свойства — возможность руководить молодым и недалеким Василием, влиять на политику Московского великого княжества.

Юрий должен был смириться и признать племянника своим «старшим братом». Но в 1431 году отношения между дядей и племянником испортились, и произошел разрыв. Внешняя политическая обстановка как будто благоприятно складывалась для Юрия — в соседней Литве престол занял его друг и «побратим» Свидригайло. Юрий Димитриевич знал, что в случае борьбы Свидригайло поддержит его, и поэтому решил потягаться с племянником за московский великокняжеский стол.

В 1431 году оба соперника отправились в Золотую орду за ярлыком. Опорой Юрия Димитриевича было уже отмиравшее право старшинства, а самое главное — поддержка могущественного мурзы Ширин-Тегина, в руках которого золотоордынский хан Улу-Махмет был послушным орудием. У Василия Васильевича было, пожалуй, единственное оружие — замечательное дипломатическое искусство его спутника по поездке в Орду, боярина Ивана Димитриевича Всеволожского.

Когда вполне уверенный в успехе Юрий Димитриевич осенью 1431 года отправился со своим покровителем, Ширин-Тегином, зимовать в Крым, боярин Всеволожский воспользовался их отсутствием и основательно обработал влиятельных мурз — Айдара, Мин-Булата и других, сыграв на их самолюбии. «Где же ваша забота о своем царе и данное нашему великому князю слово», — говорил он каждому из мурз, — «если царь [хан], не считаясь с вами, поступает

так, как хочет лишь мурза Тегин? И если Юрий получит, по желанию Тегина, великокняжеский стол, то что тогда будет? Сядет на Москве Юрий, в Литве его «побратим» Швитригайло [Свидригайло], а ханом и Ордой безраздельно будет править Тегин»... «И тем словом»,— говорит летопись,— «яко стрелою уязви сердца их и тако вси они, князи ординстии, начаша бити челом царю за великого князя Василия Васильевича и вопреки глаголати с ним. И одолеша царя и рече к ним царь: аще речет Тегиня за князя Юрия о великом княжении, то убити его повелеваю» *. При окончательном разрешении спора о московском столе уже на ханском совете, Всеволожский пустил свои, отравленные ядом лести, стрелы и в самого хана Улу-Махмета. «Князь Василий Васильевич»,— аргументировал хитрый московский дипломат,— «ищет стола своего великого княжения, а твоего улусу [владения] по твоему цареву жалованию и по твоим девтерем и ярлыкам, а се твое жалование перед тобою. А господин наш князь Юрий Димитриевич, дядя его, хочет взяти великое княжение по мертвой грамоте отца своего, а не по твоему жалованию волного царя, а ты волен в своем улусе, кого восхощеши жаловати по твоей воле» **. Льстивая речь боярина Всеволожского так подействовала на самолюбие хана Улу-Махмета, что он тотчас же дал великокняжеский ярлык Василию Васильевичу. «И тогда царь Махмет даде великое княжение князю Василию Васильевичу и повеле князю Юрию Димитриевичу, дяде его, и конь повести под ним» ***.

Уничтоженный и оскорбленный Юрий Димитриевич проглотил обиду, но не отказался от мысли о московском столе и от мести своему счастливому сопернику. Случай для этого представился скоро. В 1434 году легкомысленный и самолюбивый Василий Васильевич поссорился с главным своим советником и опорой — боярином Всеволожским. Этим разрывом воспользовался Юрий Димитриевич, выгнал Василия из Москвы и, когда тот вымаливал прощения грехов в Троицкой лавре, захватил его в плен. Юрий поступил со своим пленным племянником, однако, великодушно — он дал ему в удел Коломну. Сюда к Василию начали стекаться обездоленные Юрием мелкие князья, недовольные бояре и дворяне, духовенство, слуги, и скоро образовалась сильная оппозиционная группа, возбудившая опасения Юрия Димитриевича. Но прежде чем Юрий предпринял решительные меры против коломенской группировки, Василий успел бежать со своими приверженцами в Нижний Новгород. Здесь он дождался смерти Юрия Димитриевича в том же 1434 году и с торжеством возвратился в Москву.

Смерть Юрия избавила Василия Васильевича от самого опасного соперника, но не прекратила борьбы за московский великокняжеский стол. Ее продолжали сыновья Юрия — Димитрий Шемяка и Димитрий Красный, в ее водоворот были втянуты даже внуки Василия-

* Патриаршая, или Никоновская, летопись, т. XII.

** Там же.

*** Т. е. в торжественной обстановке Василий Васильевич должен был ехать на коне, а его униженный соперник вести коня под-уздцы. Но Василий не захотел унизить дядю и отказался от церемонии.

Кирдяпы. Через двенадцать лет борьба закончилась полной победой партии Василия Васильевича.

Почти одновременно с этими внутриполитическими событиями развернулись внешнеполитические — началась борьба с возникшим на развалинах Булгара Казанским царством. В этой, более чем столетней, борьбе Нижегородское Поволжье и Нижний Новгород явились тем плацдармом, где формировались действовавшие против Казани силы и сюда же прежде всего направлялись и ответные удары Казанского царства.

Основателем новой Казани — Казанского царства — можно считать Улу-Махмета, того самого, который в 1431 году дал Василию Васильевичу ярлык на московское великое княжение. Улу-Махмет продержался на шатком золотоордынском троне до 1437 года и был свергнут затем своим братом. Тогда он с частью орды пошел в свой «улус» и засел в Белеве. Против своего бывшего покровителя, а сейчас очень опасного соседа, — Василий Васильевич отправил войско под начальством своих двоюродных братьев — Димитрия Шемяки и Димитрия Красного. Испуганный Улу-Махмет уже сдавался на милость московского князя, но русские воеводы отклонили всякие предложения, напали на бывшего хана и нанесли ему сильное поражение. А на другой день после битвы, когда начались переговоры, татары, воспользовавшись изменой одного из русских воевод — Протасьева, внезапно напали на русских и разгромили их. После реванша Улу-Махмет быстро двинулся в Поволжье и основался в Казани. В 1439 году он неожиданно явился со своей ордой под Москву и десять дней держал ее в осаде. После безуспешных попыток взять московский кремль, Улу-Махмет опустошил окрестности Москвы и пошел назад, на Казань. По дороге он сжег Коломну и захватил в ней множество русских. Тогда же, возвращаясь домой, Улу-Махмет разорил основанные в конце XIV века Лысково и Макарьевский Желтоводский монастырь, захватив в нем основателя монастыря, Макария. Впрочем Макарий вскоре получил свободу, давши обязательство не восстанавливать монастыря, в котором Улу-Махмет не без основания видел будущий аванпост Москвы в борьбе с Казанским царством.

Около четырех лет Улу-Махмет сидел спокойно в своей Казани, но в 1444 году вновь двинулся на Русь и опустошил восточные пределы Нижегородской земли. Зимою 1445 года он опять, со всей ордой вторгся в Нижегородскую землю, захватил Нижний Новгород и прочно обосновался здесь во внешнем «Старом городе» («засяде Новгород-Нижний старой и тако зла от него много бываше»). В окруженном татарами кремле отсиживались с немногими жителями и «засадой» (гарнизоном) воеводы Федор Долголядов и Юшка (Юрий) Драница. По беспечности воевод, продовольственных запасов в кремле было мало и осажденные начали голодать. Улу-Махмет, уверенный, что истощенный гарнизон рано или поздно все равно сдастся, не штурмовал кремль и лишь иногда предпринимал набеги на ближние и дальние окрестности, разорял села и забирал в плен жителей. Той же зимой он отправился в поход на Муром, но, услышав, что против него идет сильная московская рать, поспешно бежал в свою временную ставку — Нижний Новгород.

Весной 1446 года* Улу-Махмет послал па Москву войско под начальством своих сыновей Мамутяка и Якуба. Московский великий князь с многочисленной ратью двинулся для отражения неприятеля, но только лишь в июне («Заговев Петрово говейно») достиг Юрьева Польского (Поволжского). Здесь к нему прибежали нижегородские воеводы Долголядов и Драница с сообщением, что не в силах больше переносить голод в осажденном Улу-Махметом «Меньшом городе» (кремле), который они ночью зажгли и оставили на произвол татар.

Русские и татарские войска сошлись под Суздалем, и здесь татары разбили не приготовившееся к бою московское войско и захватили в плен самого Василия Васильевича. Царевичи Мамутяк и Якуб приказали снять с великого князя «кресты его тельники» и отправили с особым послом Ачисаном в Москву эти трофеи, как доказательство, что Василий Васильевич находится в их руках. «И якоже прииде той (т. е. Ачисан) на Москву и бысть велик плач и рыдания не токмо великим княгиням, но и всему христианству». (Патриарш. лет., т. XII).

Из Суздаля победители двинулись, вместе со своим пленником, ко Владимиру, но не решились на приступ сильно укрепленного города, а пошли на Муром и отсюда — опять в Нижний Новгород.

Осенью 1446 года Улу-Махмет, неизвестно по каким причинам, оставил Нижний Новгород и перебрался со своей ордой на Курмыш. Здесь Василий Васильевич получил свободу: «... царь Улу-Махмет и сын его Мамутяк великого князя пожаловали, утвердив его крестным целованием, что дати ему с себя окуп, сколько может, и отпустиша его с Курмыша на Покров пресвятие богородици, октября 1-го... И князь великий выйде на откуп, посулив на себе от злата и сребра и портище всяко и от коню и от доспехов пол 30 тысящи». (т. е. половину третьего десятка тысяч — 25.000 рублей)*. Для получения выкупа с Васильем Васильевичем был отправлен в Москву татарский отряд в 500 чел.

Вскоре после этого Улу-Махмет погиб от руки своего сына Мамутяка, и Нижегородское Поволжье надолго освободилось от татарских вторжений. Правда, в 1448 году Мамутяк сделал попытку потревожить Русь, «посла всех князей своих со многою силою воевать отчину великого князя Володимер и Муром и прочая грады», но при первом же известии о вышедших для отражения их русских войсках татары бежали.

В 1462 году Василий Васильевич умер и на московский великокняжеский стол сел его сын Иван III — человек бесспорно умный, дальновидный политик, решительный, где это допускалось обстоятельствами и весьма осторожный, где это диктовалось соображениями безопасности, один из самых энергичных и последовательных в роде Калиты «собирателей земли Русской», неуклонный проводник идеи единого национально-русского самодержавного государства.

---

* В летописи стоит 1445 год, что вполне понятно, так как по древне-русскому церковному календарю год начинался с 1 сентября. Некоторые историки, забывая об этом, не всегда ставят верные даты.

** Цитировано по Патриаршей летописи. По другим известиям, сумма выкупа достигала баснословной цифры в 200 000 руб., что при переводе на современное золотое исчисление составит около 12 миллионов рублей.

Именно про него говорил Ф. Энгельс: «... в России покорение удельных князей шло рука об руку с освобождением от татарского ига и окончательно было закреплено Иваном III»*.

Пассивно-оборонительная до сих пор борьба с Казанью при Иване III переходит в активную — Русь сама становится нападающей стороной. В январе 1469 года (по летописи — «в лето 6976 [1468] был снаряжен первый поход в пределы Казанского царства... Русские угрожали уже самой столице Казанского царства, но повернули обратно. «... А до Казани за один день не доходили и возвратившеся, придоша к великому князю вси поздорову»...

Отряды муромцев и нижегородцев получили приказание громить волжские берега: «... и те шедше, повоеваша горы и бараты** по обе стороны».

Хотя в летописи говорится о разгроме «земли Черемисской», но несомненно, что московские войска, пройдя по маршруту Москва—Коломна—Арзамас—Казань, в действительности опустошали землю чуваш. Наши летописцы не различали чуваш и мари, и тех и других одинаково называли черемисами («курмышские черемисы», «ядринские черемисы», «чебоксарские черемисы» и т. д.). Название «чуваши» появляется в наших письменных памятниках и официальных документах только в XVII веке. Возможно, что нижегородский и муромский отряды, проходившие в этот поход по Волге, громили и черемис-мари.

Весной 1470 года, как только вскрылись реки, великий князь московский послал на Казань большую, собранную со многих русских городов, рать под начальством воеводы Константина Беззубцева. Поводом к этому походу было вторжение татар в предыдущем году в Вятскую землю. Из Москвы войска отправились на судах по Москве-реке и дальше — по Оке к Нижнему Новгороду. По Оке шли коломенцы, муромцы, владимирцы и суздальцы, а по верхней Волге плыли дмитровцы, можайцы, угличане, ярославцы, костромичи и прочие «поволжане». Вместе с войсками Беззубцева двинулась и торговая рать — «гости-сурожане», «суконники» и «купчины знатные», возглавляемые князем Оболенским.

Другое войско направилось к Устюгу, чтобы отсюда по Вятке и Каме вторгнуться в Казанские владения.

Когда Беззубцев прибыл с войсками в Нижний Новгород, из Москвы пришел приказ — остановиться здесь и послать только добровольцев, причем громить оба берега Волги, но к самой Казани не подступать. Возможно, что этим распоряжением осторожный Иван III хотел снять с себя ответственность за последствия широко затеянного похода. Когда войскам была объявлена великокняжеская воля, — по словам летописи, всех охватил воинственно-патриотический порыв и все поголовно пожелали пойти на татар. Беззубцеву неудобно было возглавлять этот «добровольный поход», и поэтому решено было всем войском избрать другого воеводу. После торжественных молебнов и щедрых приношений в нижегородские церкви и монастыри,

---

* Ф. Энгельс — О разложении феодализма и развитии буржуазии.

** «Бараты», — вероятно, пункты обменной торговли.

войска, «много думав», выбрали Ивана Руна — опытного военачальника, участника многих походов против татар и литовцев.

Через трое суток после этого быстроходные ладьи принесли войска к Казани, и рано утром 22 мая они напали на сонный, не ожидавший нападений, посад перед Казанью, жителей частью перебили, частью захватили в плен и освободили находившихся в посаде русских полоняников.

Через семь дней русская рать отошла от Казани и с трудом пробилась сквозь ряды опомнившихся и преследовавших ее татар к Нижнему Новгороду, но ни полона, ни добычи не уступила.

Чтобы исправить неудачу похода Ивана Руна, Иван III отправил в августе 1471 года новую рать на Казань под начальством своего брата, Юрия Васильевича. После остановки и смотра в Нижнем Новгороде, «судовая рать» двинулась вниз по Волге и 1 сентября высадилась у Казани. Казанцы оказали слабое сопротивление и затворились в крепости. Но после того как русские лишили осажденный город воды, хан Ибрагим сдался на милость Юрия Васильевича — «добил ему челом», после чего был заключен мир «по всей воле великого князя».

Удар за ударом наносит Москва Казани, но это уже не простые набеги для захвата добычи и полона, как бывало в далекую старину, а вполне осознанное и продуманное устремление — уничтожить Казанское царство — эту преграду к овладению Поволжьем, взять в свои руки великий Волжский водный путь, огромное значение которого теперь для объединенной Руси уже вполне ясно. Недаром в походе Ивана Руна принимала участие целая рать и «торговых гостей» — сурожан, суконщиков и «купчин знатных» — они, в случае успеха, рассчитывали уже прочно осесть в казанских владениях и овладеть поволжскими рынками. Иван III — теперь уже «великий князь всея Русии» — наложил свою руку на Казанское царство, оставив ему лишь призрачную самостоятельность. И когда Казань делала попытки освободиться от тягостной московской опеки, Иван тотчас же разрушал эти политические иллюзии. Так, когда в 1487 году в Москве были получены сведения, что казанский хан Алегем и его мурзы замышляют выйти из-под «высокой руки» московского великого князя, Иван немедленно отправил на Казань войско, которое быстро расправилось с ханом. Алегем, со своей семьей, был арестован и отправлен в Москву, чтобы оттуда последовать в вологодскую ссылку, а вместо него «великий князь Иван Васильевич всея Русии хана Махмет Аминя из своей руки посадил на царство в Казани, а крамольных князей и уланов смертию казнил и иных крамольников»*.

И если порою Казань пыталась сопротивляться Москве и даже переходить к активной борьбе и нападениям на московские владения, то это были, в сущности, лишь предсмертные конвульсии эфемерных правителей, не отдававших себе отчета ни в собственных силах и средствах, ни в могуществе Москвы. Случалось, что русские войска терпели значительные неудачи, как, например, в походе 1488 года,

* В. Н. Татищев — История Российская, кн. 5.

когда «над русским воинством беда сотворися на Волге», — в засаде, устроенной черемисами (чувашами) в узком волжском проходе почти целиком погиб «яртоульный» (передовой) полк, до 30 000 человек и потонули вся артиллерия и стенобитные орудия. Но эти временные неудачи все же не отстранили конца Казанского царства, наступившего через шестьдесят четыре года.

Нижний Новгород давно перестал быть окраинным городом. Волга и ее берега почти до самого устья Суры находились в полном владении московского великого князя, и оба волжские берега год за годом заселялись русскими. Нижний Новгород был уже не аванпостом, а крепким оплотом движения на восток, тыловой базой военных операций против Казани. В нем теперь всегда находился сильный гарнизон и сосредоточивалось военное снаряжение. Иван III решил сильнее укрепить город и устаревшие деревянные стены и башни нижегородского кремля заменить каменными. В 1500 году началось сооружение «Нижнего города» — каменной цитадели, которую потом, вероятно, предполагалось соединить каменною стеною с «Верхним городом» — цитаделью, построенной в 1372 году, при Димитрии Константиновиче. Неизвестно, по каким причинам, широкие замыслы о постройке большого каменного кремля были отложены, и военно-инженерные сооружения ограничились на этот раз постройкой «Тверской» («Ивановской») башни и прилегающих к ней стен.

Постройка «Нижнего города» оказалась весьма своевременной. В 1505 году казанский хан Махмет-Амин, которого Иван III «из своей руки посадил на царство», решил освободиться от московской зависимости и двинулся в поход на Нижегородскую землю. Московский великий князь отправил против своего возмутившегося ставленника стотысячную рать. Но московское войско застряло в Муроме, и нижегородцам одним пришлось вести борьбу с татарами. Махмет-Амин со своим шестидесятитысячным войском опустошил окрестности Нижнего Новгорода и обложил город со всех сторон. 7 сентября 1505 года Махмет-Амин приготовился уже к решительному штурму нижегородского кремля, но встретил неожиданное сопротивление. С кремлевских стен грянула артиллерия и внесла такие опустошения в штурмовые колонны татар, что Махмет-Амин в ужасе бежал со своей ордой, и нижегородцы вздохнули свободно.

В 1505 году Иван III умер. Его преемник на московском великокняжеском столе, Василий Иванович решил сделать Нижний Новгород — опорную базу в борьбе с Казанью — такой твердыней, о которую бы разбивались всякие попытки врагов нанести вред «государевой земле».

Весной 1508 года в Нижний Новгород прибыл командированный из Москвы строитель будущего каменного кремля. «Тоя же [1508 г.] весны», — говорится в «Истории Российской» В. Н. Татищева, — «велел князь великий заложити град камен Новгород Нижний, а мастер Петр, Французской Фрязин». Но «мастер» этот в действительности был не «французской», а итальянец — знаменитый военный инженер Пьетро Франческо, превратившийся в старо-русской транскрипции в «Петра Фрязина». Он приехал на Русь из Венеции

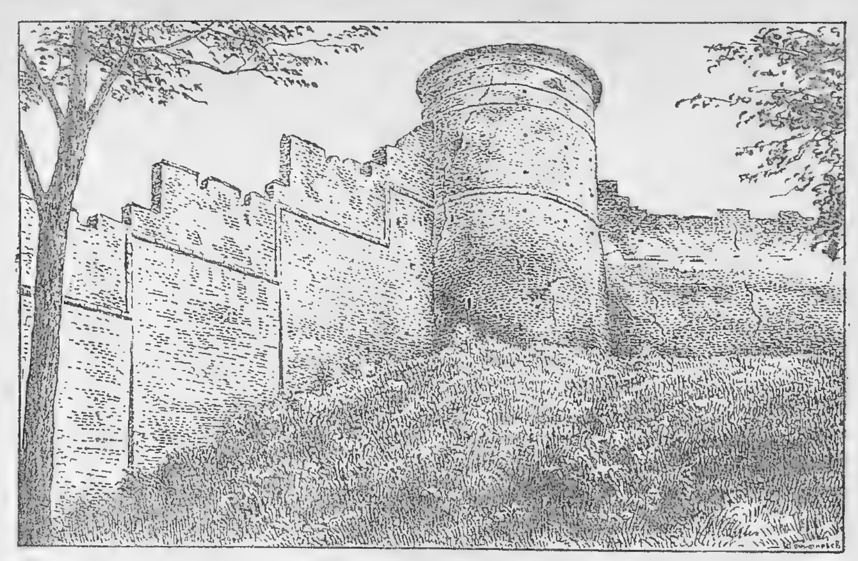

Рис. 12. Кремль постройки Пьетро Франческо. Современное состояние.
Рис. с натуры Ю. Порфирьева.

еще в 1494 году, по приглашению послов московского великого князя при Венецианской республике — грека Мануила Ангела и русского, Данила Момырева.

Пьетро Франческо около полугода потратил на изучение почвенно-геологических условий кремлевской территории. Вооруженный обширными знаниями и достижениями строительной техники того времени, Пьетро Франческо произвел здесь тщательные инженерно-геологические изыскания, глубоко прощупал почти каждый квадратный метр Часовой горы и «Верхнего» или «Старого» города, изучил сеть разрушительных подземных источников и дал им не угрожающее постройке направление. И только после всех этих основательных подготовительных работ, Франческо приступил к постройке того величественного сооружения, которое даже сейчас, после более чем четырехвекового существования, испытав различные ремонты, переделки и варварские «реставрации», источенное дыханием столетий и полуразрушенное, поражает своею циклопическою монументальностью. И еще более поражает глубина замысла и стратегическая целесообразность каждой детали нижегородского кремля.

Для постройки колоссального сооружения нужны были тысячи рабочих и сотни лошадей для подвозки материалов. Поэтому было привлечено, и, конечно, далеко не добровольно, население не только близких окрестностей, но и более отдаленных мест.

Осень и зима 1508-1509 года прошли в подготовительных работах, выкапывались и облицовывались камнем глубокие предстенные рвы, подвозился крепкий известняк — «дикарь», из которого были сложены основания стен и башен, необходимый для постройки лес, заготовлялись горы хворосту для обжигания кирпича.

Сам Франческо зиму провел, вероятно, за разработкой планов и чертежей кремля.

Весной 1509 года начались капитальные работы. Глубокие котлованы с каменным полом, толстой кирпичной облицовкой, мощными сводами и внутренними дворами в тех пунктах, где должны были возводиться башни-стрельницы, образовали подземный кремль. Эта подземная галлерея, повидимому, охватывала всю кремлевскую территорию и имела сообщения с надземными башнями.

Рис. 13. Схема нижегородского кремля.

Кишел человеческий муравейник строителей — тысячи людей, согнанных отовсюду, обтесывали глыбы известняка, изготовляли тяжеловесный твердокаменный кирпич и возводили массивные зубчатые стены и высокие двух- и трехнакатные башни с «боями». И через три года — в 1511 году — над Волгой, на крутой «окатистой» Часовой горе, выросла грозная твердыня — каменный нижегородский кремль. Каменные стены соединили «Верхний» и «Нижний» город, Дмитровскую и Тверскую (Ивановскую) цитадели, и к двум старым башням присоединились одиннадцать новых. Полуторасаженной толщины стены могли выдержать удары любой тогдашней артиллерии, а десяти- и двенадцатисаженные башни, с которых можно было бить наступающего неприятеля и с фронта и с флангов, — делали почти невозможными попытки штурмов. И действительно, неприятель никогда не проникал внутрь кремлевских стен.

Общее протяжение стен первоначального кремля достигало 1141 сажени, как видно из данных обмера, произведенного в 1671 году Нелюбом Морневым. Присвоенные, вероятно, уже позднее, названия башен-стрельниц были следующие: первая к югу от центральной и древнейшей Дмитровской башни, у нынешнего Зеленского съезда — Кладовая и следующие за нею Никольская и Коромыслова; в западной части кремлевской стены — Мироносицкая, или Тайницкая, и Часовая; от них по уступам Часовой горы, на северной части стены, башни Северная, Тверская, или Ивановская, Белая, Борисоглебская и Духовская; к востоку от Дмитровской башни, в верхней части кремля — башни Спасская, или Пороховая, и Георгиевская.

О вооружении Кремля, после постройки его Пьетро Франческо, сведений до нас не дошло. Известно лишь о «боевом наряде» во второй

половине XVII века.[31] Кремль опоясывали по большим радиусам еще два деревянных острога.

Разбитый в 1505 году под стенами нижегородского кремля, Махмет-Амин уже не проявлял больше враждебных действий против Москвы. Не тревожимый и Москвою, он просидел в Казани еще тринадцать лет и в 1518 году умер. Его смертью тотчас же воспользовался московский великий князь и посадил на казанский престол касимовского царевича Шиг-Али (по летописи — «Шигалей»), женив его на вдове Махмет-Амина. По словам Герберштейна, он стоял во главе Казанского царства только четыре года. Когда в 1521 году явился другой претендент на казанский престол — сын крымского хана Менгли-Гирея, Сапп-Гирей, то Шиг-Али — этот хан со внешностью и воинской доблестью евнуха, — тотчас же был свергнут и отправлен в Москву.

Новый казанский хан Саип-Гирей, мечтая о восстановлении независимости Казанского царства, начал войну с Москвой. Первый его удар обрушился на приехавших в Казань, на ярмарку на Арском поле, русских купцов, все они были перебиты и товары их разграблены. А вскоре после этого казанское войско двинулось в московские владения и, соединившись в Коломне с войсками крымского хана Махмет-Гирея, осадило Москву. Москва была застигнута врасплох, окрестности ее опустошены татарами, и москвичи, затворившись со множеством сбежавшихся отовсюду жителей в кремле, с ужасом ждали штурма, избиения и грабежей. Московский великий князь Василий Иванович бежал, бросив столицу на произвол судьбы, а потом подписал унизительную грамоту, обязавшись быть вечным данником крымского хана. И только мужество и находчивость воеводы — Ивана Васильевича Образцова-Симского-Хабара, в 1505 году спасшего Нижний Новгород от Махмет-Амина, вывели Московское великое княжество из тяжелого положения.

Татары отошли от Москвы, захватившп несметную добычу и десятки тысяч пленных, проданных потом в Кафе (Феодосии) туркам, частью же перебитых татарской молодежью при практических упражнениях в военном деле.

Саип-Гирей, возвращаясь в Казань, по дороге выжег и разграбил Березополье (местность по правому берегу Оки, между Горбатовом и Н. Новгородом) и даже осадил нижегородский кремль, но через три дня снял осаду и ушел в Казань.

В 1523 году в Казани повторилась резня русских купцов и даже был убит московский посол Поджогин. «Тоя же [7031—1523] весны», — говорит летопись,* — «царь Саип-Гирей в Казани много зла христианству навел и крови пролия, яко воду, и посланника великого князя Василья Юрьевича Поджогина уби; князь же великий Василий Иванович, сжалися о том велми». И только после этого разбойничьего издевательства московский великий князь, побуждаемый своими воеводами, решился выступить против Саип-Гирея. Летом 1523 года он пошел с многочисленным войском «на второго мучителя, на царя Казанского и достигает Новгорода-Нижнего августа 23». Но сам Ва-

* Патриаршая, или Никоновская, лет., т. XII.

силий Иванович не двинулся дальше Нижнего Новгорода, а отправил отсюда войско, частью на судах по Волге, частью «полем», под начальством своих воевод и Шиг-Али, с наказом — нанести как можно больше вреда Казанскому царству, «велел пленити казанские места». Русские войска, опустошив волжские берега до устья Суры, поставили здесь крепость — «град древян», «от безбожных огарян затулие», названную в честь великого князя «Васильград» — теперешний Васильсурск. После этой карательной экспедиции русские войска «возвратишася здрави, мног плен с собою приведоша.»

Василий Иванович предполагал сделать новый город Василь не только военной крепостью, но и торговым конкурентом Казани. По его указу сюда должны были съезжаться для ярмарочного торга и русские и иноземные купцы, но иноземцы не показывались и ярмарка не привилась.

Опираясь на укрепленный Василь, Москва снаряжает новые походы на Казань — в 1524, 1530 и 1532 годах. Наиболее удачным был поход 1530 года, когда «князь великий, не може терпети хановы клятвопреступления», отправил на Казань большую флотилию по Волге и конницу берегом Волги («полем»). Казанцы, несмотря на отчаянное сопротивление, всюду были разбиты и просили пощады. Русские воеводы, подойдя с войсками к самой Казани, привели казанцев к присяге на верность Москве и возвратились домой, ожидая наград. Но Василий Иванович остался недоволен таким исходом, так как ожидал окончательного покорения Казани, чему, кажется, помешало лишь разногласие среди русских воевод. «Уведав о нестроении воевод», великий князь наложил на главнокомандующего, — «большого воеводу» — князя Ивана Бельского, опалу. Только заступничество московского митрополита Даниила спасло Бельского от смертной казни, замененной тюремным заключением.

Василий Иванович, не доверяя присягнувшим воеводам казанцам, назначил «из своей руки» на казанский престол нового хана — Дженаля, который летом 1530 года прибыл в Нижний Новгород и здесь, в присутствии нижегородского воеводы, князя Шуйского и присланных из Москвы особых уполномоченных — Федора Бороздина и дьяка Третьяка Ракова, — принес торжественную присягу на верность московскому великому князю. Отсюда Дженаль, в сопровождении Бороздина, Ракова и сильного военного отряда, отправился в Казань.

Это торжество было омрачено постигшим Н. Новгород стихийным бедствием. В ночь с 3-го на 4-е июня начался пожар на «Нижнем посаде», огонь перекинулся на деревянную кровлю Ивановской башни, проник внутрь, отчего вспыхнули пороховые запасы, и башня взлетела на воздух. Огонь распространился на территорию кремля и уничтожил все внутренние постройки.

В 1534 году московский великий князь Василий Иванович умер, оставив преемником пятилетнего сына Ивана. Эта смерть тотчас же нашла политический отклик в Казани — ставленник Василия Ивановича, хан Дженаль, был убит и на его место сел Сафа-Гирей, из неизменно враждебного до тех пор Руси крымского гнезда.

Правительница Руси, Елена Васильевна (Глинская) — мать и опекунша малолетнего великого князя Ивана — отправила против Казани

войско, чтобы наказать захватчика и клятвопреступников. Но неспособные воеводы Гундоров и Замыцкий при первом же известии о встречном движении Сафа-Гирея — быстро повернули назад. Сафа-Гирей подошел к Н. Новгороду, разграбил его окрестности, но и сам бежал от выступивших против него нижегородских воевод.

Зимой 1536 года Сафа-Гирей незаметно проскользнул мимо Нижнего Новгорода и неожиданно напал на Балахну. На бой с татарами вышли «черные люди балахонцы», но эти, совершенно неопытные в военном деле, люди были разбиты, точнее — перебиты. («Не умеючи воинского дела, а татарове множество христиан побили»). На помощь Балахне выступили нижегородцы, но татары, не вступая в бой, бежали, захвативши сотни пленных.

Вместе с подоспевшим муромским воеводой Мстиславским, нижегородцы погнались за грабителями и вечером 15 января настигли их около Лыскова. Ночь остановила готовое было уже разыграться сражение, а когда наступило утро, то на месте не оказалось ни татар, ни русских—под покровом ночи враги тихонько разошлись каждый в свою сторону. Так закончилось это беспримерное в истории «сражение».

В январе 1537 года Сафа-Гирей распустил ложный слух, что идет на Кострому и Галич, и, когда туда двинулись для отражения неприятеля русские войска, он неожиданно появился под Муромом и разграбил его окрестности. «Он же злый и лукавый»,— негодует летописец,—«якоже змий вынырну из хварстиа, такоже и сей прииде безвестно января 15, в понедельник, под Муром и пришед посады пожег и к городу приступати начат». Приступ был отбит жестоким огнем муромской крепостной артиллерии. Когда же Сафа-Гирей узнал, что на выручку муромцам идут из Владимира и Мещеры русские войска,—он быстро отступил, захвативши с собой пленных.

Через четыре года—в декабре 1541 года—Сафа-Гирей, вместе с крымскими и ногайскими союзниками, повторил нападение на Муром. Осада хорошо укрепленного и вооруженного города была безуспешной, и Сафа-Гирей ограничился только разграблением мирных сел в окрестностях Мурома. Однако при первой же вести, что из Владимира идут русские войска, а из Касимова — Шиг-Али со своими татарами,— поспешно бежал в Казань, бросив и пленных и захваченную добычу.

Это был последний набег казанцев на владения московского великого князя. А затем Москва через десять лет завершает вековую борьбу взятием Казани и ликвидацией Казанского царства.

Весной 1545 года русские полки, под начальством воевод Пункова, Шереметева и Палецкого, отправились в поход на Казань по Волге, «легким делом в струзех». Другие полки, под воеводством князя Серебряного, двинулись по рекам Вятке и Каме, и обе флотилии сошлись около Казани «во един час, яко из единого двора». Русские войска легко разбили казанцев, «пожгли царевы [ханские] кабаки» и вернулись «здрави».

Легкость победы объясняется тем, что в Казани уже не было единодушного сопротивления, там образовались две партии—московской ориентации и ханской. Московская партия действовала скрытно, но Сафа-Гирей угадывал подпольную работу друзей Москвы. — «И по-

сле этого» (т. е. после поражения казанцев),—говорит летописец,— «нача рознь быти в Казани и царь начал на князи неверку держати: «вы де и проводили воевод великого князя», и учал их убивати и они поехали многие из Казани к великому князю, а иные по иным землям» *.

В сентябре 1545 года сторонники московского князя, заручившись обещанием Ивана IV в военной поддержке, свергли Сафа-Гирея и перебили его сидевших в Казани крымских советников. Вместо Сафа-Гирея был вторично поставлен Шиг-Али, но в апреле 1546 г. опять был свергнут Сафа-Гиреем и бежал в Москву.

Разгневанный Иван — еще не «Грозный», но уже самодержавный «царь и великий князь всея Русии»** — решил примерно наказать Сафа-Гирея. В ноябре 1547 года он лично выступил «на недруга своего, на казанского царя Сафа-Гирея и на клятвопреступников казанцев за их клятвопреступление». Большое войско — пехота, конница и артиллерия—(«наряд пушечный и пищальный») в конце января 1548 года пришло в Нижний Новгород и отсюда двинулось вниз по Волге. Но наступила неожиданная оттепель, пошли дожди, волжский лед покрылся водою, замаскировавшей все проруби и полыньи, и около Работок произошла катастрофа — пушки и пищали провалились сквозь разрыхленный лед, потонуло много людей и лошадей. Царь Иван, простоявши у Работок трое суток в ожидании лучшей погоды, вернулся в Москву, а войска под начальством воеводы Бельского отправил на Казань. Бельский дошел до Казани, разбил выступившего против него Сафа-Гирея и, продержавши город в осаде семь дней, также вернулся в Москву.

Когда в 1549 году Сафа-Гирей «убился в своих хоромах» ***, казанцы, подстрекаемые крымскими советниками, посадили на ханский престол двухлетнего сына Сафа-Гирея, Утемиш-Гирея. В Крым были отправлены послы с просьбой о помощи, но русские дозоры перехватили послов и представили их царю Ивану.

Наказание за «самовольство» и попытки сношений с Крымом последовало в 1551 году. В январе этого года в Нижнем Новгороде уже реяли хоругви многочисленного царского войска, а в феврале оно было уже под Казанью. Войска царя Ивана со всех сторон окружили город, расставили артиллерию и туры****, но «ино пришло в то время аэрное нестроение, ветры сильные и дожди великие и мокрота немерная, и из пушек и из пищалей стреляти не мощно, и к городу приступати не возможно за мокротою... речкы малые попортило, а иные многие прошли»...

Одиннадцать дней стояло царское войско под Казанью и сняло осаду. Но, как будущий оплот и угрозу Казани, царь Иван заложил в двадцати верстах от татарской столицы, на устье реки Свияги, город-крепость Свияжск. Это было началом последней главы в истории борьбы Москвы с Казанью.

Весной 1552 года вспыхнули волнения среди возбуждаемых аген-

* Патриарш., или Никоновск., лет., т. XII.
** Венчался на царство 16/I 1547 года.
*** Выражение «убился» можно понять как самоубийство.
**** Туры — подвижные башни на колесах.

Рис. 14. Город Муром в XVI—XVII вв.
По рисунку Олеария.

тами Казани «горных людей» (мари и чуваши), начались сношения их с Казанью. Из Свияжска доносили в Москву о «горных людях», что в них «во всех правды мало чают и непослушение в них великое, а по Цивили верхние люди в город на Свиягу не ездят».

Это, конечно, не было ни причиной, ни даже поводом к началу военных действий, но царю Ивану и не нужно было поводов. Поддерживаемый боярством и духовенством, он твердо решил покончить с Казанью.

В июне 1552 года огромная по тогдашним военным масштабам рать — до 150 000 человек — выступила в поход против Казани. Она была разделена на три группы, которые тремя различными путями шли к сборному пункту — при впадении Большого Сара в Суру. Возможно, что это разделение в значительной степени обусловливалось соображениями продовольственного порядка, так как войска кормились в пути преимущественно за счет местных ресурсов и на каком-нибудь одном пути всю стопятидесятитысячную рать невозможно было прокормить.

Сам царь со своей дружиной, сторожевым полком и всей «левой рукой» (левым флангом) двинулся через Владимир и 20 июля был уже в Муроме. Отсюда он прошел по южной части Нижегородской земли (теперешней Горьковской области) и сделал на этом пути девять «станов» — остановок. Перед войском шли крестьяне — «посошные люди», чинили и выравнивали дороги, порою прорубали в лесах новые, через речки и топкие болота настилали мосты и гати — «на речках и ржавцах мосты мостили».

Первый стан был на реке Велетьме, в 25 верстах от Мурома. «И того дни», — говорит летопись, — «ночевал государь на лесу на реке Велетьме от города пол-30 верст».[32]

Второй стан на «Шилекше», т. е. при впадении р. Шилоксы в Тешу, где сейчас стоит с. Шилокса, Выксунского района. Третий — «под Саканьским городищем», вблизи древнего городища, где находится современное село Сакоиы, Ардатовского района. Четвертый стан — «на поле, на Ирже», на речке Ирже, левом притоке Теши, приблизительно около того места, где в настоящее время расположена д. Иржино, Арзамасского района. Пятый «на Авше-речке». Теперь древне-мордовское географическое название «Авша» искажено в «Акша»; остановка была, вероятно, где-нибудь около нынешнего Цымбоярского, Арзамасского района. Шестой стан — на левом притоке Пьяны, речке Кевсе, в пределах современного Б.-Мурашкинского района. Здесь, по

преданию, царь Иван распорядился поставить памятник остановки — гипсовый столб, который сейчас находится, в качестве подставки-подсвечника, в церкви села Дубенского, Княгининского района. Возможно, впрочем, что шестой стан был около нынешнего села Вазьян, вблизи которого находится древний могильник — «мар» под названием «Царев кабак». По преданию, на этой остановке царь угощал свое войско вином. Седьмой стан — «на озере на Инже», вероятно, около с. Большая Якшень, Б.-Мурашкинского района. Восьмой—на каком-то озере, «не дошед до Пьяны-реки». Здесь к царскому войску присоединились подошедшие из «Городка» (Касимовский-Рязанский Городец) отряды касимовских татар. Через спешно наведенные и многочисленные мосты перешли через Пьяну и расположились станом на «Дубровке-озере», около нынешнего села Дубровки, Сергачского района. Это был последний стан в Нижегородской земле. Остальные двенадцать—были уже за ее пределами.

Все три армии царя Ивана, соединившись на устье Большого Сара, переправились через Суру и двинулись к Свияжску. Здесь 16 августа началась переправа войск через Волгу.

Казань пала. Потоками крови—и русской, и татарской— были смыты границы Казанского царства, и владения Московского государства теперь раздвинулись до «Каменного пояса»—Урала на восток и нижне-волжских степей—на юг. За ними доживал свои последние дни худосочный отросток когда-то могучей Золотой орды—Астраханское царство. Но великий водный Волжский путь был, в сущности, уже целиком в руках московского царя.

Овеянный славой победителя, выехал царь Иван из Казани и 14 сентября был уже в Нижнем Новгороде — «пригреб государь в Нижний Новгород». Здесь его встретили прибывшие из Москвы послы — от царицы, брата и московского митрополита с поздравлениями — «здравствовали государю на его богом дарованной вотчине, царстве Казанском, и по многом челобитье похваляя его труды и подвиги». А собравшийся во множестве народ, по словам летописца, благодарил царя за то, что избавил его «от таковых змий ядовитых, от них же много лет страдали».

Может быть, народ и не выражал своей радости столь цветистыми фразами, вложенными в его уста летописцем, но этот народ, и в первую очередь население Нижегородского Поволжья,— несомненно понимал и верно оценивал значение завоевания Казани. После короткой передышки в княжение основателя Нижегородского великого княжества, Константина Васильевича, в течение целого столетия опустошалась Нижегородская земля, пылали села и уводились в плен тысячи мирных жителей. Правительственные «Писцовые книги» и «Разъезжие грамоты» * нижегородских монастырей второй половины XVI века фиксируют множество «пустошей», «селищ» и «деревнищ», образовавшихся главным образом от вражеских нападений. Теперь эта опасность миновала навсегда и перед населением открывалась перспектива относительно спокойной жизни.

---

* «Разъезжие», или «Правые грамоты» — документы, устанавливающие через свидетельские показания и постановления «совестного суда», права на владение земельными и прочими угодьями.

Укрепления восточной границы Нижегородской земли, по линии Васильсурск—Курмыш—Алатырь, теперь уже потеряли свое значение, и бдительность русской обороны переносится на юг, откуда всегда можно было ждать нападений сильной еще Крымской орды.

Увеличивается количество засек и дозорных пунктов этой третьей, считая от юга к северу, линии обороны. Сильной крепостью, вооруженной многочисленной артиллерией, становится «Арзамасский мордовский городок».

* * *

Русская колонизация Нижегородского Поволжья — правительственная и вольная крестьянская — с конца пятнадцатого и до средины шестнадцатого столетия шла не равномерно и непрерывно, а скачками, с некоторыми интервалами. Это обуславливалось, главным образом, внешне-политической обстановкой. Селения возникали преимущественно около главных водных артерий — Волги и Оки, но иногда и довольно далеко от них.

В семидесятых годах XV века на Ветлуге появляется Варнавинская слободка и около нее Варнавинский мужской монастырь.

В 1479 году, после разгрома Иваном III Новгорода Великого, основывается Балахна. Ее первыми насельниками были сосланные сюда новгородцы, знакомые с соляным делом, чтобы поставить здесь, на местных соленосных источниках, соляный промысел. Но солеварение началось значительно позднее — с 1532 года. В 1536 году, по распоряжению матери Ивана IV, правительницы Елены Глинской, в Балахне была сооружена крепость — деревянный кремль с башнями и земляным валом*.

В «Разъезжих», или «Правых», грамотах Нижегородского Печерского монастыря за период 1499—1552 гг. упоминается ряд селений по Волге, Оке и в Волжско-Окском междуречьи — Марьино, Пыра, Фроловская, Ефимкино (Ефимьево), Бабчино, Шашево, Ягодное, Копос (Копосово), Копнинское, Поляна, Плесцо (Плес), Рамень, Меленки, Рюма (Рюминское), Наговицыно.

Возможно, что в первой половине XVI века было основано Павлово, так как в «Разъезжей» 1565 года уже упоминаются, как значительные, «Павловские села», а в «Книге Большого чертежа» Павлово называется уже городом: «А ниже Теши реки 60 верст, на Оке Град Павлов. А под Павловым с вышние страны пала в Оку река Тарка». Павлово было укрепленным пунктом, на что указывает выражение «Писцовой книги» 1621 года — «Павлов острог»**.

Интенсивная колонизация нижегородских земель началась после взятия Казани. Боярам и воеводам, участникам последнего казанского похода, царем Иваном жаловались за «разные великие службы» обширные поместья как по Волге и Оке, так и в треугольнике между правыми берегами этих рек.

Иван Васильевич Шереметьев-меньшой получил по левому бе-

---

* Остатки этого вала заметны еще и в настоящее время.

** Знаменитый павловский слесарный промысел возник, вероятно, вскоре после основания Павлова. В начале XVII века о нем имеются уже определенные сведения, а в 1621 году в Павлове было 11 кузниц.

регу Волги ниже Васильсурска, поместье размерами в небольшое европейское государство. Здесь впоследствии было основано знаменитое в летописях рода Шереметевых Юрьино на Волге.

Воевода Федор Иванович Бутурлин на пожалованной по р. Пьяне земле основал Бутурлино. Князю Владимиру Ивановичу Воротынскому подарено поместье по правому берегу Волги, около Васильсурска, где им основан Воротынец.

Другой Воротынский, Михаил Иванович, награжден поместьем в верховьях р. Угры, левого притока Суры. Здесь он основал селение, названное, вероятно в честь жены-княгини, Княгининым. Умирая, Воротынский завещал Княгинино своему дарителю — царю, а тот в свою очередь передал его своему сыну Ивану (впоследствии собственноручно убитому отцом).

Начальник осадной артиллерии при взятии Казани, боярин Михаил Яковлевич Морозов, был пожалован основанной царем Иваном «Казачьей выездной слободой» (Выездное) и, кроме того, обширным земельным имением, где основал Большое Мурашкино. Сын его Борис — один из крупнейших помещиков своего времени — укрепил Б. Мурашкино, поставив здесь деревянный острог с башнями, пушками и земляным валом.

Князь Андрей Михайлович Шуйский-Горбатов «жалован» Мещерскою Порослью, на Оке, и переименовал ее в Горбатов. После опалы Шуйского в 1565 году Горбатов был отдан Грозным Суздальскому Спасо-Ефимиевскому монастырю.

Боярину Юрию Юрьевичу Бахметеву дана местность в нынешнем Сергачском районе, где расположены селения Карауловское, Гуленское, Моисеевка и Юрьево. Бахметевы заселили крестьянами пустынную местность, частью по вызову — «выклику», частью принудительно.

С каждым годом увеличивается и уплотняется сеть русских селений, в особенности на землях, пожалованных нижегородским Печерскому и Благовещенскому монастырям. В монастырских актах 1565 года упоминаются Кожухово, Костино, Худяково, Зименки. В актах 1582 года — еще ряд новых селений: Ляхово, Лукино, Еремино, (Еремеево), Ковригино, Сапониха (Панфиловская), Иваново, Марково, Хвостово (Хвостиха, Пустошь), Селищи (Пустошь), Покровское, Черницыно, Рогово (Селище), Игумново, Козино, Мысово *. Не все, однако, селения пустили крепкие корни, некоторые из них были недолговечны. Так, например, упоминаемые в монастырских «Разъезжих грамотах» селения Декша, Болкова и починок Поярковский — в настоящее время не существуют.

В названиях многих, без сомнения давних, селений, но без установленной даты их основания, зашифрована местная бытовая история, названия эти часто очень характерны для старого быта. Так, например, название Берендеевка — от древне-русского слова «берендейка» — резная деревянная игрушка, безделушка — говорит о промысле жителей. Оброчное — указывает на характер экономиче-

---

* Все эти селения расположены в современных Балахнинском, Дзержинском и Семеновском районах.

ской зависимости населения от землевладельца. Название Басурманиха произошло, возможно, от того, что первым ее населением были пленные татары — «басурманы». Толмачево, повидимому, было окраинным, на грани мордовской земли, селением, где жили переводчики — «толмачи». Названия Игумново и Келейниково говорят о том, что владельцами этих селений были «отрешившиеся от мира» монахи. Ямская Слобода — население «государевых ямщиков», обязанных по своей службе возить «государевых служилых людей», Караулово — дозорный, караульный пункт на оборонной линии. Убежицы — возможно, скрытое в лесах пристанище холопов, бежавших от своих помещиков. Название Монастырка и нескольких Княжевых, Княжих, Князевых — достаточно ясно показывают, кем основаны и кому принадлежали эти селения.

* * *

В старое до-московское время заселение Нижегородского Поволжья шло, в сущности, самостийно. Князья основывали селения обычно у себя под рукой, вольные поселенцы-крестьяне жались к Волге и Оке, садились поближе к укрепленным пунктам — Городцу, Нижнему Новгороду, Мурому. Возникновение русских селений в гуще мордовско эрзянских «веле» носило иногда случайный характер.

Тот же характер имела русская колонизация и после ликвидации Нижегородского княжества — в пятнадцатом и первой половине шестнадцатого столетия, отличаясь разве только масштабами.

Но при Иване IV, в особенности после взятия Казани, начинается новый, очень определенный курс колонизационной политики. Это политика подчинения и освоения обширного края.

Первые шаги продуманной царской политики направлены в сторону мордовских князьков-«прявтов». Подкупленные высокой честью служить «божиею милостию царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Русии», они забывают о «прявтовской» гордости и смутных надеждах на независимость и постепенно входят в состав «служилых людей» Московского государства. В этом звании потомки упорно-враждебного Пургаса уже участвуют в последнем казанском походе.

Мордовские земли становятся «царскими мордовскими вотчинами», и из этого резерва даются имения русским боярам и воеводам — «за многие и великие службы» и монастырям — «за молитвы».

Весьма действенным орудием царской политики была христианизация населения Поволжья. Энергичными проводниками этой политики явились монастыри — Нижегородские Печерский и Благовещенский, Спасский в Арзамасе, Троицкий в Алатыре, Макарьевский Желтоводский, Оранский. Они развернули широкую миссионерскую деятельность среди мордвы, мещеры и мари.

Не полагаясь, однако, всецело на мордовских прявтов и опасаясь всегда возможной с их стороны «шатости и измены», Московское правительство ставит среди них дозорные укрепленные пункты. На страже интересов царского самодержавия в мордовско-эрзянской земле стоят Арзамасский, Ардатовский, и Больше-Мурашкинский остроги. Для наблюдения за мари и чувашами казанским воеводой Турениным построен в 1583 году на Волге Козьмодемьянский острог-

городок* и на Суре Ядрин-городок (1584 г.). В глубине земель мари — «луговой черемисы» в 1578 году основан Кокшатский городок, он же Кокшайск, Царев и Царевококшайск, а сейчас — Иошкар-Ола, и в 1584 году Яранск и Царевосанчурск (ныне город Санчурск, Кировской обл.).

Отшумели военные бури, и Нижегородское Поволжье на некоторое время оказывается в стороне от больших политических событий. Но зато теперь совершенно свободен великий Волжский путь — важнейший жизненный нерв обширного края. Через полстолетия Нижегородский край вновь выдвигается на политическую сцену. Его культурный и административный центр — Нижний Новгород становится исходным пунктом русского национально-освободительного движения и крепким оплотом в борьбе с иностранной польско-шведской интервенцией.

МОНАСТЫРИ-ПОМЕЩИКИ.

УСЛОВИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СТАРЫХ РУССКИХ МОНАСТЫРЕЙ. ИСТОРИЯ БЛАГОВЕЩЕНСКОГО И ПЕЧЕРСКОГО НИЖЕГОРОДСКИХ МОНАСТЫРЕЙ, РОСТ ИХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОЩИ. ПЕЧЕРСКИЙ МОНАСТЫРЬ. МАКАРЬЕВСКИЙ ЖЕЛТОВОДСКИЙ МОНАСТЫРЬ. ВЛАДЕНИЯ ДРУГИХ МОНАСТЫРЕЙ В НИЖЕГОРОДСКОМ ПОВОЛЖЬЕ. КОЛОНИЗАТОРСКАЯ РОЛЬ НИЖЕГОРОДСКИХ МОНАСТЫРЕЙ.

Сказания об основании старых русских монастырей трафаретны. Обычно какой-нибудь благочестивый старец, муж или даже юноша, «мирского мятежа бегая и хотя богу послужити», удалялся в «пустыню», иногда за «сто поприщ** и больши» от человеческого жилья. Здесь он искапывал пещеру или ставил избу-келью и, «божиим угодникам подобяся», начинал спасительные подвиги. Какими-то непостижимыми путями широко распространялась слава о его подвигах, отовсюду к нему начинали стекаться почитатели, некоторые оставались с ним разделить подвижническую жизнь и тогда возникала обитель с церковью и кельями. А потом около обители вырастало уже «мирское» селение, но основатели монастыря не бежали от этого соседства, а мирно уживались с ним и как-то незаметно превращали его в свою собственность.

Ни составители, ни благочестивые читатели таких правоучительных повествований не замечали всей абсурдности этой религиозно-мистической робинзонады. Подумать только, какое снаряжение

* Устное предание говорит, что Козьмодемьянск основан значительно раньше, вскоре после взятия Казани.

** «Поприще» — древне-русское название версты; длина его колебалась от 500 до 1000 сажен.

Рис. 15. Монастырская деревянная церковь с воротами и звонницей.
По В. Суслову.

должен был тащить на себе за «сто поприщ» отшельник, чтобы построить даже полузвериное логовище, чем он должен был питаться круглый год, как укрываться от дождей и переносить холод в климатических условиях сурового севера. Правда, в некоторых сказаниях есть попытки разрешить вопрос и о питании отшельника. Так, в «Рукописном житии преподобного Варнавы Ветлужского» * говорится, что Варнава, «богу работая во псалмопении и молитвах, питаяся былием (травой) и вершием дубовым» и на таком сверхаскетическом меню «един 28 лет поживе даже до честного своего к богу отшествия». Но это так же правдоподобно, как повествования средневековых географов о людях с песьими головами или с шестью руками. Никогда, ни один монастырь не возникал и не мог возникнуть вдали от человеческого жилья, не мог существовать на первых порах без поддержки местного населения. И если монастыри становились пионерами колонизации, если рядом с ними появлялись впоследствии новые деревни, посады и слободки, то после того лишь, как значительно вырастало число монахов и монастырь превращался в крепкую хозяйственную единицу. Но в процессе развития древне-русских монастырей всегда и всюду наблюдается один

* И. К. Херсонский — Рукописное житие преподобного Варнавы Ветлужского. Кострома, 1890.

общий для всех порядок — переход, иногда очень быстрый, от «подвижнической» пещеры или одиночной келии — к многолюдной паразитической общине, от первоначальной аскетической нищеты — к крупному помещичьему хозяйству. Эту эволюцию прошли и старые, наиболее «прославленные» монастыри Нижегородского Поволжья — Благовещенской, Печерский, Макарьевский Желтоводский, Макарьевский Унженский, Оранский и многие другие*.

Древнейший из нижегородских монастырей — Благовещенский — ровесник Нижнему Новгороду. Какие-то неизвестные «подвижники», имена которых не были отмечены летописью, основали в трех «поприщах» от нижегородского кремля, на высоком лесистом мысу при впадении Оки в Волгу, обитель, построили церковь «святое богородици» и кельи и начали свои «спасительные подвиги». Но этот первый нижегородский монастырь существовал недолго: в 1229 году, при набеге на Нижний Новгород мордовского прявта Пургаса, он был разрушен. «Лета 6737 [1229] придоша мордва с Пургасом к Новгороду... и зажегше монастырь святое богородици»... Монастырь был восстановлен через 135 лет, по инициативе московского митрополита Алексея, бывшего в Нижнем Новгороде проездом из Орды в Москву. В «Степенной Книге» говорится: «Святый Алексей митрополит всея Русии, шествие творя в Нижний Новгород, и тамо церковь каменну прекрасну воздвиже во имя пречистыя владычицы богородицы честнаго ея благовещения, и ту всяческими добротами украсив, и монастырь устрои и в нем общее житие состави, и селы и водами и всяческими потребами удоволив, и ту у князя Бориса Константиновича крести сына, князя Ивана. Князь же Борис многа требования и вещи двигомыя и недвигомыя даде к тому же монастырю благовещению пречистыя богородицы».[33] Начатая в 1365 году постройка каменной церкви закончилась в 1370 году.

Возобновленная вскоре после набега Пургаса, Благовещенская слобода была отдана в собственность восстановленному Благовещенскому монастырю на «законном основании», так как стояла на земле, теперь пожалованной монастырю. Неизвестно, какие еще «вещи двигомыя и недвигомыя» были даны «на зубок» возрожденному монастырю, но в 1383 году, когда по смерти Димитрия Константиновича его брат Борис вторично стал нижегородским великим князем, Благовещенский монастырь получил очень щедрый дар. Борис Константинович пожаловал ему из своего личного удела рыбные ловли по р. Суре и озера — Пашково, Саларево, Плоское, Сосновское, Долгое, Мягкое и обширный земельный участок по левому берегу Суры, от устья Курмышки до Волги, — «все озера от речки Курмышки вниз Сурою источные и глухие, роздерти и заводи, пески с падучими реками, бобровые гоны, стрежень по реку Волгу». Все естественные богатства этого участка и даже «роздерти», т. е. расчищенные от леса под пашню площади — результат неимоверного труда крестьян — оказались в руках счастливого «молитвенника» — монастыря.

В 1399 году присурские владения Благовещенского монастыря

---

* Перед революцией в быв. Нижегородской губернии насчитывалось около 30 мужских и женских монастырей, помимо «общин» и «подворий».

округляются. Нижегородский боярин Сюзев дал монастырю «на помин души» ценную «вотчинную пустошь селища Спасского* на реке Кулюлсерме, в Курмышском уезде, со всем—и с бортными ухожьями, что к той пустоши пришло промежь Урги, Уронги и Мухины».

Московский митрополит Алексей, восстановивший Благовещенский монастырь, также не оставил свое детище без подарка. Правда, это не были земельные угодья или бобровые гоны, но не менее доходная статья,—митрополит «благословил» монастырь древнею «Корсунскою» иконою богородицы. Умело рекламированная икона привлекала многочисленных поклонников и обильный приток пожертвований.

За отсутствием старых документов, большею частью уничтоженных огромными пожарами в 1715, 1722 и 1766 годах, трудно установить, какими именно вотчинами владел Благовещенский монастырь до издания указа о «Монастырских штатах»**. Из сохранившейся «мировой записи» от 1631 года о полюбовном размежевании земель Благовещенского монастыря с землями Якова Короткого видно, что монастырю принадлежало село Столбищи (бывш. Курмышского у.). Другой документ—жалованная грамота Ивана Грозного от 23 мая 1554 года — говорит, что монастырю была пожалована деревня Стрелицкая (вероятно, теперешняя Стрелка, Дзержинского района).[34] Кроме того, известно о мельнице на Сейме. Разумеется, этим не ограничивались земельные владения монастыря к началу XVII века, как можно судить хотя бы по тому, что по документам 1722 года за монастырем числилось 4159 человек крестьян (м. п.) и 103 монастырских служителя из крепостных же крестьян. А это по тогдашнему времени—население, по крайней мере, тридцати деревень, пожалованных, несомненно, значительно раньше, так как в XVII веке раздача деревень монастырям была далеко не такой щедрой, как в XVI веке.

Монастырские крестьяне частью находились на оброке, частью же на барщине несли натуральные повинности—пахали, сеяли, жали, косили монастырские пашни и покосы, заготовляли дрова, ловили рыбу, доставляли хмель для пива «на утешение братии», мед, ягоды, грибы, масло, яйца, шерсть холст, домотканое армячное сукно и проч. Оброчными крестьянами ежегодно доставлялось в монастырь 20—25 пудов масла, 50—60 пудов меду, 50 ведер груздей, 20—25 ведер брусники, 12 000 штук яиц, 10—12 пудов очищенной овечьей шерсти, до 200 аршин армячного сукна, 20—25 штук «обшивных» саней, 5000 веников. «Тяглые» (т. е. несшие натуральные повинности) крестьяне ежегодно засевали до 200 десятин монастырской земли и доставляли с пашен в монастырские закрома уже провеянное и высушенное зерно, ставили на лево-

* «Пустошь селища Спасского»,—возможно, остатки основанного Борисом Константиновичем с. Спасского, вероятно, разоренного потом в один из татарских набегов.

** Петром III был издан 21/III 1762 г. указ «О монастырских штатах», по которому монастыри лишались помещичьих прав па «пожалованных» им раньше, вместе с деревнями, крестьян. Монастырские крестьяне отошли в особое казенное ведомство — «Коллегию Экономии» и должны были платить своим бывшим помещикам — монастырям сравнительно легкий денежный оброк.

бережных волжских покосах до 400 копен сена. Кроме того, помимо «монастырских служителей», при монастыре находились в качестве постоянных работников 12 человек, 7 огородников, 24 косца — все это из монастырских же крестьян.

Богатый помещик, владелец больших ближних и дальних вотчин с тысячами крепостных крестьян, — Благовещенский монастырь за время своего более чем пятисотлетнего существования не оставил особенно яркого следа в местной истории. Он стоял как-то в тени, в стороне от большой жизни. Может быть, причиной этого является особенное направление монастырской политики, по традиции передаваемой от игумена к игумену. Возможно, однако, что роль монастыря в жизни Нижегородского Поволжья была значительно больше, но почти полное отсутствие характерных документов не позволяет выявить эту роль в настоящей полноте.

Второй из «прославленных» нижегородских монастырей — Печерский, основан между 1328 и 1330 годами выходцем из Киево-Печерской лавры, монахом Дионисием.

«В трех поприщах от града, при брезе Волги реки Дионисий в Нижнем Новгороде ископа пещеру, идеже трудолюбиво подвизася и монастырь честен состави, зовомый Печерский монастырь» *.

Из вырытых в крутом волжском берегу звериных нор — душеспасительных пещер — Дионисий и первые его сотрудники по аскетическим «подвигам» скоро вышли на земную поверхность и построили монастырь. Его игуменом, а впоследствии архимандритом сделался Дионисий и в течение сорока лет стоял во главе монастыря.

Прошедший в Киево-Печерской лавре хорошую школу монашеского смирения, аскетизма и тонкой дипломатии; молитвенник и советник великих князей нижегородских — Константина Васильевича, Андрея, Димитрия и Бориса Константиновичей; близкий друг московского митрополита Алексея и знаменитого игумена Сергия Радонежского, — Дионисий сумел быстро поставить Печерский монастырь на «высокую степень». В еще недавно пещерной обители теперь было девятьсот монахов, щедрые пожертвования стекались сюда со всех сторон.

В 1371 году Дионисий оставил свое детище — Печерский монастырь, получив назначение на епископскую кафедру в Суздале. Аппетит приходит вместе с едой, и честолюбие — с карьерными успехами. Через семь лет Дионисий уже выставил свою кандидатуру на сан московского митрополита. В 1378 году умер московский митрополит Алексей и в русской церкви началось «великое замешательство». Московский великий князь Димитрий Иванович (Донской) желал поставить преемником Алексея своего духовника, архимандрита Новоспасского монастыря Михаила (пренебрежительно называвшегося по его «мирскому» имени Митяем) — человека умного, властного, «вельми книжного», но не отличавшегося нравственностью и христианскими добродетелями. Духовенство, в том числе и Дионисий, было против этого назначения. Прибывши в Москву, Дионисий не явился ко временному блюстителю митрополичьего престола Михаилу-Митяю на

* «Степенная книга», 1, 523.

поклон, и когда получил от него выговор, то пришел к Митяю и заявил: «ты мне нисколько не начальник и не мне к тебе, а тебе ко мне следовало притти с поклоном, так как я епископ, а ты — поп. А кто больше — епископ или поп?». Митяй ответил угрозой — «сделать из Дионисия меньше, чем попа». «И многа брань бысть и молва промеж них»,— говорит летописец.

Кандидатура Дионисия была поддержана всем собравшимся в Москве высшим духовенством, и он хотел было уже отправиться в Константинополь, чтобы получить посвящение от патриарха. Но князь Димитрий Иванович приказал посадить Дионисия в тюрьму и выпустил лишь после обещания, что он не поедет в Константинополь, и под поручительство игумена Сергия Радонежского. Дионисий, получив свободу, совершил бесчестный поступок — он нарушил данное Димитрию и Сергию слово, уехал будто бы в Суздаль, а затем через Нижний Новгород тайно бежал по Волге и Дону в Константинополь. Туда же направился и его соперник Митяй, но в пути умер. Дионисий добрался до Константинополя, сумел получить назначение в митрополиты «всея Русии», но на обратном пути в 1384 году был схвачен, по проискам другого своего соперника, Киприана, в Киеве по приказу киевского князя Владимира Ольгердовича и брошен в тюрьму. Здесь в 1385 году и закончил свою жизнь и карьеру Дионисий, впоследствии причисленный к «лику святых». Если бы летописец предвидел будущую канонизацию Дионисия, то, вероятно, постарался бы затушевать отрицательные черты этого «святого», промолчал бы «о брани и молве» между ним и Митяем, ничего не сказал бы о карьеризме, ради которого Дионисий дал заведомо ложную клятву. Но летописец-современник видел в нем не «святого», а обыкновенного человека.

Дионисий оставил после себя в Печерском монастыре хорошее наследство и хороших наследников, которые не расточили, а приумножили богатства обители. Непрекращающийся поток «пожалований» и пожертвований от удельных и великих князей, от московских царей, от богачей и бедняков «на помин души», доходы от собственных земельных угодий и многочисленных хозяйственных предприятий — превратили скромную вначале обитель в богатейшего помещика. На протяжении своего пятисотлетнего существования Печерский монастырь проявлял ненасытимую алчность и стяжательство, кучка монахов-тунеядцев беззастенчиво эксплоатировала как своих крепостных крестьян, так и религиозную доверчивость сотен тысяч людей. Монастырские молитвы и «святыни» оказались неслыханно доходной рентой, о какой вряд ли смели мечтать в свое время купцы—торговые гости, а позднее—банковские дельцы и собственники больших промышленных предприятий.

Недвижимые владения монастыря были огромны и находились не только в собственно Нижегородском Поволжье, но и в Суздальской земле и далеко вниз по Волге—около Самары. Пожалования начались уже в первые годы существования монастыря.

Великий князь нижегородский Димитрий Константинович дал монастырю поле Запрудное, поле Коропово и село Юрьевское с принадлежащими ему деревнями.

Борис Константинович пожаловал на «помин души» своего старшего брата Андрея села: Кадничи (Кадницы), Новое и Карпиское с деревнями. Его сын Даниил — Жуковскую вотчину и села Заборье и Ушаково.

Суздальский князь Иван Иванович—села Мелекшино и Берентяево с деревнями.

Но самые щедрые пожертвования, вклады и льготы шли от московских великих князей и царей.

В 1395 году великий князь Василий Димитриевич «дал вкладу на помин души» — села Рубльское и Микулинское с деревнями.

Великий московский князь Василий Иванович (отец Грозного) пожаловал в 1509 году село Полянское, слободу Фоминскую и богатые бортные ухожья, в 1514 году — села Кидекшу и Плесец (около Суздаля) и дал на эти села тарханную грамоту*.

В 1540 году монастырь получил от великого князя Ивана Васильевича село Высокое.

В 1556 году Иван Васильевич—уже «царь всея Русии»—дал грамоту на право монастырским крестьянам села Плесца ловить бобров на реке Увоти.

В 1560 году Иван Грозный жалует монастырь селами Ельною, пустошами Черемисскою и Фроловскою, с правом неподсудности общему суду и освобождением от налогов, а в следующем году распространяет права владения монастыря на всю Плесецкую волость с находящимися на ее территории 23 деревнями «и з бортными ухожеи и с рыбными ловлями и з бобровыми гоны и со всеми угодьи и со всем тем, что к той волостке потягло». [35]

В 1564 году Иван Грозный пожаловал монастырю Василегородские воды по Волге и речку Латому, а в 1577 году приказал, по челобитной архимандрита Ионы, выдавать ежегодную «Государеву милостыню» — по 150 четвертей ржи** из хлеба, привозимого из павловских сел для нижегородских ружников***, и ежегодно по десять пудов меда из «государева оброчного меда».

Грозный рассылал по монастырям свои синодики, с тысячами имен казненных, и щедрые денежные вклады. Такой синодик и восемьсот рублей деньгами царь прислал в 1577 году и в Печерский монастырь, чтобы «поминати князей, боляр и прочих опалных людей и по ним понахиду и обедню служити архимандриту собором в первой вторник после Радуницы».

Умирает Грозный в 1584 году, и царь Федор Иванович шлет монастырю триста рублей на молитвы по своем «отце, во иноцех Ионы», «в вечный поминок, покаместа и святая обитель стоит».

---

* «Тарханная грамота» — от татарского слова «тархан» — свободный—грамота, освобождающая духовенство, монастыри и монастырских крестьян от подсудности общему светскому суду, и крестьян—от денежных и натуральных повинностей великому князю или царю. Все доходы от эксплоатации крестьян шли в пользу монастыря. Суд над крестьянами производил архимандрит или его уполномоченный по всем преступлениям, «опричь душегубства и татьбы с поличным».

** Четверть—около 10 пудов.

*** Ружники — духовенство, получавшее ругу — годичное содержание по договору хлебом, припасами и деньгами.

В 1585 году царь Федор жалует место для постройки мельницы на реке Лпнде и Подвязские воды; в 1587 году—реку Пьяну с озерами; в 1595 году — Толоконцевскую пустошь (где потом основано с. Толоконцево), Кантауровские бортные ухожья и реку Ватому с прилегающими к ней озерами. А в 1547 году удачливый монастырь-молитвенник получает по грамоте Федора Ивановича воды и берега Волги около Самары.

Щедрой рукой дает монастырю земли, воды, угодья и различные льготы Борис Годунов.

Краткий перечень далеко не охватывает всех великокняжеских и царских пожалований. Подробно перечислены они в подтвердительной грамоте царя Бориса от 11 сентября 1602 года.[36]

Грамота эта подтверждена впоследствии царями Василием Шуйским, Михаилом Федоровичем, Алексеем Михайловичем, Иваном и Петром Алексеевичами.

С каждым днем, с каждым месяцем и годом росли богатства Печерского монастыря. По различным, и большим и маленьким, притокам и каналам, соединявшим с грешным миром «отрешившихся» от мира «отшельников», стекались эти богатства в замкнутый бассейн—монастырскую казну.

Щедрые княжеские и царские пожалования «на помин души» не были ни единственной, ни главной статьей монастырских доходов. Источники и средства обогащения были весьма разнообразны.

Монастырь располагал многочисленными и хорошо поставленными хозяйственными предприятиями — мельницами, гончарными, столярными, швейными и сапожными мастерскими, кожевенным заводиком, кирпичными сараями, судостроительной верфью. Все эти предприятия обслуживались преимущественно собственными монастырскими крестьянами. Тысячи пудов хлеба с собственных и оброчных пашен ссыпались в монастырские закрома, тысячи пудов рыбы с бесчисленных рыбных ловлей, сотни пудов меда с бортных ухожий, бобровые меха с бобровых гонов, горы всевозможных припасов от тысяч оброчных крестьян—шли в «несытый, аки ад» монастырь.

Монастырь вел обширную торговлю, пользуясь особенною привилегией—освобождением от всех торговых пошлин и налогов.— «А куды поедет архимандрит з братьею»,—говорится в грамоте царя Бориса от 11/IV 1602 г.,—«и их люди зиме или лете судном с торгом, и по городом наши наместницы, а по волостем—волостели, и по мытам—мытники и все пошлинники мыта и явки и никаких пошлин с них не емлют».

Печерские архимандриты нередко ходатайствовали о сложении налогов и повинностей в казну со своих крестьян, но эти челобитья диктовались не филантропическими, а чисто хозяйственными соображениями. В 1540 году архимандрит Левкий «бил челом» Ивану Васильевичу, тогда еще только великому князю московскому,— «что их села монастырские в Новогороде в Нижнем и в Суздале—село Высокое да села Кидекша з деревнями — все пусто, от Казанские войны люди побиты, а иные в полон поиманы и дворов нет, и пашни не пашут. А в Суздале село Кидекша з деревнями опустело от наших [великокняжеских] даней и от наместничих кормов и от всяких пош-

лин»... «И яз князь великий»,— говорится дальше в грамоте Ивана IV от 15/I 1540 года,— «Печерского архимандрита Левкию з братьею пожаловал, хто у них в тех селех и в деревнях учнет жити людей и крестьян и тем их людем и хрестьяном не надобе моя, великого князя, дань, ни ямские деньги, ни посошная служба, ни наместничи, волостели, ни тиунов корм, ни праведчиков, ни доводчиков побор, ни пятна, ни поворотного, ни подымного, ни мостовщины, ни шукового, ни портного, ни дворских побору ни дают, ни на ям ямщики у них и у их хрестьян подвод не емлют, ни с черными людми не тянут ни в какие протыри, ни в разметы и не надобе им ни иные наши ни которые пошлины на десять лет, а как отойдут те урочные лета, им тянути всякие тяглы по книгам [как] их писец опишет, а кому пожалую яз, а на грамоту грамоту, а на его грамоту никому грамоты нет до их урочных лет, а коли его грамоту явят наместником, или волостелем, или тиуном—и они с нее явки не дают ничего». [37]

Различными ухищрениями улавливались в число монастырской братии и богатые люди и, покрываясь монашеским клобуком, приносили в монастырь денежные вклады и земельные имения. Так, напр, в средине XVI века богатый помещик Юрий Алачин, постригшись в монахи, отдал в Печерский монастырь село Ягодное с деревнями.

У монастыря была огромная клиентура, доверившая ему ходатайство перед небесами о спасении своих душ. Имена всех этих «благотворителей» и «благодетелей», а также различные степени и оттенки ходатайств перед богом за живых и умерших зафиксированы в интереснейшем документе—синодике Печерского монастыря 1552 г.

Автор вводного текста «Синодика», говоря о важности и спасительности для «отошедших временного сего жития» церковного поминовения, обращается к пастырям церкви с призывом—поминать умерших, не думая о вознаграждении. «Сим пишем вам, пастухом, рекше игуменом и учителем христова стада, иже кто мнихи паствы вашеа, нищетою вашею живя, преставится от жития сего, не глаголите—не дал вклада, не пишем его в поминание, то уже несте пастыри, но наемницы и мздоимцы».

Но бескорыстие распространяется далеко не на всех. Через несколько строк указывается, за кого монастырь молится, чьи имена «поминает» и по какой таксе и порядку совершается поминовение усопших. «В сей книзе писана имена преставлешихся, которые в сем монастыре погребены, а от имениа их по них в сей монастырь сел с деньгами давали обилно и по тех память творити... Кто даст село, ино поминати его в векы, доколе святые церкви стоят в святем сем месте, а кто даст сто рублев или пятдесят, ино их потому же поминати, как и селников. А кто даст менши пятдесят рублев, то ино тех поминати, сколько кто рублев даст, толико и лет поминати на литеи и на понахидах, а как извыйдут тех лета, ино тех из литейного поминания выставить вон».

Полтораста записей различных родов и многочисленных имен благотворителей и жертвователей заполняют страницы «Синодика». Здесь почти исключительно царские, княжеские, дворянские фамилии и имена, среди них не мало фамилий, стяжавших своими жестокостями и притеснениями крестьян ненавистную память и печальную

славу в истории Нижегородского края — Бартеневых, Приклонских, Жедринских, Шуйских, Звенигородских, Морозовых, Шереметевых. Изредка на этом аристократическом фоне загробного мира встречаются скромные плебейские пятна — «род Димитрея Котельника, дал вкладу два рубли», «род Филатов Яковлева сына Москвитинова гудовщика» (музыканта-гудошника), «род Зиновея, а прозвище Балкашь, а вкладу дал в Печерский монастырь 11 рублев»...

Жутким эпизодом вкрапливается в имена жертвователей присланный из Москвы список казненных Иваном Грозным людей — «сих опалных людей поминати по грамоте цареве и понахиды по них пети; а которые в сем сенанике не имены написаны, прозвищи или в котором месте писано 10 или 20 или 50, ино бо тех поминати — «ты, господи, сам веси имена их».

Монастырь округлял свои имения, скупая земли у крестьян, не справлявшихся с тяжестью налогового бремени, или же брал земли и угодья на оброк (в аренду) — «с торгов из наддачи» (т. е. предложив при переторжке более высокую арендную плату, чем другие претенденты).

Но помимо законных способов приобретения имущества или, по крайней мере, носивших внешнюю форму законности, — монастырь не останавливался и перед захватами и подлогами. «Разъезжая грамота» 7007 (1499) года с эпической простотой и безыскусственностью рассказывает о тяжбе монастыря с Тумадеевской мордвой из-за бортных ухожий. Поверенный тумадеевцев представил суду документальное доказательство своих прав — «Правую грамоту» и привел свидетелей — «знахорей» (т. е. людей, хорошо знавших границы владений).[38]

При внимательном чтении этого документа нельзя не убедиться в полной правоте мордовских истцов и виновности монахов в подлоге, но суд все-таки решил в пользу монастыря. О причинах несправедливого приговора — не трудно догадаться.

В «Разъезжей» от 20/III 7019 (1511) года указывается второй случай подлога. Монастырские крестьяне села Наговицына, по приказу монастыря, стесали межевые знаки и срубили пограничные дубы, чтобы завладеть землей соседней деревни Болковой, и этот подлог также был санкционирован судом.

Даже стихийные бедствия, в конечном результате, приносили не вред, а пользу Печерскому монастырю. Летом 1597 года огромным оползнем были разрушены церкви и постройки монастыря, стоявшего тогда на верхней террасе правого берега Волги. «Лета 7105 [1597]-го году иуния в 18 день», — сообщает «Нижегородский Летописец», — «на память святаго мученика Леонтия, в третьем часу нощи: было посещение в Нижнем-Новеграде в Печерском монастыре, оползла гора от матерые степи, да прошла под ту гору, на которой монстырь стоит и с лесом, и вышла в Волгу сажен на 50, а инде и болши. И стали на Волге бугры великие: суды, которые стояли под монастырем на воде, и те суды стали на брегу на сухе сажен на 20 от воды и болши. И после того, как поникла гора, пошли из горы ключи великие. И храмы каменныя в монастыре Вознесения господа бога и спаса нашего Иисуса Христа, да пречистые богородицы честнага и славнага ея Покрова, да святаго апостола и евангелиста

Иоанна Богослова, да великаго чудотворца Николая, да страстотерпцев христовых Бориса и Глеба, да преподобнаго Сергия чудотворца, и святыя врата разрушило, и келии, и погребы, и всякие монастырские службы разрушило жь. Храм с трапезою Покрова пресвятыя богородицы на месте изшатало и под горою храм Николая чудотворца да преподобнаго Евфимия Суздальскаго чудотворца сдвинуло сажени с две и колоколну каменную с колоколы повалило».

Катастрофа не была неожиданной — за несколько дней до этого выше монастыря образовалась длинная и глубокая расселина, перекосило мост через один из оврагов, чувствовались содрогания почвы. Поэтому монахи заблаговременно вынесли из церквей, жилых и хозяйственных зданий все имущество, вывели скот и выбрались сами подальше от своей обители.

«Нижегородский Летописец» сообщает о найденных после оползня «нетленных мощах» какого-то старца, признанных потом за «мощи» схимника Иоасафа. Удивительно, что монахи не использовали этот благоприятный случай для увеличения своих «святынь» и доходов, а зарыли гроб в другом месте.

Катастрофе был придан характер всероссийского бедствия, на которое отовсюду откликнулись благодетели и благотворители и в первую очередь — царь Федор Иванович. Со всех сторон посыпались обильные пожертвования, царь за свой счет построил вместо разрушенных новые церкви, уже на новом месте*, и монастырь вскоре стал гораздо богаче, чем раньше.

Монастырь был не только крупнейшим помещиком, но церковным администратором с очень широкими полномочиями. Он возглавлял обширный церковный округ — Нижегородский заказ — и печерским архимандритам было предоставлено право наблюдать за черным и белым духовенством заказа, производить над ним суд и посылать от своего имени указы во все монастыри и церкви Нижнего Новгорода, Балахны, Арзамаса, Курмыша, Ядрина и Гороховца.

В 1431 году, а по другим сведениям в 1434 году, монахом Нижегородского Печерского монастыря Макарием основан на левом берегу Волги, около устья Керженца, на Желтых Водах, монастырь, названный впоследствии Макарьевским Желтоводским монастырем. Интерес представляет не столько жизнь самого монастыря в первый, очень короткий, период его существования, сколько личность его основателя или, вернее, позднейшие агиографические приемы — для создания ореола святости и славы монастырю — автора «Сказания о жизни и чудесах преподобного Макария Желтоводского и Унженского чудотворца**.

С безудержной фантазией и поразительной беззастенчивостью автор-монах на нескольких страницах рисует психологический портрет человека, умершего четыреста лет назад, о котором, как несмотрительно сознается он сам в первых строках «Сказания», почти ничего неизвестно и неизвестно даже мирское имя Макария.

---

* В одной версте по Волге от прежнего монастыря, там, где сейчас находятся его остатки.

** Макарий, иеромон. и проф.—Сказание о жизни и чудесах преподобного Макария Желтоводского и Унженского чудотворца.

Древнее «Житие» говорит, что Макарий двенадцатилетним мальчиком тайно покинул родительский дом и был пострижен в монахи Нижегородского Печерского монастыря. В 1371 году он ушел отсюда вверх по Волге и «подвизался» где-то около селения Решмы, сначала один, а потом уже в обществе других отшельников, привлеченных магнитом его «святости». А в 1431 году спустился вниз по Волге, на Желтые Воды, и здесь «ископал собственными руками убогую пещеру». Вместо пещеры вскоре появляется монастырь с двумя сотнями монахов, и Макарий начинает миссионерскую деятельность среди окрестных мари и чувашей. Христианско-просветительная работа Макария, а также выросший около монастыря и быстро развивавшийся поселок — возбудили опасения казанского хана Улу-Махмета. В 1439 году Желтоводский монастырь был разорен, монахи частью перебиты, частью уведены в плен, в том числе и сам Макарий. Пленники были, однако, скоро отпущены, с обязательством — не возобновлять монастыря. Макарий сдержал слово и перебрался на р. Унжу, и вот невдалеке от г. Унжи появился новый монастырь, а около него селение — будущий городок Макарьев.

Макарий основал в разное время и в различных, далеких один от другого, пунктах Нижегородского Поволжья три монастыря и около них — три селения. Преследуя цель «душеспасительного подвига», Макарий тем не менее содействовал разрешению политических задач — освоению необжитых местностей, был одним из пионеров русской колонизации края.

Их было много — и крупных и мелкопоместных монастырей-помещиков, и своих, выросших на местной нижегородской почве, и чужих, территориально далеких. Почти все они пользовались правом неподсудности светскому суду, освобождением от пошлин по своим промышленным предприятиям, их крестьянам давались частые льготы от царских налогов и повинностей в пользу монастырей.

Владения их — обычно лучшие земли и угодья — были разбросаны повсюду, и оброчному крестьянину, обремененному царскими налогами и повинностями, нельзя было повернуться, чтобы не «перелезти межю» монастырских владений. Отсюда — постоянные нарушения границ и тяжбы монастырей с крестьянами, в большинстве случаев разрешавшиеся в пользу монастырей.

Из чужих, не нижегородских монастырей — самые крупные и доходные владения принадлежали Троицко-Сергиевской лавре. В 1539 году троицкие монахи получили здесь первое пожалование от великого князя Ивана Васильевича, — вернее, от его матери, правительницы Елены Глинской. В жалованной грамоте, адресованной в «Новгород-Нижней ключником нашим Микуле Бровкину да Борису Мосолову, да дворскому * Матвею Протопопову и прикащики», написано: «вы б им [Троицко-Сергиевской лавре] рыбные ловли на Волге — Хрестовскую заводь и песок и около Толстиков пески и подпесочи, и пожни, что на Толстикех, и озера с истоки и с пожнями и з заводи, и осередок мокрой, да песок Золотуху, что против Золотых колец, да

* «Ключник» — должностное лицо, которому доверены ключи от укрепленного города-кремля, он же начальник гарнизона, воевода. «Дворский» — чиновник, ведающий «государевой дворцовой волостью».

озеро Мещерское с истоком и с пожнями, да озеро Лукчал с истоком и с пожнями и со всеми угоди отдали и места на посаде и в городе [т. е. внутри кремля] на осадной двор место указали, где будет пригоже. И оброков бы есте наших и своих пошлин с тех вод и дворов монастырских ныне и впредь не имели по сей нашей жалованной грамоте».

В том же году, грамотой от 1/XI великий князь Иван Васильевич пожаловал «Троицкого Сергеева монастыря игумена Иоасафа з братею или кто по нем иной игумен будет, на Болахне местом дворовым да варницами и трубным местом, и кладбищем дровяным и местом в городе на двор на осадной».

В руках Троицко-Сергиевского монастыря сосредоточился значительный соляной промысел в окрестностях Балахны. Он поставил здесь пять соляных варниц и кроме того постепенно скупал у местных промышленников варницы с оборудованием и соленосные источники: в 1583 году — у Анны Драпишниковой «варницу и чурпла с колодами и чаном», за 20 рублей, в 1585 году — у промышленника Клементия Кондакова соленосный источник за 50 рублей и в 1593 году — у Ивана Слащева «полварницы своея дороги со цреном* и с колоды и с чяном, и с жолобы, и половина анбара со всею варничною порядиею», за 20 руб. Грамотой царя Федора Ивановича от 17/I 1596 г. монастырские варницы были освобождены от налогов — «от пудовые и бадейные пошлины».

Увеличивались и земельные владения Троицко-Сергиевского монастыря в Нижегородском крае. Грамотой от 23/XII 1547 года царь Иван Васильевич пожаловал «в дом Живоначальной троице и чудотворцю Сергию в Нижегородцком уезде, в волости Стрелице, деревню Лихорево, что была в поместье за Коноском да за Щетиною за Хабарщиковым, да в Стрелице ж, за рекою за Окою, деревни оброчные бортные и с оброками, что шло с тех деревень оброку за мою, великого князя, дань, — деревню Марино, да к ней же припущена в поле в пашню роспашь вверх по Халязеве, что была та деревня на оброце за Соромом** да за Жилою за Шуменевым, да за вдовою за Ульянкою за Кусковскою женою Шуменова же, да ее сыном за Ромашком. Деревню на речке на Митяне, что была на оброце за Фофаником Корниковым сыном Лучанинова с товарыщи. Деревню Костянтиново на речке на Митяне же, что была на оброце за Лучкою за Власовым да за Истомкою за Поросковиным, деревню Пыру, деревню Бобчино, что была за бортники же на оброце».

Жители всех этих деревень были освобождены от подсудности светскому суду во всех делах, «опричь душегубства и разбоя с поличным».

Царь Федор Иванович, грамотой от 1/I 1596 года, дал монастырю» в Нижегородском уезде, в Закудемском стану, из поместных ис порозжих [т. е. незанятых никем] земель» — пустоши Варварскую, Андреевскую, Городище, Игумново, Игрище, Ляписи («Ляпес») «и иные пустоши на две тысячи на шестьсот на девяносто на шесть

* Црен — большая сковорода для выварки соли.

** Сором, потерявший право оброка на деревню Марьино, вероятно, основал новую деревню, названную впоследствии Соромово или Сормово.

чети» *. Оригинален мотив царского пожалования — «для того, чтобы чюдотворцово имя Сергиево прославилося».

В 1599 году царь Борис Годунов, для «прославления имени чюдотворцова», добавил монастырю в том же Закудемском стану из «порозжих» земель пустоши Макарову и Кожину.

Монастырь был освобожден от взимания с его промысловых операций таможенных пошлин в Нижнем Новгороде. «Учнут монастырские старцы и слуги», — говорится в грамоте Ивана Грозного от 22/XII 1561 года, — «приежжати в Нижней Новгород и на низ в судах с монастырским с каким з запасом ходити, с какими ни будь, и с тех их монастырских старцов и слуг, и с людей, и с судов, и с неводов, и со всякого монастырского запасу — таможенных и иных ни которых пошлин имати не велели ни которыми делы». Но при продаже монастырских товаров на рынке, — они облагались пошлинами и налогами на общих основаниях.

Царь Федор Иванович в 1594 году освободил также и от «Балахонских таможенных и всяких иных пошлин рыбное судно, которое ходит на низ по Волге па рыбную ловлю на монастырской обиход».

Хорошие владения достались также на долю Суздальского Спасо-Евфимиевского монастыря, может быть потому, что основатель его Евфимий был выходцем из Нижегородского Печерского монастыря, а Дионисий — основатель Печерского монастыря — был когда-то епископом в Суздале. Этих «родственных» связей, повидимому, было достаточно, чтобы претендовать на получение имений в Нижегородском крае. В 1565 году Иван Грозный отдал Суздальскому монастырю отнятую у опального боярина Андрея Горбатова деревню Мещерскую Поросль **, а также оброчные «бортничьи» (пчеловодные) деревни Зименки, Худякову, Костину и починок Поярков — «з дворы и с пашнями, и с луги, и с лесы спорными и не спорными, и со всякими угоди тех деревень, и пустоши и починки... с посошным хлебом и оброком медвяным»... А в следующем, 1566 году были еще добавлены два рыбных озера — Большое Лебединое и Широкие Караси.

Повидимому, какими-то имущественными правами пользовался и Московский Симонов монастырь, как это можно заключить из жалобы архимандрита Печерского монастыря Тихона (1542 г.) на симоновских монахов, ловивших рыбу на Волге в принадлежавших Печерскому монастырю водах. Грамотой великого князя Ивана Васильевича от 22/XIII 1542 г. было приказано расследовать дело о браконьерстве симоновских монахов.

* * *

В истории Нижегородского Поволжья монастыри, бесспорно, сыграли крупную роль. Монастыри были крупными феодальными собственниками и проводили последовательную реакционно-крепостническую политику. В течение столетий народный организм истощала кучка тунеядцев, о которых когда-то, со свойственной ему прямо-

---

* «Четь» — четверть десятины, не имевшей в XVI—XVII веках точно установленной величины, колебалась от 2400 до 3600 квадратных сажен.

** Нынешний Горбатов.

линейностью, сказал Петр I в указе от 3 марта 1724 года: «Нынешнее житие монахов точию вид есть, понос [поношение, позор] от иных законов, не мало же и зла происходит, понеже большая часть тунеядцы суть и понеже корень всему злу праздность... и почитай все из поселян, то не точию отреклись, но привреклись доброму житию, ибо дома был троеданник, то есть дому своему, государству и помещику, а в монахах все готовое.. что не прибыль обществу от сего воистину, токмо старая пословица: ни богу, ни людям, понеже большая часть бегут от податей и от лености, дабы даром хлеб есть»...

Но вместе с тем мы должны отметить и другую роль монастырей в истории. Они были пионерами просвещения и на протяжении столетий—единственными распространителями грамотности на Руси. Не являясь непосредственным органом государственной власти, монастыри, однако, косвенным образом помогали разрешению больших политических задач Московского государства. Они заселяли многочисленные, жалованные им, пустоши и селища, создавали около своих стен новые селения, нередко разраставшиеся в значительные слободы и города, и таким образом были деятельными агентами колонизации и освоения необжитых земель. В этом заключается положительная сторона деятельности монастырей.

НА ГРАНИ XVI—XVII СТОЛЕТИЙ.

РАЗОРЕНИЕ МЕЛКИХ КРЕСТЬЯНСКИХ ХОЗЯЙСТВ И РОСТ КРУПНОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ В ПРАВОБЕРЕЖЬИ. ЗАСЕЛЕНИЕ ЛЕСНОГО ЗАВОЛЖЬЯ ПО ИНИЦИАТИВЕ МОСКОВСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА. ЛЬГОТЫ НОВОСЕЛАМ ВНАЧАЛЕ И УВЕЛИЧЕНИЕ НАЛОГОВОГО БРЕМЕНИ. БЕГСТВО КРЕСТЬЯН С ЗЕМЛИ И ЗАПУСТЕНИЕ ДЕРЕВЕНЬ. НАСЕЛЕНИЕ Н. НОВГОРОДА, ЕГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И БЫТОВОЕ ЛИЦО ПО ПЕРЕПИСИ 1620-1621 г. ТОПОГРАФИЯ ГОРОДА.

Пролог к освоению Нижегородского Поволжья — небольшой эпизод, кратко отмеченный летописью под 1103 годом. «Бися Ярослав [Ярославич, князь Муромский] с мордвою месяца марта в 4 день и побежден бысть Ярослав».

Пройден пятивековый исторический путь с многочисленными эпизодами потрясающего драматизма. Пронеслись ураганы опустошительных набегов XII—XIII столетий, постепенно зарубцевались страшные раны монгольского владычества, исчезли с политической карты Булгарское государство, Нижегородское великое княжество и Казанское ханство, и обильно политое кровью Нижегородское Поволжье вошло в состав крепкого Московского государства.

Земли и воды Поволжья — леса, пашни, пустоши, сенокосные луга, бобровые гоны, рыбные ловли, бортные ухожья, соляные источники,

все, что создано природой и кропотливым человеческим трудом, — теперь уже собственность московского государя. Он волен жаловать их, кому угодно, отнимать, давать на оброк и безоброчно, со льготами и без льгот. И вся хозяйственная политика Московского государства зиждется на основном принципе — «чтобы государевой казне было прибыльнее».

* * *

В пятнадцатом и первой половине шестнадцатого века русское население распространяется преимущественно в Волжско-Окско-Сурском междуречьи. По мере увеличения населения, главным же образом — вследствие примитивной техники сельского хозяйства, создается земельная теснота, все большую и большую ценность приобретают земли и угодья, с каждым годом возрастают размеры оброка. При системе передачи земли в оброчное пользование с торгов «из наддачи», лучшие участки, естественно, достаются тем, кто в состоянии платить более высокий оброк — крупным собственникам. Иллюстрацией может служить один из многочисленных документов эпохи — «данная» 1560 года Нижегородскому Печерскому монастырю на земельный участок по р. Пьяне. До 1560 года участком пользовалась вадская и кемарская мордва — «ту реку Пьяну бобры били вадцкая мордва Сюдес Алекин да кемарские модвы Кардюш Сыресев с товарыщи на веру на государя, а рыбу и лебеди ловили на себя безоброчно». Неопределенный доход от бобровых гонов — «на веру», а тем более безоброчная ловля рыбы и лебедей — были не в интересах верховного собственника — московского государя. Поэтому вадская и кемарская мордва была обложена оброком — «два рубли на год да пошлины с рубля по десяти денег»*. Но конкурент мордвы — Печерский монастырь «наддал» еще три рубля, и представители власти, заботясь об интересах «государевой казны», отдали доходный участок монастырю. Условия оброка были, в общем, нелегкие — «давати за рыбную ловлю по пяти рублев да пошлины с рубля по десяти денег, да за бобровую ловлю четыре бобры карих, за бобр по полтине, да пошлины з бобра по десяти же денег, да за лебежю ловлю шесть лебедей, а не будет лебедей, ино за лебедь денгами по полтине». Но монастырь был богатым и расчетливым хозяином и умел с избытком возвращать затраты.

Рядовые крестьянские хозяйства, однако, далеко не всегда окупали расходы по оброку и не редки случаи, когда «засельщики» под бременем налогов и пошлин отказывались от своих участков и передавали их более зажиточным и платежеспособным хозяевам. Перед нами «купчая» от 7040(1532) года: «Се яз Сидор, Игнатьев сын, Медведев да яз Нимин (Sic!) Поминок, Павлов сын, да яз Митка, Ондреев сын, Дроздова, да яз Терентей, Филипов сын, Подпорин — ступилися есмя своей полудеревни Мелепок за Окою за рекою, в Стрелице** на Черной речке, от Бабушки на ту половину Черной

* «С рубля по десяти денег» — иначе 5%. Здесь разумеется пошлина с общей стоимости или дохода.

** Стрелица, стрелка — длинный острый мыс-коса при слиянии рек, в данном случае — Волги и Оки.

речке,—Рюме, Максимову сыну, Доможирова. А взял есмя у него за посиле [поселье] за хоромы, и за роспашь и за прясло [изгородь], и за гумна, и за всякое угоде, что к нашей половине деревне, половину Меленок, пятнадцать рублев денег». Таким образом, Рюма Доможиров, основатель соседней деревни Рюмы, округлил свое хозяйство, купивши четыре усадебных места с постройками и роспашью, а первоначальные хозяева, возможно, перешли в разряд беспашенных крестьян и начали кормиться от Волги.

Документов, свидетельствующих об уходе крестьян с разработанных и обжитых участков, много. Участки переходили в крепкие хозяйственные руки крупных владельцев и монастырей, а нередко забрасывались и совсем, превращаясь в «пустоши», «деревнищи» и «селища».

Но правительству нужны были не пустоши, не выморочные селения, а устойчивые деревни и починки с живой рабочей силой, с платежеспособным крестьянским населением. Оно дает новоселам льготы от всяких налогов и повинностей на различные, определяемые местными условиями, сроки—от двух до восьми лет. По истечении льготного срока, достаточного чтобы поднять и укрепить несложное крестьянское хозяйство, новосел включается в общегосударственное тягло —«и отсидев им льгота, и им давати оброку царю и великому князю з году на год».

Пустынные пространства лесного Заволжья стали, вероятно, заселяться еще в начале XVI века, прежде всего в ближайших окрестностях Городца, Балахны и Нижнего Новгорода. Но колонизация шла медленными шагами, задерживаясь многолетней войной с Казанью. «Сотные грамоты» 1559 — 1560 гг. указывают на многочисленные примеры заброшенных селений, которые «запустели от Казанские войны, дворы выжгли и людей в полон вывели и посекли». И лишь после того как пала Казань и миновала опасность вражеских нападений с востока,—возобновляется интенсивное заселение Заволжья.

Инициатива исходит от московского правительства. Агенты правительственной колонизации — «садчики» и «слободчики»— ездят повсюду и «выкликают» желающих поселиться на новых местах, на льготных условиях. Они призывают «крестьян вольных, людей добрых и семьянистых, не тягольных и не холопей» на левобережные равнины — лес сечи, дворы ставити и земля пахати и покосы розчищати». «Садчики» вербуют народ, однако, с большим разбором — не первого встречного, не холопов и кабальных людей, не бездомных и бесхозяйственных бобылей, не «письменных»* крестьян, уже несущих на своих плечах бремя помещичьего тягла или же царского оброка, а «людей вольных, добрых и семьянистых».

* Т. е. включенных в «Писцовые», или «Переписные книги»—правительственные официальные документы XV—XVII вв., служившие основанием для податного обложения. Первые, известные нам, переписи населения Руси, были составлены монголами-завоевателями в XIII в. для сбора с населения дани. При великом князе Московском Иване III начинается систематическое описание присоединенных к Московскому княжеству земель. В XVI в. «Писцовые книги» составляются уже периодически и, вероятно, в это время за ними укрепляется и самое название «писцовых». Первое «большое письмо», т. е. всеобщая перепись, было проведено в Московском государстве между 1538 и 1547 гг.

Только такой колонизационный элемент мог быть устойчивым и надежным, «крепким земле», только ему можно было дать льготу, в уверенности, что он не бросит налаженное хозяйство.

Призывы правительственных агентов встречали живой отклик среди крестьянства северных областей — Вологодской, Вятской, Новгородской, Псковской, — и со средины XVI века безлюдное Заволжье начинает довольно быстро заселяться. Между Городцом и расположенным против Нижнего Новгорода селом Бор, по рекам Узоле, Везломе, Линде и Кезе, возникает густая сеть деревень и починков, образовавших три обширных волости — Узольскую, Заузольскую и Везломскую. В 1559—1560 гг. в Узольской волости, как видно из «Сотных грамот», было уже 179 деревень и починков, в Заузольской — 180 деревень, 13 починков и «полторы слободки непашенных», в Везломской — 194 деревни и 11 починков. Но все это были микроскопические деревни в два — три двора, с не особенно «семьянистым» населением. Так, в 179 деревнях и починках Узольской волости было только 333 двора с населением в 411 человек, в Заузольской — 341 двор и 476 человек населения, в Везломской — 414 дворов и 727 человек.

Земельные участки были незначительны, обычно две — три десятины на двор, что, может быть, объяснялось трудностью расчистки лесных трущоб под пашни. И как это ни парадоксально, но в заволжских просторах новоселов на первых порах угнетала земельная скудость. Причиной был не избыток населения, а малолюдье, недостаток сил и средств для борьбы с лесом. Впрочем, даже и более старые «государевы» селения соседней Балахнинской волости долгое время жили в земельной тесноте. И маломощные «государевы крестьяне» с завистью смотрели на просторные участки соседних монастырских владений, нередко «путали» земельные границы и даже переходили порой к насильственным захватам. Вот один из многочисленных документов этого времени по разрешению земельных споров — «Правая грамота» Троицко-Сергиевской лавры, от 20/III 1562 г.

«Суд судили Нижегородские писцы Григорей Иванович Заболоцкой да Федор Григорьевич Давыдов да дьяк Третьяк, Михайлов сын, Дубровина». Слуга Троицкого монастыря «Ивашко Олексеев» жаловался на балахнинских крестьян, что «балахонцы перелезли за межю Троицких лугов Плоских», накосили здесь пятьдесят копен сена и «насильно» увезли это сено, а работавших на покосе монастырских крестьян «перебили и переграбили, а грабежю взяли шесть меринов да пять сермяг да пять кос, а всего грабежю взяли на десять рублев с четвертью». В этом судебном процессе останавливает внимание еще и другое обстоятельство — все еще бытовавший древне-русский способ разрешения споров и доказательства правоты — рукопашный поединок. Когда судьи потребовали от монастырского представителя обоснования его иска, он ответил: «дайти мне с ними бою, правду же — крестное целование да поле». Но и ответчики-балахонцы на вопрос суда — «вы крест целуете ли и на поле с троецким слугою битись лезете ли?» — ответили: «мы, господине, крест целуем и на поле битись с троецким слугою лезем и наймита против него шлем». Из документа не видно, каков был исход этого «боя на поле», но так как «правая грамота» находилась в делах Троицко-Сергиевской лавры,

как доказательство прав владения, то можно заключить, что верх в судебном поединке одержал представитель монастыря.

Диспропорция между крестьянскими доходами и правительственными налогами и пошлинами наблюдается во всех отраслях народного хозяйства — в земледелии, эксплоатации бобровых гонов, рыбных ловлей, бортных ухожий и различных промыслах. Вот, например, какой-то Ульян Олешин получает в 1559 году на оброк реку Узолу с притоками, глухими рукавами («глушицами») и тремя поемными озерками. Территория очень значительная, как будто бы обещающая большие выгоды оброчнику, но условия эксплоатации очень жестки. Олешину дается право бить бобров по всей этой территории, но рыбу ловить только в Узоле, не касаясь озер, «а оброку давати ему с реки и с озерок за бобровые гоны полшеста рубля денег да с речки ж за рыбную ловлю давати ему полтина денег». При правительственной расценке — «за бобр полтина» — он должен был только для покрытия оброчной суммы в пять рублей с полтиной ежегодно добывать одиннадцать бобров и, кроме того, вносить еще полтину за ловлю рыбы. Но, ведь, он должен был что-то добывать еще для собственного прокорма и содержания семьи и вести свое охотничье-рыболовное хозяйство осторожно, чтобы не уничтожить резервов. И, вероятно, этот оброчник просто «перебивался с хлеба на квас», как и сотни ему подобных.

Все, добытое тяжелым крестьянским трудом, в конечном итоге прямо или косвенно оказывалось достоянием тех, кто владел землей, не прикладывая к ней своих рук. Крестьянский хлеб ссыпался в чужие закрома, реки меда текли в царские, помещичьи и монастырские погреба, бобровые меха покрывали чужие головы и плечи, рыба плыла мимо рук.

В шестнадцатом столетии, в особенности во второй его половине, наблюдается необычайный рост числа монастырей и монашествующих. Не являлось ли одной из причин этой социальной уродливости тяжелое положение «черных людей», стремление укрыться от житейских невзгод и тягот под непроницаемой броней монашеской рясы? Здесь, в этом «грешном мире» — гнет материальной нужды и политического бесправия, там — за монастырскими стенами — «тихое безмятежное житие и спасительные подвиги». Конечно, религиозный мистицизм прозелитов рассеивался при первом же соприкосновении с закулисной действительностью монастырской жизни, но надежды на безмятежное и сытое житие — оправдывались. Обительские стены не отгораживались от мира. Монахи из крестьян постоянно вращались в «грешном миру», но уже с ореолом святости, собирали обильную жатву с доверчивых людей и вербовали, прямо и косвенно, новые монашеские кадры. «Черньцы и черницы по миру волочатся», — констатирует Стоглав, — «и живут в миру, и не знают, что словет монастырь» *. И еще: «А в монастырех черньцы и попы стри-

* «Стоглав» — сборник, содержащий описание деяний и постановлений созванного Иваном Грозным в 1551 г. церковного собора. Такое название установилось лишь в научной литературе. Списатели XVII в. называли его «Стоглавником» вследствие того, что он разделен на 100 глав. Отсюда и самый собор 1551 г. принято называть Стоглавым.

гутся спасения ради души своея, нецыи же стригутся покоя ради телесного, чтобы всегда бражничать и по селам ездят, прохладу дея».

Флетчер* сообщает любопытный разговор с одним из русских монахов. «Я спросил его», — говорит Флетчер, — «для чего он постригся в монахи?». Он ответил: «для того, чтобы покойно есть хлеб свой». Английский посол был поражен невежеством этого служителя церкви даже в сфере, казалось бы, наиболее близких ему церковно-религиозных вопросов. Но в обстановке русской действительности в этом не было, в сущности, ничего удивительного: ведь этот крестьянин, как и тысячи ему подобных, шел в монастырь не для изучения богословия и даже не для спасения души, а лишь для того, «чтобы покойно есть хлеб свой».

Монашество — очень удобная линия перехода от политического бесправия и невыносимого экономического гнета к материальному благополучию и выгодному положению. Но нельзя же было всем уйти в монахи, и московское правительство, уже обеспокоенное быстрым ростом армии черноризных тунеядцев, не преминуло бы принять ограничительные меры против отлива в монастыри податной и рабочей силы.

И «черные люди» шли по другой линии — наименьшего сопротивления. Колонизационная политика — вызов крестьян на новые места, на «льготу» — давала непродолжительный эффект. Как только истекали льготные годы и на окрепших новоселов начинали градом сыпаться требования всевозможных повинностей и налогов, они сплошь и рядом бросали свои «дворишки и животишки» и «разбредались розно» в поисках новых мест и новых льгот. Официальные документы XVI века — «Писцовые книги» — фиксируют огромное количество брошенных селений — «пустошей», «селищ» и «деревнищ», не указывая, однако, причин этого явления. Причины запустения селений вполне ясны. Тот же Флетчер — вдумчивый и внимательный наблюдатель русской жизни — пишет: «Кроме податей, пошлин, конфискаций и других публичных взысканий, налагаемых царем, простой народ подвержен такому грабежу и таким поборам от дворян, разных властей и царских посыльных по делам общественным, особенно в так называемых ямах и богатых городах, что вам случается видеть многие деревни и города, в полмили или целую милю длины, совершенно пустые, народ разбежался весь от дурного обращения и насилий. Так, по дороге к Москве, между Вологдою и Ярославлем** (на расстоянии двух девяностых верст, по их исчислению, немного больше ста английских миль) встречается, по крайней ме-

---

* Джильс Флетчер—О государстве Русском, гл. 21—«О церковном управлении и духовных лицах». Джильс Флетчер, доктор гражданского права, был послом английской королевы Елизаветы при дворе московского царя Феодора Ивановича в 1588 г. Пристально наблюдая тогдашнюю Россию, он написал свою замечательную книгу «О государстве Русском, или образ правления Русского царя, обыкновенно называемого царем Московским, с описанием нравов и обычаев жителей этой страны». Книга издана в первый раз на английском языке в 1591 г., на русском языке появилась впервые в 1848 г., но была запрещена и вновь увидела свет лишь в 1905 г.

** Флетчер ехал из Англии в Москву Северным и Белым морями и затем через Архангельск, Вологду и Ярославль.

ре, до пятидесяти деревень, иные в полмили, другие в целую милю длины, совершенно оставленные, так что в них нет ни одного жителя. То же можно видеть и во всех других частях государства, как рассказывают те, которые путешествовали в здешней стране более, нежели сколько мне позволили это время или случай». Какую, вероятно, удручающую картину представляли эти мертвые, запустевшие и полуразрушенные деревни или порою даже пепелища — следы умышленных поджогов!

О бегстве вотчинных крестьян говорит продиктованный Борисом Годуновым указ царя Федора Ивановича от 24 ноября 1597 года. «Которые крестьяне»,— говорит этот указ,— «из за бояр и из за приказных людей, и из за детей боярских, и из за всяких людей * выбежали до нынешнего 105 [1597 г.] за 5 лет, на тех беглых крестьян в их побеге давати суд и сыскивать накрепко всякими сыски и по суду и по сыску тех беглых крестьян з женами и з детьми и со всеми животы возити назад, где кто жил. А которые выбежали до нынешнего 106 году лет за 6 и за 7, и за 10, и больше, а те помещики вотчинники, из за кого они выбежали, до нынешнего 106 году лет за 6, за 7 и за 10 государю-царю не бивали челом, на тех беглых крестьян в их побеге суда не давати и назад их, где кто жил не возить». Указ, регламентирующий уже существующее и развивающееся крепостное право, говорит о суровых мерах воздействия на беглых крестьян, но ничего не говорит о мерах для обуздания настоящих виновников запустения сел и деревень — царских чиновников и помещиков, вредивших общегосударственным интересам.

Распоряжение — «накрепко сыскивать всякими сыски» не давало, однако, особенно ощутительных результатов. Люди уходили за пределы досягаемости — за «Дикое Поле» на Дон, где основывали вольные русские колонии; бежали к Строгановым и Калинниковым на Вычегду и Каму. Бежали тысячи, вылавливались и возвращались к разоренным домам — десятки.

И, наконец, как бы последний исход,— уже полное социальное отщепенство — это «большая дорога», куда уходили наиболее озлобленные и непримиримые. Своеобразное выражение классового протеста — разбойничьи шайки, иногда хорошо вооруженные и спаянные суровой дисциплиной отряды в несколько сот человек,— наполняли Муромские и Запьянские леса, «гуляли» по Волге и Оке, стояли на «больших дорогах» Московской, Тверской и Казанской, наводили ужас на помещиков, купцов и служилых людей. «Разбойные приказы» ** были завалены делами о грабежах, насилиях и убийствах, но борьба с разбоем не часто выходила за пределы канцелярской переписки,— активных мероприятий правительственные агенты обычно старались избежать.

---

* Выражение «из за» «из за бояр», «из за приказных» и т. д.) употреблено здесь не в современном нашем понимании, как указание причины или виновника, а как определение владельца—за кем были, иначе кому принадлежали крестьяне и от кого —«из за кого» бежали: были «за боярином» и бежали «из за боярина».

** Разбойный приказ — учреждение в Московском государстве, ведавшее дела уголовного характера.

Нельзя, разумеется, думать, что разбойничьи шайки рекрутировались только из мстителей и непримиримых врагов тогдашнего социального строя,—добрую половину их составляли просто любители легкой наживы. Возможность легкой наживы привлекала на «большую воровскую дорогу» бездельников из разнообразных общественных слоев. «Дети боярские и люди боярские и всякие бражники зернью играют и пропиваются», — отмечает «Стоглав»,—«службы не служат, ни промышляют, и от них всякое зло чинится, крадут и розбивают, и души губят». За детьми боярскими шли толпы людей, которых «Стоглав» причисляет к скоморохам. «По дальним странам», — говорит «Стоглав», — «ходят скомрахи ватагами многими — по шестидесять и по семидесят человек и по сту, и по деревням у християн сильно [насильственно] едят и пьют и из клетей животы грабят, а по дорогам людей розбивают».

Эти толпы нахальных и угрожавших общественной безопасности бездельников едва ли можно было смешивать с настоящими скоморохами-забавниками — желанными гостями всех слоев населения. Эти шайки шатались по Руси под видом скоморохов, преследуя совсем другие цели.

Уход в монастыри и разбойничьи ватаги, бегство на недосягаемые окраины и за рубеж государства — все это, в сущности, явления пассивного социального протеста. О какой-либо активной борьбе в Нижегородском Поволжье, о массовых восстаниях обездоленного крестьянства и «черных людей» — ни официальные документы, ни другие памятники XV—XVI столетий ничего не говорят. Но нельзя, однако, думать, что крестьянская масса обреченно мирилась со своей участью, что она действительно была спокойна. Под обманчивой пеленой внешнего спокойствия кипела классовая ненависть и разгоралось пламя будущего великого народного гнева.

* * *

О первых трех столетиях жизни Нижнего Новгорода ничего почти не известно. Из туманной дали древности до нас дошли только случайные и отрывочные сведения, преимущественно экстраординарного порядка — о вражеских нападениях, истребительных пожарах, моровых поветриях, сооружении Кремля, борьбе князей и т. п. Но мы ничего не знаем о жизни «главного действующего лица» Нижегородской истории — самого населения города, его движении, социальном составе и занятиях, ничего также не знаем и о внешнем облике города, так как до нас не дошло сколько-нибудь достоверных документов этого периода. А документы, несомненно, были — именно материалы по переписям Нижнего Новгорода и его уезда. В грамотах Коллегии Экономии* встречаются указания на нижегородских писцов Ивана Волынского и Федора Киселева, описывавших

* Коллегия Экономии — основанное в 1726 г. учреждение, управлявшее земельными владениями духовных лиц, церквей и монастырей. В 1762 г., когда произошла секуляризация — отобрание монастырских и церковных поместий с крестьянами в казну — они были переданы в ведение Коллегии Экономии, просуществовавшей до 1786 г. После этого заведывание церковными имениями перешло в ведомство Казенных Палат.

город и уезд до 7010 (1502) года, и в 1502 году—на «писца города Нижнего» Ивана Захарова с дьяком московского великого князя Ивана III, Сумароком Путятиным. В этих же грамотах над 7069 (1561) годом упоминается нижегородский писец Григорий Заболоцкий, описавший город и уезд. Но материалы по переписям Волынского, Киселева, Захарова и Заболоцкого не сохранились, и на них имеются только многократные голые ссылки в различных актах XVI—XVII веков.

Социально-экономическое и бытовое лицо Нижнего Новгорода, его топография в конце XVI века — не вполне ясны для нас. Нужно, однако, оговориться, что здесь приходится пользоваться документом более позднего времени, именно «Писцовой книгой письма и меры Димитрия Васильевича Лодыгина, Василия Ивановича Полтева и дьяка Дементия Образцова 7129-7130 [1620-1621] году». Но в этом, думается, нет опасности особенно заметного анахронизма, так как за какие-нибудь 20—30 лет вряд ли могли произойти значительные перемены в жизни, хозяйстве, культуре и составе населения города, если даже учесть вызванные «смутным временем» социально-экономические сдвиги.

Состав нижегородского населения, по месту его происхождения, очень пестрый. Помимо коренных нижегородцев, здесь не мало выходцев из других, часто довольно отдаленных, мест — из Алатыря, Арзамаса, Владимира, Вологды, Вязьмы, Гороховца, Зубцова, Казани, Кимр, Кинешмы, Козельска, Коломны, Козьмодемьянска, Костромы, Курмыша, Москвы, Мурома, Нерехты, Новоторжка, Переяславля, Пскова, Путивля, Ржева, Свияжска, Стародуба, Твери, Темникова, Тихвина, Холуя, Усолья, Чебоксар, Шуи, Углича, Юрьевца, Яранска, Ярославля. Вполне вероятно, впрочем, что некоторая часть коренных нижегородцев также рассеивалась по другим местам Московского государства.

Весьма разнообразен состав нижегородского населения и по своему социально-сословному положению и имущественному состоянию, представляя различные градации и часто — трудно уловимые оттенки. По столбцам «Писцовой книги» пестрой вереницей проходит население «Каменного города» (Кремля), посадов и слободок — посадские люди, крестьяне, бояре и боярские дети, духовенство, «захребетники» и «соседи», торговые люди гостиной сотни, бобыли и нищие, «жильцы», холопы, земские люди, монастырские трудники, «гулящие люди».

Самая значительная по количеству группа населения — жители посадов, посадские люди, разделявшиеся по их имущественному состоянию и налоговому обложению на четыре разряда — «лучших», «середних», «молодших» и «худых». Из них больше всего было «середних». Всего в городе числилось около 900 посадских дворов, со взрослым мужским населением около 1000 человек.

На плечи посадских людей ложилась главная тяжесть государственных и местных налогов и повинностей, взимаемых не с живой рабочей силы, а по «мирскому окладу» — со двора. Отсюда, с одной стороны — стремление обнищавших и захудалых «тяглецов» выйти из-под податного гнета, перейти на положение полусвободных, опекаемых людей в «закладники» и «захребетники»,[39] с другой — борьба посадской тяглой общины с бегством из ее рядов податной

силы. В Нижнем Новгороде было не мало людей, которые «для бедности с посадцкими людми никаких государевых податей не платили», а также «захребетников» и «соседей» — лиц, живших вместе с дворовладельцами или же владевших избенками на чужих дворовых усадьбах. На дворах монастырей, бояр и других богатых владельцев скрывалось от преследования правительства и тягольной посадской общины множество закладчиков под видом «дворников», крестьян и бобылей. Они, эти замаскированные закладчики, постоянно фиксируются в «Писцовой книге»: «двор боярского сына Ивана Петровича Гвоздева, а в нем живет дворник Терешка Игнатьев, а не в тягле», «двор Дудина монастыря, а в нем живет дворник Ивашко Омельянов, а не в тягле», и т. д.

Помимо борьбы с бегством из посадской податной общины, посадским людям приходилось выдерживать борьбу еще и с «беломестцами» — городскими и пригородными жителями, свободными от сословных государственных налогов и повинностей. Под Нижним Новгородом и на окраинах самого города находились слободки монастырей и других владельцев. Жители этих слободок платили оброк только землевладельцу и были свободны от общего тягла посадских людей. «Промышляют те люди своим рукодельем, оброк платят в монастырь на монастырское строение, а с нижегородцы с посадцкими людми никаких государевых податей не платят и в сошное письмо не положены», — говорит о них «Писцовая книга». Свободные от общего податного тягла жители монастырских и помещичьих слободок были опасными конкурентами нижегородских посадских людей. Они жили на земле привилегированных владельцев, «промышляя своим рукодельем», были лучше, чем посадские, обеспечены в своем производстве и имели возможность выжидать более выгодных условий рынка для сбыта продуктов своего производства.

Землевладельцы - помещики, как духовные, так и светские, не ограничивались пригородными участками и слободками, пробирались в самый город, ставили здесь свои дворы, заселяя их собственными крестьянами и закладчиками, находившимися в очень выгодных, по сравнению с положением посадских людей, условиях. Они владели торговыми лавками, постепенно увеличивали свою недвижимость, прибирая к своим рукам дворы и торговые заведения по кабальным записям за долги и своим исключительным положением и преимуществами вызывали острую ненависть посадских.

В распоряжении посадских людей находились пашни — около 1000 десятин, выгон за городом для скота — около 550 десятин и сенные покосы за Волгой и Окой (на «Стрелице») — около 750 десятин. Это, конечно, было очень мало на 900 дворов, тем более, что лучшие участки принадлежали ямским охотникам, Печерскому, Благовещенскому и Духову монастырям и нижегородским помещикам Вырыпаевым, Жедринским, Жемчужниковым и другим. Земельные владения посадских были окружены плотным кольцом монастырских и помещичьих участков, налицо был постоянный риск или соблазн нарушения земельных границ.

В числе находившихся в пользовании посадских людей угодий были и рыбные ловли — по Оке, Волге и часть заволжских озер.[40]

У посадской тягловой общины был еще один неприятель — «нижегородские ямские охотники». Отбывая особую личную повинность — «государеву ямскую гоньбу», они также были выделены из состава общины и, повидимому, материально жили лучше, чем посадская масса. Ямщикам были отведены лучшие и более близкие к городу участки пахотной земли, сенных покосов и выгона, и на этой почве между ними и посадскими людьми происходили постоянные столкновения, варьировавшиеся от судебных процессов до кровавых побоищ.

Как показывает самый термин «охотники», профессия ямщиков была добровольной, «по охоте», но она стала сословно-наследственной, переходя от отца к сыну, из рода в род. В Нижнем Новгороде, как впрочем и в других городах, ямщики жили несколько изолированно от остального населения, в своих ямских слободках. Эти слободки были «на посаде по Большой Проезжей Ильинской улице, по обе стороны» и «в новом и старом городе дворы нижегородских ямских охотников» и впоследствии образовали Большую, Малую и Третью Ямские улицы. Ко времени переписи Лодыгина, в Нижнем было 70 дворов «ямских охотников» и «два двора ямских съезжих». Всего было 153 человека «ямских охотников», на которых приходилось 700 десятин пахотной земли, и при том лучшей, между тем как 900 дворов посадских людей владели только 1000 десятин пашни. При таком распределении пахотных земель и при свободе ямщиков от всех повинностей, кроме гоньбы, вполне понятен антагонизм между ними и посадскими людьми.

Нижний Новгород конца XVI века — средний по размерам и людности город. В нем было около 1500 дворов, 900 из них принадлежало посадским людям, 70 — ямщикам, 200 — боярам, дворянам, боярским детям и различным служилым людям, остальные духовенству, торговым людям гостиной сотни, служилым иноземцам и прочим сословиям. Около 700 дворов и «дворишек» теснилось внутри стен «Каменного города» (кремля) и около 800 были довольно беспорядочно разбросаны по посадам и слободам.

Общее количество населения достигало 6000 человек. Почти сплошь это были русские, среди которых небольшими спорадическими пятнами вкрапливались литовцы, «немцы»*, татары, казаки.

В своем промышленном развитии Нижний Новгород не вышел еще из стадии натурального хозяйства. Правда, многие жители занимались промыслами, но эти занятия не отличались значительной степенью специализации и основная масса городского населения производила предметы потребления еще сама, и производитель был одновременно и торговым посредником. Так, например, хозяин-двоfeaturesвладелец нередко пахал пашню, косил сено, занимался скотоводством или огородничеством и в то же время «промышлял своим рукодельем» или имел торговую лавку.

Эти промыслы или «рукоделья» разнообразны и порой трудно поддаются классификации. В области сельского хозяйства и смежных с ним отраслей производства работали: хлебники, подсевальщики,

* Под именем «немцев» в Московской Руси подразумевались все иностранцы из Западной Европы, не знавшие русского языка, «немые», по русскому пониманию.

крупяники, садоводы, огородники, луковники, льняники. На лесных промыслах и обработке дерева были заняты: лесники, орешники, плотники, судоплаты (строители судов), деревщики (мастера деревянной посуды, ложек и проч.), лыжники, оконичники, ларешники, коробейники (производившие короба и корзины), обручники, гробовщики, ведерники, бочкари, мучники (делавшие охотничьи и воинские луки и стрелы), токари, дегтяри, рогожники. С охотой, рыболовством и животноводством были связаны промыслы бобровников, рыбников, рыбных ловцов, неводчиков, прорубщиков (следивших за речными и озерными прорубями), оханщиков (ловцов крупной рыбы — белуги, осетра и др. особыми сетями — «оханами»), сырейщиков (изготовлявших корм для охотничьих собак), пастухов, сокольих помытчиков (специалистов соколиной охоты, напускавших на дичь соколов и прочую ловчую птицу). По производству съестных припасов работали: мельники, хлебопеки, калачники, пирожники, кисельники, пряничники, повара. По обработке волокна, тканей и шерсти — прядильщики, холщевники, пушники, полстовалы (выделывавшие «полсти» — грубые ковры, половики, войлоки), портные, сермяжники, шапочники, рукавичники, чулочники и завязочники, подкомутники. На обработке кожи и меха сидели сыромятники, кожевники, сапожники, седельщики, саадачники (изготовлявшие саадаки — чехлы для луков), скорняки, овчинники, шубники, переплетчики. На промыслах, связанных с химическими процессами, работали: солодешники, сусленики, пивовары, винокуры, маслешники, вощеники, мыльники, свечники, красильщики, гребенщики, зелейщики (выделывавшие «зелье» — порох). Обработкой минерального сырья и металлов занимались: каменщики, кирпичники, печники, жерновники, горшечники, кузнецы, оловянишники, котельники, замочники, ножевники, колокольники, бронники (изготовлявшие боевые брони), бердышники («бердыш» — широкий боевой топор), часовники, точильники. Предметы роскоши и культа выделывали иконописцы, иконники (только «ризы» или «оклады»), серебряники, алмазники (ювелиры). Свободными профессиями занимались: рудометы (кровопускатели, от слова «руда» — кровь), коновалы, писцы, переводчики, певчие, скоморохи.

Подавляющее большинство всех этих производителей принадлежало к посадским людям, но встречались ремесленники и из других общественных слоев населения. Способ производства и роль его в общем хозяйственном балансе города в значительной степени определяли и форму организации производства. Обычно это были группы родственников и лиц, живших на одном дворе, составлявшие естественные промысловые ассоциации. При натуральном хозяйстве потребители редко обращались к рынку, а производители мало конкурировали между собой. Это обстоятельство, при дешевизне натуральных продуктов, приводило, несомненно, к большим колебаниям цен на предметы не первой необходимости.

Торговля не была исключительной профессией купцов. Торговали бояре, посадские люди, крестьяне подгородных сел и слободок, служилые люди, церкви и монастыри. Производитель одновременно был и продавцом продуктов своего производства. Но все это были сравнительно мелкие торговцы, с небольшими оборотами, крупная

же торговля сосредоточивалась уже в руках профессионалов — «торговых людей гостиной сотни». Они торговали преимущественно «большими свальными товарами», т. е. ввозными, получаемыми по волжскому водному пути. Торговое значение Нижнего Новгорода начинает быстро расти во второй половине XVI века, когда были завоеваны Казанское и Астраханское ханства и весь Волжский путь до самого Хвалынского (Каспийского) моря принадлежал Московскому государству, и особенно после того как Западная Сибирь была взята «под высокую руку великого государя». Нижний Новгород стал посредником торговых отношений между Европой и передней Азией. Через него шли товары в Прикамье, Тобольск и Тюмень, в Астрахань, Хиву, Бухару и Персию и через него же шли товары из Сибири и Востока — на Запад.

Нижегородская торговля была сосредоточена преимущественно на «Нижнем посаде» (Нижнем базаре), где «против церкви Ивана Предтечи, по конец Большие улицы» — стояли «Гостиный двор», торговые ряды и различные склады — «анбары с полатьми». В соседстве с Гостиным двором находились лавки «Большого ряда» с серебряными и медными изделиями и съестными припасами, и тут же, начинаясь от ворот Гостиного двора, тянулись ряды сапожный и «подошевной» — вплоть «до хрестца, что к Николе Чюдотворцу» (т. е. до крестика около Никольской церкви, на Нижнем базаре. В этих рядах сидели «сапожники по найму», т. е. наемные приказчики и мастера. По берегу Волги, в направлении к Окскому устью, простирались ряды: житный (с зерновым хлебом), крупяной, луковый, холщевый, колпачный (шапочный), красильный, лотошный, коробейный, масляный, мыльный, горшечный, иконный, харчевенный, ветошный, москательный, женский (лавки с принадлежностями женского туалета, украшений и рукоделия). На волжском берегу стояли многочисленные соляные лавки, амбары и мыльные варницы. За «Новым острогом», на заливаемом в половодье берегу Волги, было скучено множество амбарчиков, лавчонок и легких шалашей, где торговая мелочь сидела «до большие полые воды, а весною в полую воду с тех мест амбарики сносят, покаместа полая вода сойдет».

Торговля была и в «Верхнем посаде» — около кремлевской стены и на «Мытном дворе». «Всего в Нижнем Новгороде, на обоих посадах — Верхнем и Нижнем — было около 150 различных торговых складов — «амбаров» и «амбаришек», свыше 250 больших лавок, несколько десятков разборных временных (на базарные дни) лавчонок — «полок» и множество шалашей мелких торговцев. До нас не дошло никаких сведений о размерах общего нижегородского торгового оборота, да вряд ли такие сведения и собирались. Известно лишь, что общая сумма взимаемых в казну торговых налогов и пошлин до переписи 1621—22 гг. достигала 125 рублей в год, а после переписи была повышена до 195 рублей.

Как и большинство крупных городов Московской Руси, Нижний Новгород разделялся на четыре части: «Каменный город», или Кремль, с находившимися внутри его стен домами, «Верхний посад», или «Старый город», окруженный «старым острогом» — деревянными стенами и башнями, «Нижний посад», также охваченный тянувшимся по

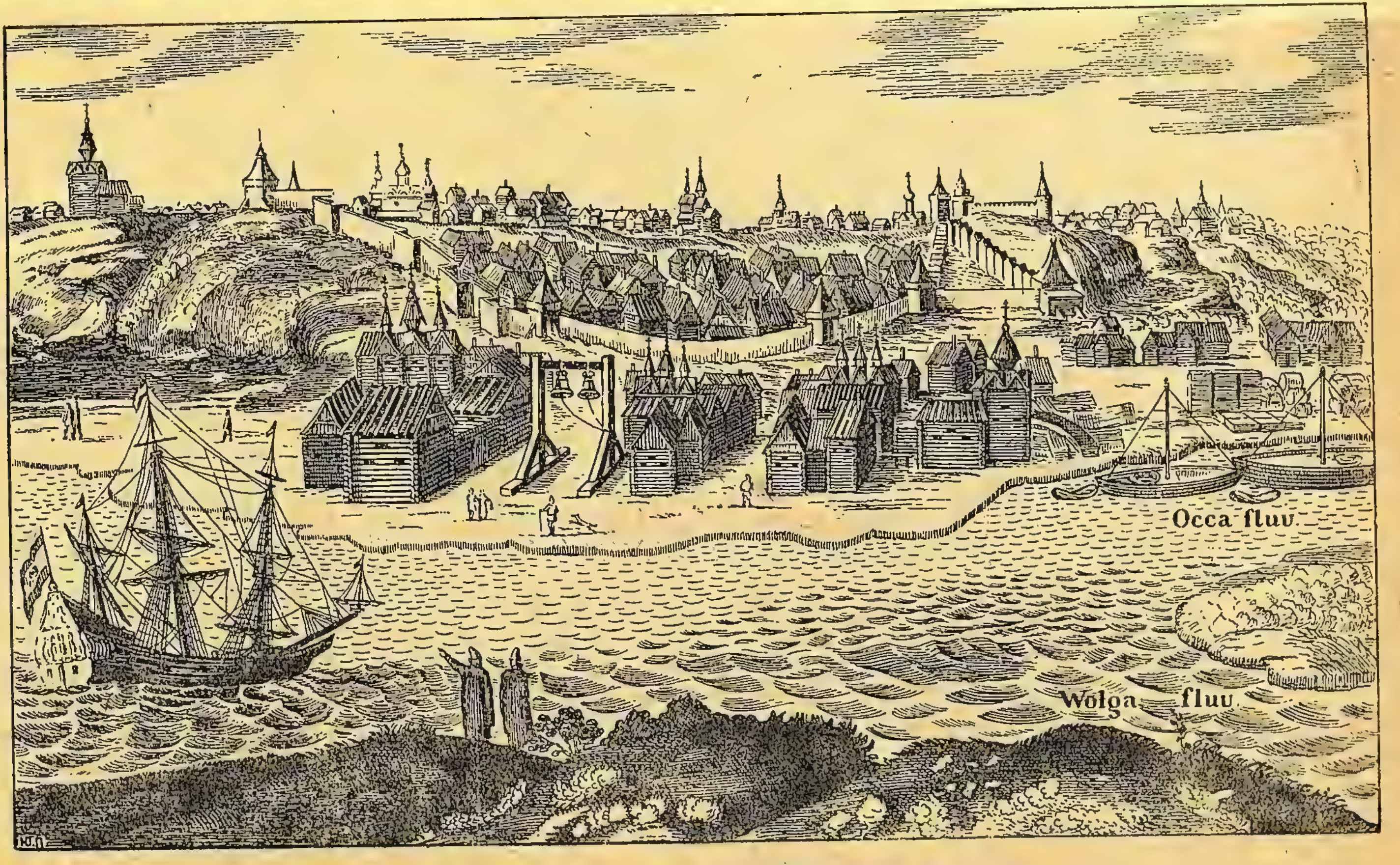

Рис. 16. Вид Нижнего Новгорода в XVI—XVII вв. *По рисунку Олеария.*

крутому склону Волжско-Окского мыса и по берегу Волги деревянным «Новым острогом», и слободы, частью включенные в территории «Старого» и «Нового» острогов, частью же находившиеся за острожными стенами.

Топография старого Нижнего Новгорода очень туманна, так как до нас не дошло ни планов города XVI—XVII столетий, ни сколько-нибудь ясного и точного описания расположения его улиц, переулков, площадей и слободок.

«Каменный город» — Кремль, занимавший значительно бо́льшую площадь, чем в настоящее время, был тесно застроен церквами, монастырями, казенными избами и жилыми домами с садами и даже огородами. Не мало было совершенно пустых дворов, предусмотрительно выстроенных на случай «осадного времени».

По материалам «Писцовой книги» 1621—22 гг. можно набросать только приблизительное расположение кремлевских улиц, переулков и площадей. Около церкви «Боголепного Спаса» находилась Соборная площадь. От нее шла вниз, к Ивановской башне, Большая Мостовая улица и перпендикулярно к ней тянулась Соборная улица, рядом с которой шла улица к Архангельскому собору. Была, повидимому, направлявшаяся к центральной соборной площади, улица от Егорьевских ворот. Кроме этих улиц, в документах упоминаются: Тупой переулок, Тупик, заострожный пригор к Духову монастырю, бугор против собора за Духовым монастырем, дворы против городской стены.

Трудно восстановить в воображении внешний облик старого Нижнего Новгорода и начертить хотя бы приблизительный план его посадов и слободок, так как многие улицы совершенно исчезли, другие же скрылись под давным-давно измененными названиями. Документы же, в частности «Писцовая книга» Лодыгина, дают одни только голые названия и только в некоторых случаях встречаются кое-какие путеводные признаки.

На Верхнем посаде, тотчас же после выхода из ворот Дмитровской башни, красовался «двор государев кабацкой, а в нем хоромы — горница на подклете, погреб с погребницею, изба пятерочная, поварня рубленая, изба казенная, где ставят питье». Почти бок-о-бок с «кабацким двором» — Благовещенский деревянный собор, а за ним, вытянувшись по «осыпи», «на полом месте над рвом» *, стояло до тридцати кузниц.

От площади Благовещенского собора и «государева кабацкого двора» веером расходилось несколько улиц, пересекаемых под разными углами другими улицами и переулками. От Георгиевской кремлевской башни шла улица «от Егорьевских ворот» — продолжение одноименной улицы в Кремле и проходила до деревянной Георгиевской церкви **, а, может быть, и дальше. В соседстве с нею проходили улицы Шилова, Спирина, Протопопова и Большая Печерская, тянувшаяся по направлению к Печерскому монастырю, который тогда находился значительно дальше от города. За Ковалихинским оврагом, в те времена еще не застроенным, находилась Варварская улица с деревянной церковью св. Варвары и рядом с нею Димитровская улица,

---

* Где сейчас тянется ул. Пискунова, бывш. Осыпная.

** Вероятно, современная Университетская улица; на месте церкви — гостиница.

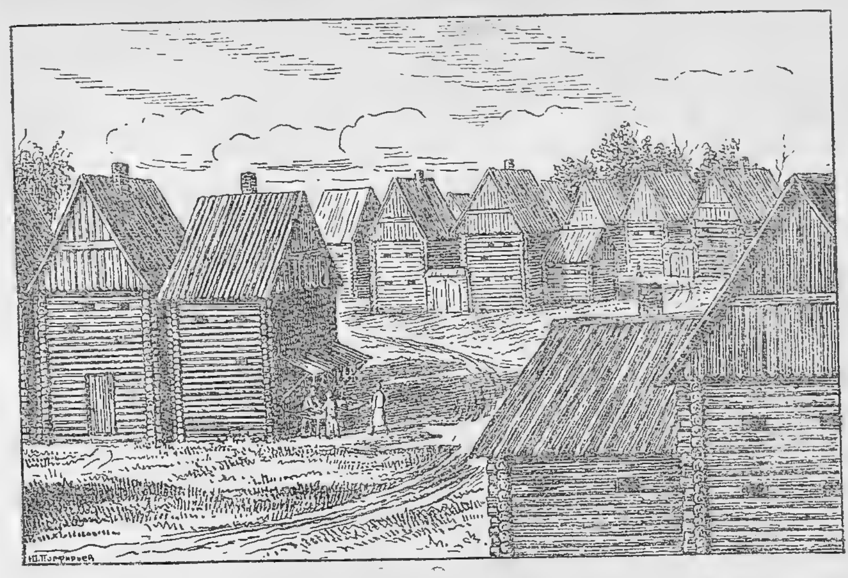

Рис. 17. Городская улица XVI—XVII вв.
По Олеарию.

совпадающая, возможно, с современной улицей Дзержинского. Эти две улицы пересекались улицей к Черному Поганому пруду. Тут же где-то были улица и слободка у церкви Афанасия и Кирилла, затем рынок «Мытный двор», за ним несколько тупиков и две Никольских улицы — «Большая» и «Другая». Строилась Студеная улица.

Перекинутый через овраг и речку Почайну мост соединял центральную часть Верхнего посада с улицами Почаинской, Плотничной, Большой Ильинской и одноименными им переулками, а также с улицей Телячьей (теперешняя Гоголевская) и Телячьей слободкой. С Большой Ильинской улицей соприкасались слободки Ямских охотников.

На Нижнем посаде были расположены: Большая Козьмодемьянская улица, слободка Зарядье — между Корельским и Луковым торговыми рядами; по берегу Волги — слободка Подвигалова, улица между Зачатьевским монастырем и «большими банями», Бережная улица, Боваев переулок, Старая Немецкая слобода, слобода «Нижегородских немец и Литвы», улица над Кадановым ручьем, улица Тюрина; ближе ко кремлевской стене — Стрелецкая слобода, Пятницкий конец, Большая улица к Зачатьевскому монастырю, Рождественский переулок, «улица от Поганого ручья», Подол, слободка Духова монастыря. В документах еще указывается ряд улиц и переулков, местонахождение которых установить невозможно.

Вблизи города находились: Печерская слобода, Подновье, Благовещенская слобода и Кунавинская слобода, жители которых — «мелкие тяглые люди» — кормились своим «рукодельем».

Город, построенный без всякого плана, с хаотической путаницей кривых улиц, переулков и тупиков, был сплошь деревянный. Его узкие, щелеобразные и загрязненные отбросами улицы в ненастную пору превращались в непроходимые хляби. На некоторых, наиболее оживлен-

ных, улицах были, впрочем, деревянные мостовые из грубо обтесанных бревен, о чем упоминают посещавшие город иностранцы, а также говорят и названия — «Мостовая улица», «Большая Мостовая улица».

В Нижнем Новгороде, с его сравнительно небольшим шеститысячным населением, было около тридцати церквей и восемь монастырей — пять мужских и три женских. Но, повидимому, не было ни одного училища, по крайней мере в документах XVI и начала XVII веков нет на это никаких указаний. Стоглав отмечает упадок грамотности: «Прежде сего училища бывали в Российском царствии на Москве и в Великом Новгороде и по инем градом многие грамоте, писати и пети и чести учили, потому тогда и грамоте гораздых было много и писцы и певцы и четцы славны были по всей земле и до днесь» (Стоглав, гл. 25). «Писцы и четцы» теперь ютились только в казенных приказах, церквах и монастырях, и грамотность стала достоянием очень немногих. Духовная культура и внешнее ее выражение — книжные сокровища — сосредоточились в нижегородских церквах и монастырях. Здесь хранились древние рукописи, книги московской и литовской печати — преимущественно богослужебные и религиозно-нравственного содержания — жития святых, святоотеческие творения и проч. Но изредка среди этой специфической церковной литературы попадались книги полусветского и светского характера — сборник «Зерцало», «Измарагд», «Прологи», «Маргарит», «Шестодневец», «Цветники». Но вся эта литература имела очень ограниченный круг читателей и за пределы монастырских стен не выходила.

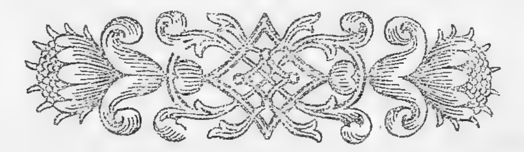
Общественная помощь многочисленной бедноте выражалась только в подаче милостыни. Правда, Н. И. Храмцовский говорит о шестидесяти богадельнях при нижегородских церквах, но вряд ли это были богадельни в обычном понимании, как дома призрения престарелых и беспомощных. Вернее всего, это были построенные самими «нищими и убогими» на церковной земле жалкие избенки, о чем свидетельствуют официальные документы при переписи этих избенок: «а в них живут нищие и кормятся милостынею».

Родзевич в своем «Очерке истории больниц в Нижнем Новгороде»* говорит, что при Благовещенском монастыре в XVI веке была деревянная больница, замененная в XVII веке каменной.

Если даже допустить, что в эту больницу принимали не только монахов, но и мирян, если допустить даже существование шестидесяти богаделен, то все же это были «крупицы, падающие со стола господ», ничтожные меры, не менявшие положения. Слишком было много у немногих и слишком мало — у многих. И в городе и в деревне налицо были ужасающие социальные контрасты, быстро назревал социальный кризис, который привел к крестьянским войнам XVII столетия.

---

*«Действия Нижегородской Губернской Архивной Комиссии», вып. 1, стр. 1—15.

ПРИЛОЖЕНИЯ И ПРИМЕЧАНИЯ.

ПРИРОДА.

[1] В «Рукописном житии преподобного Варнавы Ветлужского» говорится, что в древности Ветлужский край был густо заселенным, но татарское нашествие 1237 — 38 гг. превратило его в лесную пустыню. «Сия страна по берегу реки, зовомая Ветлуга, бысть пуста 253 лета и где было жилище человеком, пораете везде великими лесами и названа бысть Ветлужская пустыня и никем проходима, токмо немногими людьми, приходящими ради лова зверинного из пределов града Унжи». Указание о населенности довольно сомнительно.

«ПЕРЕДНИЕ» РУССКИЕ ГОРОДА.

[2] В настоящее время городецкий вал, вернее его остатки, порос старыми огромными соснами и местами застроен деревянными домишками. Внутри вала, в центре верхней части Городца — «озеро Свято», оно же «Светлое» и «Малый Китеж», с грязными и вязкими берегами. В древности, возможно даже во время городецкого изгнания князя Юрия Всеволодовича, на «Светлом озере» совершалось массовое крещение местных аборигенов-язычников. Как рассказывает предание, новокрещеные, выходя из воды, получали приготовленные для них и висевшие на ветвях сосен шейные кресты, отчего будто бы эти сосны получили название «крестовых». Крестовые сосны впоследствии сделались предметом религиозного поклонения местных жителей.

[3] О «чудесном явлении» и «чудесах» иконы совершено серьезно писалось в неофициальной части «Нижегородских Губернских Ведомостей». Архим. Макарий, автор статьи «Древнее историческое значение Городецкого Феодоровского монастыря» («Н. Г. В.», 1848 г., № 49) говорит, что прославленная чудесами в Городце икона Богородицы «чудесно сокрылась» после разорения Городца полчищами Батыя в 1239 году и «явилась» около Костромы князю Костромскому и Галичскому, Василию Ярославичу Квашне. Князь обнаружил икону во время выезда на охоту, на сосне. «Учуяли» икону княжеские собаки — «начаши псы лаяти притужно». Князь хотел снять икону с дерева, но она тотчас же поднялась на недосягаемую высоту, едва только протянулись недостойные руки «мирского человека». И лишь после того как из Костромы прибыл крестный ход, икона опустилась на руки костромского соборного протопопа и была торжественно водворена в церкви Феодора Стратилата. Прибывшие в Кострому городецкие жители узнали свою скрывающуюся «святыню» и поведали костромичам об ее городецких «чудесах». Костромичи не захотели расстаться с иконой, и она навсегда осталась у них.

РУСЬ И БУЛГАР.

[4] «В тоже [6671 — 1164] лето иде князь Андрей на болгары с сыном своим Изяславом и с братом своим Ярославом и с муромским князем Гюргем и поможе им бог и святая богородица на болгары, самих иссекоша множество, а стяги [знамена] поимаша и одва в мале дружине утече князь Болгарьский до Великого города. Князь же Ондрей возвратися с победою, видев поганые болгары избиты, а свою дружину всю сдраву; стояху же пеши с святою богородицею на полчище под стяги и приехав до святое богородици князь Андрей с Гюргем и со Изяславом и с Ярославом и со всею дружиною удариша челом перед святою богородицею и начаша целовать святую богородицу с радостью великою и со слезами, хвалы и песни воздающе ей; и шедше, взяша град их Славный Бряхимов, а впереди 3 города их пожгоша; се же бысть чудо новое святая богородица Владимерская, юже взял бяше с собою благоверный князь Андрей и принес ю с славою и постави ю во святей богородице Володимери в Златоверхой, идеже стоит и до сего дне» (Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку).

[5] «Тое же [6680 — 1172] зимы посла князь Ондрей сына своего Мстислава ?и Рязанский князь сына своего и Муромскый князь сына своего, бысть не люб путь всем людям сим, зане непогодье есть зиме воевати болгар и идучи не идяху. Бывшю же Мстиславу на Городци, совокупльшеся с братома своима с Муромским и с Рязанскым на усть Окы и ждаша дружины 2 недели и не дождавше, с переднею дружиною, Борису Жидиславичю воеводе в то время наряд весь держащю и въехаша в поганые без вести, взяша сел 6 и семое город, мужи иссекоша, а жены и дети поимаша. Слышавше же болгаре в мале дружине князя Мстислава пришедша идуща вспять с полоном, доспеша вборзе и поехоша на них 6000, за малым не постигоша их за 20 верст, князю Мстиславу с малою дружиною, а всю дружину пустивши от себе, и возврати от него бог поганые болгары, хрестьян покрыв рукою своею. Слышавше бо наши се, прославиша бога, заступи бо очивесть от поганых святая богородица и хрестьянская молитва: погании бо возвратившеся вспять, а хрестьяне хваляще бога, возвратившася во свояси» (Лаврент. лет., т. I, вып. 1).

[6] Летопись так сообщает о походе 1184 года: «В лето 6662 [1184] иде Всеволод со Изяславом Глебовичем, сыновцем [племянником] своим и с Володимером Святославичем и Мстиславом Давыдовичем и с Глебовичи Рязанскими, с Романом и с Игорем и с Володимером, и с Муромским Володимером, приде в землю Болгарьскую. И выйдя на брег, поиде к Великому городу, сторожем па пред ездящим. Оттоле же Белозерский полк отряди к лодьям, а воеводство да Фоме Лазковичю. Пошедшю же князю в поле, узреша наш сторожевой полк и мняху Болгарьскый полк. И приехоша пять муж из полку того и удариша челом пред князем Всеволодом и сказаша ему речь: кланяются, княже, половци Емякове, пришли есьмы со князем Болгарьскым воевати болгары. Князь же Всеволод сдумав с братьею своею и с дружиною, води их в роту половецкую, поима их, поиде к Великому городу. И перешед Черемисан в 1 день, наряди полки, а сам поча думати с дружиною. Изяслав же Глебович, внук Юрьев доспе с дружиною, возьма копие, потче к плоту, кде бяху пеши вои из города твердь учинивше плотом, он же возгнав за плот к воротам городным, изломи копие и ту удариша его сквозе брони под сердце, и принесоша еле жива в товары [таборы, лагери]. Болгары же из города из Собекуля и из Челлюта поидоша в лодьях, а из Торьцкого на конях и приехавшим им на лодье наши же с божьею помощию поидоша противу им, они же видевши, побегоша, а наши погнаша погани бохмиты и прибегше к Волзе в учаны [суда] и ту абие опровергоша учаны. И тако потопиша более тысячи их. Князь же Всеволод стояв около города 10 дни, видев брата изнемогающа и болгаре выславшеся бяху к нему с миром, поиде вспять к Исадом. И на Исадех бог поя Изяслава и вложиша и в лодью. Князь же Всеволод возвратися в Володимер, а кони пусти на мордву. А Изяслава привезше, положиша и у святое богородицы Володимери» (Суздальск. летопись по Лаврентьевскому списку).

ДОМОНГОЛЬСКИЙ БЫТ.

[7] С драгоценвыми камнями-самоцветами связывались «сказы» об их происхождении и таинственных свойствах. Так напр., об «анфраксе» — рубине (греч. ἄνθραξ — рубин) в «Изборнике Святославове» (1073 г.) говорится: «Анфракс зело червен есть образом, бывает же в Кархидоне [Карфагене?] Ливийсцем, иже наричется Африкия, глаголють же—не днею, а нощтию ся обретаеть, издалечя бо, акы дуплятица [лампада] или акы угль искрами мечьште и един час престане, разумевше же ищтющтеи его, яко то есть, идуть на блеск его и обрящтють, и посим же капеми любо ризами да обьеться [обвивается, обертывается] блеск его вне риз сияеть».

[8] «Егда же подпьяхуться, начняхуть роптати на князь глаголюще: зло есть нашим головам, да нам ясти древяными лжицами, а не сребряными. Се слышав Володимер, повеле исковати лжица серебряны ести дружине, рек сице: «яко сребром и златом не имам налезти дружины, а дружиною налезу сребро и злато, якоже дед мой доискася дружиною злата и сребра» (Лаврент. лет.).

[9] «Яко же бе кто грамоту цареву или княжю принесет в град, под рукою его сущим, не пытають жития принесшаго ю...но тех точию чьтомыя послушають... Да аще от земнаго князя толико внимание будеть, кольми паче зде внимати подобаеть вам, идеже ангелом владыка беседуеть...И никто же [да] не глаголеть, яко не празден есмь во иних делех... Ов рече: супруг волов хощю

испытати, ов же — села купленаго соглядати, ин жену пояти. А вы единаго часа не можете отлучити богови? Вопрошю же вы и отвещайте ми: аще злато или сребро по вься дни раздавали бых или мед, либо се пиво не бысте ли приходили и не призываеми и друг друга бысте варили?»

[10] П. Кеппен в «Списке русским памятникам, служащим к составлению истории художеств и отечественной палеографии, собранным и объясненным Петром Кеппеном», М. 1822., ссылается на хранившуюся в быв. императ. Петербургской публичной библиотеке (ныне Ленинградская б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина) рукопись XVII в. под названием «Алфавит», где под буквой «И» дается следующее объяснение слов «истукан», «истуканный»: «иже бе кая вещь облая, яко яблоко сотворена спаянием, а не валиячно [литое], то и глаголется истуканно. Сице бо и идолы творяху Еллины, и того ради идоли истуканнии наричутся, ино бо есть истуканное и ино изваяно, и ино валиячно и ино истесанное и выбойчатое».

Таким образом слово истукан производится от глагола стучать, выстукивать, выбивать молотком по наложенному на дерево металлу, вроде современной металлопластики.

[11] В «Летописи русской литературы и древностей», издававшейся Н. Тихонравовым, за 1861 г., т. III, в статье Тихонравова — «Начало русского театра», рассказывается о древне-русском обряде в Нижегородской губернии: «В Русалкино заговенье молодежь собирается на площади. Тут кого-нибудь наряжают лошадью, подвешивают под шею колокольчик, сажают верхом мальчика и двое мужчин ведут под уздцы в поле, а позади весь хоровод с громкими прощальными песнями провожает и придя в поле разоряет [раздевает] наряженную лошадь с разными играми: это значит проводить весну».

[12] В книге «Путешествие игумена Даниила по Святой земле в начале XII-го века (1113—1115)», издан. Археографическою комиссиею под ред. А. С. Норова, с его критическими замечаниями, СПБ., 1864, — в кратком описании рукописей, в которых помещено путешествие Даниила, указывается также экземпляр «Путешествия», находившийся в Нижегородском Благовещенском монастыре. Это полууставная рукопись XVI века, в малую четверть, без пометы листов, где вместе с «Житием Кирилла Белозерского» помещен «Паломник Даниила мниха, сказание о пути, иже есть к Иерусалиму и о градех, и о самом граде Иерусалиме, и о местех честных, иже около града, и церквах святых».

[13] Иоанн II, митрополит киевский (ум. в 1089 г.), грек из Византии, автор «Послания к папе Клименту» и «Правила церковного» или «Послания к черноризцу Иакову». Слог «Правил» очень неправилен и малопонятен, вероятно, потому, что писал это или сам Иоанн, плохо знавший русский язык, или же с написанных по-гречески «Правил» сделан перевод на русский человеком, плохо владевшим греческим языком. Из правил 7, 15, 21 и 31 видно, что в народных массах существовало убеждение, что церковное венчание приличествует только князьям и боярам, а простонародье может обходиться и без этого обряда, а также выявляется обычай у «крещеных» русских иметь по нескольку жен.

КНЯЗЬ ЮРИЙ И ЕПИСКОП СИМОН.

[14] «Того же [6719 — 1211] лета посла князь великий Всеволод по сына своего Константина в Ростов, дав ему по своем животе Володимер, а Ростов Юрью дая; он же [т. е. Константин, уже княживший в Ростове], не еха ко отцу в Володимерь, хотя взяти Володимерь к Ростову. Князь великий Всеволод собра всех бояр своих с городов и с волостей и епископа Иоана и игумены и попы и купцы и дворяны и вси люди и да сыну своему Юрью Володимерь по себе и води всех ко кресту и целоваша вси людье на Юрии, приказа же ему [т. е. поставив в подчинение] и братью свою. Константин же, слышав то и воздвиже брови своя со гневом на братью свою, паче же на Георгия»... (Воскресенск. лет.).

[15] В 1808 г. на месте Липицкой битвы, в лесу, под кочкой, был найден интересный памятник этой битвы — шлем Ярослава Всеволодовича. Шлем норманского типа — с остроконечной тульей, неподвижным забралом с выступом для носа и остатком железной маски («личина»). По верху шлема на овальной бляхе изображены орлы, соколы и гриффоны, сходные с изображениями на древне-норманских памятниках. На передней части тульи, надо лбом, вычекането на позолоченном серебряном листке изображение архангела Михаила со следующим текстом по ободку бляхи: «Великий архистратиже г-н [господен]

Михаиле, помози рабу твоему Феодору» (христианское имя Ярослава). Шлем, очевидно, был утерян Ярославом при бегстве его с поля битвы (Сообщ. журн. «Древняя и новая Россия», 1875, т. 1, стр. 92).

[16] «В лето 6700 [1192] месяца иуля в 28 день, на память святого мученика Евстафия в Анкюре Галатийской, быша постригы у великого князя Всеволода, сына Гюргева, внука Володимеря Мономаха, сыну его Гюргеву в граде Суждали того же дни и на конь его всади и бысть радость велика в граде Суждали, ту сущую блаженному епископу Иоану» (Лаврент. лет., т. I, в. 1).

[17] «Милостив же бяше паче меры, поминая слово господне: блажени милостивии, яко тии помилованни будуть, тем же и не щадяще именья своего, раздавая требующим и церкви зижа и украшая иконами бесценными и книгами и грады многы постави, паче же Новгород вторый постави на Волзе, усть Окы, и церкы созда и монастырь святая богородица Новгороде; чтяшеть бо излиха чернечьскый чин и поповьскый, подая им, иже на потребу, тем и бог прошенья его совершаше, исполни лета его в доброденствии» (Лаврент. лет., т I, в. 1).

[18] «Того же [6737—1229] лета Ярослав усумнися своего брата Юргя слушая некоих льсти и отлучи от Юргя Константиновича 3 — Василька, Всеволода, Володимера и мысляшеть противитися Юргю брату своему, но бог не попусти лиху быти, благоразумный князь Юрги призва на снем [съезд] в Суздаль и исправиша все нелюбье межю собою и поклонишася Юргю вси, имущи его отцем по себе и господином, целоваша крест сентября в 7 день, в канун рождеству святое богородици» (Лаврент. лет., т. I., в. 1).

[19] В назначении Симона на епископскую кафедру отразилась борьба Юрия с Константином. Когда умер суздальско-владимирский епископ Иоанн, то Константин пожелал иметь «собственного» ростовского епископа, а Юрий выдвинул на владимирско-суздальскую кафедру своего кандидата — Симона. «Того же [1214] лета князь Гюрги, сын Всеволожь, извед Симона игумена блаженного от Рождества святыя богородица и посла и в Киев к митрополиту и постави и епископом Суздалю и Володимерю» [Лаврент. лет., т. 1, в. 1].

НОВ-ГРАД НИЖНИЙ.

[20] «В лето 6728 [1220] князь великий Юрьи Всеволодовичь посла брата своего Святослава на безбожныя болгары и с ним посла полкы своя, а воеводство приказа Еремею Глебовичю; а Ярослав посла своя полкы из Переяславля, а Васильковии Констянтиновичю повеле Юрьи послати своя полкы, он же из Ростова полк посла, а другый со Устюга на верх Камы; посла же и к Муромьскым князем, веля им послати сыны своя, и посла Давид сына своего Святослава, а Юрьи Олга. И снящася вси на Волзе, на усть Окы, в насадех и в лодиях и оттоле идоша вниз, и бывшим на Исадех противу Ошлю, и выйдоша на брег. Изряди же Святослав полкы своя: Ростовскый по правой руце, а Переяславьскый по левой, а сам ста с Муромскими князи посреди, а ин полк остави у лодей. Сами же поидоша от берега к лесу и прошедшим им лес, выидоша на поля ко граду и усретоша их болгаре со князем своим на конех и поставиша полк на поли. Святослав же поиде к ним вборзе, они же постоявше мало, пустиша по стреле в наши и побегоша ко граду и вбегше во град, затворишеся. Князь же Святослав поиде вборзе ко граду; бе же острог утвержен около града, крепок тын дубов, а за тем два оплота и межи има вал ссыпан, а по тому валу болгары рыщуще, из заткания бияхуся. Князь же Святослав пришед ко краду и наряди людей вперед со огнем и с секирами и за ними стрелци и копейники, и приступи ко граду и бысть брань межи има крепка зело, и подсекоша тын, и рассекоша оплоты и зажгоша, их, а они побегоша в город; си же гониша их секуще до города, потом же приступиша ко граду отовсюду и зажегше его. И бысть дым силен зело и потяну ветр от града на полкы Святославли и не бе видети человеком в дыме и не могуще терпети дыма и зноя, паче же безводия и отступиша от града и седоша опочивати от многа труда. Рече же Святослав: «поидем с поветрея со другую страну града» и пришедше сташа противу вратомь града и рече им князь: «братие и дружино, сего дни нам двое предложити — ли добро или зло, да потягнем борже». И потече князь преди всех ко граду. Видевше же вои вси устремишася ко граду борже и посекоша тын и оплоты и с ту страну и зажгоша, а болгары побегоша в город, сии же погнаху их секуще и потом зажгоша град отовсюду. И объя

град огнь отовсюду. И бысть буря велия и страшно бысть видети и бысть во граде вопль велик зело. Князь же болгарьский выбежа инеми вороты и утече на конех в мале дружине и что пешец выбегло, мужи избиша, а жены и дети в полон взяша, а инии во граде погореша, а инии сами иссекоша жены своя и дети и потом сами ся избиша; нецые же от вой Святославлих дерзнуша внити в град корысти деля и едва утекоша пламени, а инии ту изгореша. Князь же Святослав стоя ту, дондеже весь град згоре и взяша же град Ошель июня 15 и поиде оттуда Святослав князь к лодиям своим. Бывшу же ему у лодей и воста буря с дождем, якоже и лодиям возместитися и потом нача буря тишитися и прииде князь Святослов в заветрие на остров с полкы своими и Муромскые князи с ним, туже и на ночь облеже. На утрие же обедавше, поидоша прочь вверх по Волзе.

Слышавше же болгары в Великом граде и во иных градех, яко и город их Ошель взят и печальни быша по велику зело и собрашася вси с князьми своими, овии на коних, друзии пеши и придоша на брег. Слышав же Святослав, оже болгары собравшеся, ждут его на Исадех, повеле же воем своим оболочитися во броня и стягы наволочити и наряди полкы в насадех и лодиях и поиде полк на полце, биюще в бубны и во трубы и в сопели, а сам князь по них поиде. Болгары же идуще по брегу, видяще своих ведомых, овому отцы, иному сын и дщерь, другому же братия и сестры и соплеменницы и стаху покивающе главами своими и стеняще сердце их и смежающе очи своя. Святослав же, минув Исады и ста на усть Камы и ту прииде к нему Воислав Добрыничь и Ростовци и Устюжане с множеством полона и с корыстию великою, те бо отпущени бяху прежь еще вниз идуще воевати по Каме и взяста по ней много городов, а сел несколько и пожгоша все, люди иссекоша, а иных во плен поведоша. Оттуда же посла Святослав весть перед собою ко брату своему Юрью и дошед Городца и выйде из лодей и поиде ко граду Володимерю на конех» (Воскресен. лет.)

21 Указываемая «Нижегородским Летописцем» дата на целых 9 лет расходится с хронологией Лаврентьевской летописи и не отвечает действительности. В 1212 году Юрий только что унаследовал великокняжеский стол и занят был упрочением своего положения и начавшейся борьбой с Константином и ему было не до постройки новых городов, да еще на чужой, не завоеванной земле. К показаниям «Нижегородского Летописца» нужно относиться с большой осторожностью. Это, в сущности, очень неряшливая компиляция из невыясненных пока источников, с частой путаницей в хронологии, событиях, личных именах и географических названиях. «Нижегородский Летописец», принадлежащий перу нескольких составителей, начат, повидимому, в конце XVII века и закончен в первой четверти XVIII в. «Авторы» обнаруживают неумелые попытки говорить «древним» языком, а переписчики — большую небрежность и малограмотность.

22 «Тое же [6737—1229] зимы месяца генваря в 14 день великый князь Гюрги и Ярослав и Костянтиновичи Василько и Всеволод и Муромьскый князь Гюрги Давыдовичь, вшед в землю Мордовскую, Пургасову волость пожгоша, жита потравиша, скоты избиша, полон послаша назад. А Мордва вбегоша в лесы своя, в тверди, а кто не вбегл, тех избиша наехавше Гюргеви молодии. То видевше, молодии Ярославли и Васильковы и Всеволожи, утаившеся, назаутрие ехаша в лес глубок, а Мордва, давше им путь, а сами лесом обыдоша их, избиша и, а иных изимаша, бежаша в тверди, тех тамо избиша. И князем нашим не бысть кого воевати.

А болгарьский князь пришел был на Пуреша ротника Юргева и слышав оже великый князь Юрги с братьею жжет села Мордовьская и бежа прочь ночи. А Юрги с братьею и со всеми полкы возвратишася восвояси добри здрави» (Лаврент. лет.).

23 «Месяца априля [1228 г.] придоша Мордва с Пургасом к Новгороду и отбишася их новгородци. И зажегше монастырь святое богородици и церковь, иже бе вне града, того же дни и отъехаша прочь, поимав своя избиеныя болшия».

«Того же [6737—1229] лета победи Пургаса Пурешев сын с половци и изби мордву всю и Русь Пургасову, а Пургас едва в мале утече» (Лаврент. лет.).

24 «Того же (6738—1230) лета, месяца мая в 3 день, на память святого Феодосия, игумена Печерьского, в пяток, во время святыя литургия чтому святому еуангелию в церкви соборней святыя богородици в Володимери потрясеся земля и церкы и трапеза и иконы подвижешася по стенам и паникадило с свещами и светилна поколебашася и людье мнози изумешася и мняхутся

тако, яко голова обишла коего их и яко друг к другу глаголаху, не вси бо разумеваху дивнаго того чудесе. Бысть же се во многих церквах и в домех господьских. Бысть же се и во иных городах и в Киеве граде велми болма того бысть потрясенье, а в монастыри Печерьском церкы святыя богородица каменная на 4 части раступися, ту сущю митрополиту Кирилу и князю Володимеру и бояром и кияном множеству и людем сошедшимся, праздник бо бяше от дне святого Федосья ту, и трапезницею потрясе каменною, спесену бывшю корму и питью, все то потре каменье дробное, сверху падая, и столы и скамьи, по обаче вся трапезница не паде, ни верх ея. Також и в Переяславли Руском церкы святого Михаила каменая расседеся на двое и пад перевод с кровлею трех комар и потроша иконы и паникадила с свечами и светилна. То все быть по всей земли единого дни, единого часа, в год святыя литургия, месяца мая в 3 день, в пяток 4 недели по пасце. Тако слышахом у самовидець бывших тамо в то время». (Суздальск. лет. по Лаврентьевскому списку).

НИЖЕГОРОДСКОЕ КНЯЖЕСТВО.

[25] Отчество Константина во всех списках «Нижегородского Летописца» почему-то Юрьевич вместо Васильевич. Это одна из многочисленных погрешностей «Летописца» — результат неряшливой и безграмотной переписки. Его особенно вопиющими нелепостями являются хронологические даты. Так, напр., нападение на Нижний мордвы в княжение Димитрия Константиновича датировано 1303 годом, когда этот князь еще и не родился и не существовало и самого Нижегородского княжества. Поражение нижегородцев царевичем Арапшей на р. Пьяне отнесено к 1317 году (лето 6825), т. е. на 60 лет раньше действительного события, а происшедшее в тот же год (1377) нападение Арапши на прикудемские селения и разгром его Борисом Константиновичем на р. Пьяне, «Нижегородский Летописец» датирует 1368 годом.

[26] Одна из поездок Андрея в Орду совпала с очередным дворцовым переворотом. «Того же [6869—1361] лета», — сообщает Воскресенская летопись, — «приидоша в Орду князь великий Дмитрий Костантинович, и брат его старейший Андрей и князь Костянтин Ростовский и князь Михайло Ярославский и бысть при них замятня велика в Орде: убиен бысть царь Хыдырь от своего сына Темирхожи и седе на царство на 4 день, а на 7 день царства его темник Мамай замяте всем царством его и бысть велик мятеж в Орде. А князь Андрей Костантинович в то время поиде из Орды на Русь и на пути удари на него князь Ратякозь и поможе бог Андрею Костантиновичю и прииде здрав на Русь»...

[27] Неоднократно упоминаемый в наших летописях город Бездеж находился где-то на Нижней Волге и существовал до XV века. О чуме 1364 года летопись говорит: «В лето 6872 [1364] бысть мор велик в Новегороде Нижнем. Тое же осени и тое зимы бысть и на люди мор велик в Переславле, на день умираше человек 20 и 30, иногда же 60 или 70, а иногда и сто. И болесть бе сица: преже яко рогатиною ударить за лопатку или под груди или межи крил и тако разболевся человек начнет кровию харкати и огнь зажже, и потом пот, и полежав един день или 2, а ретко того кои 3 дни, и тако умираху. А инии же железою умираху, железа же не у всякого бываше на единем месте, но овому на шии, а иному под скулою, а иному под пазухою, другому за лопадкою, прочим же на стегнах. Бысть же сие не токмо во единем месте или на граде Переяславли, но и во всех пределах его. Прииде же казнь сиа послана от бога на людей снизу, от Бездежа к Новугороду к Нижнему и оттоле к Коломне, также к Переславлю, потом же на другое лето к Москве, та же и по всем градам и странам бысть мор велик и страшен, не успеваху бо живии мертвых опрятывати, везде бе мертвии: в градех, в домех и у церквей, и бе туга и скорбь и плач неутешим, мало бо живых, но все мертвыя, погребаху бо во едину яму 5 и 6 мертвых, а инде 10 и боле, а двори мнози пусти быша и в иных един остася или два, ли женеск пол, ли мужеск, или отроча мало»... (Типографская летопись, стр. 123).

[28] Типографская летопись повествует о борьбе Димитрия и Бориса: «В то-же лето [6873—1356] июня 2 преставися князь Андрей Костянтинович Нижнего Новгорода в черньцех и в схиме и тамо положен бысть в церкви Великого Спаса и седе по нем брат Борис Костянтиновичь в Новегороде. Брат же его старейший Дмитрий Костянтиновичь прииде к Новогороду, хотя сести на княже-

ние, князь же Борис не сступися ему; он же иде к Москве к великому князю Дмитрею Ивановичю просити [себе] на него помощи... Тое же зимы прииде посол из Орды от царя Байрамхози и от царицы Асань и посадиша в Новегороде в Нижнем на княжении князя Бориса Констянтиновича. Князь великий Дмитрий Ивановичь посла в Новгород Нижний к князю Борису Костянтиновичю игумена Сергия, зовучи его на Москву к себе, да смирит его с братом его с князем Дмитрием; он же не поеде, игумен же Сергий затвори церкви в Новегороде. Князь же великий Дмитрий Ивановичь дасть рать свою князю Дмитрею Констянтиновичю и поиде на Новгород на брата своего князя Бориса; дошедшу же ему Бережца и ту срете и брат его князь Борис и доби ему челом; князь же Дмитрей Костянтиновичь седе в Новегороде, а брату князю Борису дасть Городець, а воя распусти»...

29 «Того же [6874—1366] лета придоша из Новогорода Волгою из Великого полтора ста ушкуев с разбойники с Новгородскыми, и избиша по Волзе множество татар и бессермен и ормен и Новгород Нижний пограбиша, а суды их и кербаты и павозкы и лодии и учапы и стругы все иссекоша и поидоша в Каму и проидоша до Болгар, такоже творяще и воююще» (Типографск. лет.).

30 «Того же [6882—1374] лета избиша в Новегороде Нижнем послов мамаевых, а с ним бе тысяща татар, а старейшину их, именем Сарайскую с прочею дружиною руками яша и ведоша во град». «В лето [6883—1375] князь Дмитрий Константинович повеле убити Сарайку и дружину его» (Типографск. лет.).

ПОД «ВЫСОКОЮ РУКОЮ» МОСКВЫ.

31 В подстрочном примечании на стр. 67—69 «Нижегородского Летописца» приводятся относящиеся к этому вопросу выдержки из письма П. И. Мельникова к А. С. Гацискому в 1877 году. П. И. Мельников писал: «По повелению царя Алексея Михайловича 27 ноября 1663 года, вместо воеводы Дмитрия Плещеева, был назначен в Нижний-Новгород воеводою Александр Петрович Салтыков... Александру Петровичу царским указом 27 ноября 1663 года велено было «взяти у Димитрия Плещеева городовые и острожные ключи [городом назывался кремль, острогов деревянных на земляных валах было два—старый и новый] и в государевой казне деньгам и всяким пушечным и хлебным запасам роспись за дьячьею приписью, а что в государеве цареве и великого князя Алексея Михайловича всея великия и малые и белые России самодержца казне, в съезжей избе по его, Александрова, приезде денег и указных грамот и прежних воевод и дьяков наказов и писцовых и дозорных и приходных и расходных книг, и сметных и ссудных вершеных и не вершеных всяких дел, и сколько какого в городе наряду и в казне всяких пушечных запасов и в житницах хлеба, и по той росписи с Димитрием Плещеевым пересмотрети все на лицо». Прием Нижнего Новгорода Салтыковым от Плещеева был кончен к Рождеству (25 декабря 1663 года) и вот что оказалось: Кремлевская Дмитровская башня имела три боя — верхний, средний и нижний; в верхнем бою: медная гладкая пищаль в станке на колесах, при ней 15 ядер по 7 гривенок (фунт) ядро; 63 затинные пищали, при них 54½ пуда железных ядер; в среднем бою медная гладкая пищаль на собаке, при ней 160 ядер по 2 гривенки ядро да 2 медных пищали в станках на колесах, но станки погнили и пищали лежат на собаках, к ним 327 ядер, по 1¾ гривенки ядро. На Дмитровской городовой стене (т. е. рядом с башней) две пищали: одна железная, на колоде, на колесах; при первой 41 ядро по 1¼ гривенки, при второй 220 ядер по гривенке. На Дмитровских воротах две пищали волконеи (испорченный в русском произношении термин фальконет), обе в станках, станки окованы, а колеса не окованы; при первой две пищали волконеи, обе в станках, станки окованы, а колеса не окованы, при первой 160 ядер, по $1^1/_4$ гривенки ядро, при второй 80 ядер, по $^3/_4$ гривенки каждая. В верхнем бою при пищалях был затинщик Ивашка Овдокимов, в воротах пушкарь Нефедко Сергеев; у Дмитровской башни и ворот было семь больших пищалей да 63 затинных. Кремлевская Спасская башня, вероятно названная по Спасскому собору (иначе: Пороховая, Кладовая(?),— между Дмитровской и Егорьевской, неподалеку от теперешних дворцовых ворот) была вооружена только в верхнем бою, где было 2 пищали: пищаль медная с окованным станком и колесами, с 140 ядрами по 1¼ гривенки, да медная волконея с окованным станком и колесами и 151 ядром по ¾ гривенки; пушкарь Родька Баженов. Алексеевская башня (иначе: Тверская (?) между Дмитровской и Николь-

ской) имела в верхнем бою пищали — полуторную медную, из Казани, на станке, при ней 15 ядер по 7 гривенок, медную волконею на станке с 150 ядрами по 1¼ гривенки; в среднем бою — пищаль медную, гладкую, на собаке, с 40 ядрами. Никольская башня, при ней ворота (теперь заложенные), имела в верхнем бою две пищали — полуторную медную, в станке, при ней 150 ядер по 4¼ гривенки да пищаль медную из Казани на станке, тоже с 150 ядрами, по 3¾ гривенки; эта пищаль перенесена с Ивановских ворот, а станок, на котором прежде стояла, остался на Ивановской башне; в среднем бою была пищаль медная волконея, на собаке, с 80 облитыми свинцом ядрами да с 180 железными ядрами по половине гривенки. В Коромысловой башне, в верхнем бою была одна пищаль волконея, станок окован, колеса не окованы, с 80 ядрами, по ¾ гривенки. Мироносицкая башня (ныне Тайницкая) имела в верхнем бою пищаль медную волконею, станок окован, колеса не окованы, с 112 ядрами по $^3/_4$ гривенки. Ивановская башня, с воротами, имела в верхнем бою две пищали волконеи медные, в станках, станки окованы, колеса не окованы; к одной пищали 250 ядер, по ¾ (гривенки) ядро, к другой — 140 облитых свинцом; при ней пушкарь Власко Овдокимов; в воротах пищаль гороховская (из Гороховца?) медная волконея, на ней орел, станок окован, колеса не окованы, при ней 44 ядра, по 1¼ (гривенки) каждая; другая пищаль в воротах медная волконея, станок окован, колеса не окованы, при ней 60 ядер, по ¾ гривенки. Егорьевская башня, с воротами, в воротах два железных тюфяка с кольцами, ядер нет. При остальных шести башнях не было орудий. Всего в Кремле было 22 пищали, 1675 ядер, из них 945 запасных, которые давно к орудиям не приходились, 63 затинных пищали с 54 $^1/_3$ пудами железных ядер; пороху пушечного было 182¼ пуда, пищального 147 пудов 7 гривенок. Самые большие орудия были семифунтовые, большею же частью — однофунтовые. Свинцу было 306½ пудов, серы горючей одна бочка, селитры под Алексеевской башней 7½ фунтов. Так как в запасе были сера и селитра, значит в Нижнем делали порох («зелье»), что доказывается и тем, что здесь был «зелейный» двор, название которого сохранилось в названии нынешнего Зеленского съезда. Копий с древками на городовой кремлевской стене оказалось 625, считая с теми, которые были поломаны. Из этого видно, что вооружены были на Верхнем посаде башни: Спасская, Дмитровская, Алексеевская, Никольская, Коромыслова, Мироносицкая, Ивановская и частью Егорьевская; сторона, обращенная к Волге, не была вооружена».

Общий внешний вид кремля изменялся более или менее существенно пять раз. Первый раз он был ремонтирован в 1653 году, причем на ремонт было взято из Нижегородского Печерского монастыря 33 руб. 10 коп. и 3 деньги. Второй раз в 1672 году, когда разинцы, взяв уже Макарьевский Желтоводский монастырь, угрожали Нижнему Новгороду. Третий ремонт-«реставрация», самый варварский и совершенно исказивший первоначальный архитектурный облик кремля, произведен при нижегородском наместнике и генерал-губернаторе фон-Ребиндере в 1788—99 гг. Тогда были разобраны, якобы за ветхостью, Борисоглебская и Духовская башни, заложены наглухо «проезжие» ворота Никольской и Георгиевской башен, понижены больше чем наполовину зубцы кремлевских стен и значительно уменьшена высота башен верхней части кремля. Протяжение кремлевских стен, после сноса Борисоглебской и Духовской башен и выпрямления северо-восточной части стен, сократилось до 985 сажен. Четвертое изменение произошло в 1835—40 гг., когда по распоряжению императора Николая I был засыпан окружавший кремлевские стены ров и вместо него разбит бульвар, а с территории кремля были убраны все частные дома и монастырские подворья и оставлены только церкви, здания правительственных учреждений, военного училища и военных складов. В пятый раз варварские руки безграмотных реставраторов коснулись кремля в 1896 году, когда по проекту архитектора Султанова древняя Дмитровская башня была переделана в стиле итальянской кампаниллы.

С нижегородским кремлем связано много различных легенд, преданий и «исторических» сказаний — о подземных ходах, таинственных темницах и узниках, о заживо погребенных людях, как, например, при постройке Коромысловой башни. Порой эти сказания принимают характер необузданной фантазии, как, напр., о подземном ходе из Кремля под волжским дном на левый берег Волги. Но некоторые имеют достаточное основание. В кремле действительно были тюремные казематы и даже пыточные камеры, но не в Тайницкой, а в Ивановской башне. О заключенных здесь в свое время людях имеются офици-

альные сведения. Работавшая в декабре 1899 года и январе 1909 г. под руководством С. М. Парийского комиссия по обследованию подземных частей Дмитровской башни и примыкающих к ней кремлевских стен выявила существование подземного кремля, но проникнуть далеко было невозможно, так как своды подземных галлерей обвалились.

32 И. А. Милотворский в своей статье «Путь Иоанна Грозного через Нижегородскую губернию во время его похода на Казань в 1552 г.» («Действ. Ниж. Губерн. Учен. Архивн. Комиссии», т. XIII, в. 3, стр. 1 — 20) цитирует это место так: «И того дни ночевал в лесу на реке Вететме и от города Поль 30 верст», и комментирует его чрезвычайно оригинально. «По словам летописи»,— говорит Милотворский, — «стан расположился в 30 верстах от города Поль, на вопрос — какой именно это был город, другого ответа, что этот город был Муром — дать не приходится, так как вполне естественно предположить, что исчисление пройденного пути велось от пункта отправления, а таким был Муром. Но почему он в летописи назван таким именем, объяснить трудно. Быть может он, как древний город, носил еще и это нарицательное имя от греческого слова «полис» (Πόλος). Дело гораздо проще. Если бы Милотворский пользовался «Патриаршей летописью» в издании Археографической комиссии (т. XII, изд. 1901 г.), то ему не пришлось бы ни изобретать «города Поль», ни искать корней этого названия в греческом языке. В летописи ясно сказано: «И того дни государь ночевал на лесу на реке Ветлуге от города [Мурома] пол-30 верст», в полной транскрипции — «пол-тридцать» верст, т. е. на половине третьего десятка, иначе 25 верст. Это обычная манера старо-русского счета — говорили полтретья пуда, т. е. 2½ пуда, полпяты деньги — половина пятой деньги или 4½ деньги.

МОНАСТЫРИ-ПОМЕЩИКИ.

33 «Степенная Книга» — один из самых замечательных летописных сводов XVI в., составленный на основании летописей и хронографов. Эта первая попытка ввести определенную систему в массу разрозненных летописных известий ограничилась установлением лишь великокняжеской генеалогии. Подробное заглавие «Степенной Книги» — «Сказание о святом благочестии русских началодержец и семени их святого и прочих» — заимствовано из первых строк введения «Книга степенная царского родословия, иже в Рустей земли во благочестии просиявших богоутвержденных скипетродержателей». Название «Степенная» объясняется расположением летописно-исторического материала по родословным степеням великих князей. Составленная с политически-агитационной целью — возвеличения и утверждения единодержавной царской власти, — «Степенная книга» представляет «историю» церковную и гражданскую, написанную выдержанным «житийным» стилем, с многочисленными эпизодическими вкраплениями «житий святых». Авторами «Степенной Книги» обычно считают московских митрополитов Киприана и Макария, первый начал, а второй закончил книгу. В первый раз она была издана Герардом Миллером в Москве, в 1775 году.

34 В грамоте сказано: «Се яз царь и великий князь Иван Васильевич всеи Руси пожаловал есми Благовещенского монастыря, что в Нижнем-Новгороде на Бичеве архимандрита Исаню з братею или хто по нем в том монастыре иный архимандрит будет, в Нижегородском уезде Стрелицкой деревней оброчного Гнилищенского села что была та деревня за нижегородцы за детми боярскими за Гришею за Булгаковым сыном Стечкина да за Нечайком за Козловым, а в ней девять дворов пашню пашут наездом, а оброку давали по книге нижегородских клюшников писма Василия Осорвина... сына Голодина, лета 7 тысячь пятьдесят третьяго по два пуда на год да пошлины. И архмариту [архимандриту] Исане з братею та деревня ведати и пашня пахати и лес сечи и сено косить на монастырь со всем, что к той деревне изстари потягло. А хто у них в той деревне учнут жити людей и крестьян и наши нижегородские наместницы и полковники и наместничи тиуны и все пошлинники ходят у них о всем по нашей жалованной уставной грамоте. А оброки им с тое деревни мне, царю и великому князю, з году на год давати по старине ж по два пуда меду да пошлин с пуда по пяти денег, а дати им тот оброк впервые в Нижнем-Новгороде ключником на Рождество Христово лета 7063. Дана грамота на Москве. Лета 7062 маия в 23 де[нь]».

35 «Се яз, царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии, пожаловал есмя Нижнего-Новгорода Вознесения Христова архимандрита Иякима з братею

или хто по нем иной архимандрит будет, дал в дом Вознесения Христова в Печерском монастыре в Нижегородском уезде оброчныя деревни — деревню Елну, пустошь Фроловскую, пустошь Черемисскую, что были те деревни и пустоши на оброце за Спасским протопопом за Марком з братею да деревню Федяеву [Федяково] что было на оброце за нижегородцы за посадцкими людми, за Боровом Ружаниновым с товарыщи, а по Петрову письму Му... рова да диака Дементия Случина на те деревни и пустоши положено оброку одиннадцать пуд и восемь гривенок [фунтов] меду... И яз, царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии, пожаловал Печерского монастыря архимандрита Иякима з братею или хто по нем в том монастыре иной архимандрит будет, теми деревнями и пустошми оброчными—деревнею Елною, а пустошю Фроловскою, да Черемисскою, да деревнею Федяевым со всеми угоди и оброк есмя с тех деревень и пустошей велели сложити и хто у них в тех деревнях и на пустошах учнет жити монастырских слуг и крестьян — и наместницы нижегородские и их тиуни и все пошлинные люди тех монастырских слуг и крестьян не судят ни в чем, опричь душегубства и разбоя и татьбы с поличным, а судит монастырских слуг и крестьян архимандрит сам во всем или кому прикажет, а случится суд сместный городцким или волостным людем с монастырскими людьми и крестьяны, ино их судят наши нижегородские наместницы и их тиуны и волостели, а архимандрит Ияким с ними же судит или кому прикажет, делятца по половинам, а кому будет на архимандрите или на монастырских слугах и крестьянех чего искати, ино их сужу яз, царь и великий князь, или наш дворецкий у кого будет Нижний Новогород в приказе»... (Из грамоты 7668—1560 г., 18/III).

[36] «Божиею милостию мы, великий государь, царь и великий князь Борис Федорович всеа Русии самодержец, и сын наш царевич князь Феодор Борисович всеа Русии, пожаловали есмя нашего царского богомолья Печерского монастыря, что в Нижнем-Новогороде, архимандрита Трифона з братею; били нам челом, а сказали, что у них в Нижегородском уезде и иных городех их монастырские вотчины, села и деревни, и починки, и пустоши, и рыбные ловли, реки и озера и всякие угодья в розни, да положили перед нами на те вотчины и на рыбные ловли и на всякие угодья прежних великих государей владимирских и московских и всеа Русии, и наши, великого государя, царя и великого князя Бориса Феодоровича, всеа Русии самодержца, жалованные грамоты и с писцовых книг выписи и данныя крепости, которые люди давали в Печерский монастырь вотчины свои по себе и по душам родителей своих. А в жалованных грамотах те их вотчины не писаны, и нам бы их пожаловати — велети те прежния жалованныя грамоты переписати на свое царское имя и со всех их монастырьских вотчинных крепостей монастырскую вотчину и всякие угодья велети написати в сее нашу жалованную царскую грамоту; и мы, великий государь, царь и великий князь Борис Феодорович, всеа Русии самодержец, и сын наш, царевич князь Феодор Борисович всеа Русия — Печерского монастыря архимандрита Трифона з братьею, или по нем в том монастыре иный архимандрит будет, — пожаловали, велели их монастырскую всю вотчину и рыбныя ловли и всякие угодья с прежних жалованных грамот и с данных крепостей в свою царскую жалованную грамоту написати, а вотчины их монастырские по жалованной грамоте блаженныя памяти великого государя, царя и великого князя Феодора Ивановича всеа Русии, старая их вотчина село Высокое з деревнями, да по жалованной грамоте блаженныя памяти великого государя, царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии, в Нижегородском уезде деревня Елня, деревня Федяево [Федяково], пустошь Орловская, пустошь Черемисское... Да по нашей жалованной грамоте старая их вотчина село Нагавицино. Да нашего жалованья пустошь Малыя Вишенки; да по выписи князя Федора Звенигородского да дьяка Василья Панова 108 [1600] году, за его Васильевою рукою, пустошь в Нижегородском уезде, за рекою за Волгою, на Княжем луге против Подгорнева песку Семенкинский покос Сермяжникова, да пустошь сенные покосы Рязанская грива по сторон реки Ватомы... В Нижегородском уезде деревня Кстоская [Кстово] с пустошми, а дал в Печерский монастырь тое деревню и пустоши князь Данило Борисович, да за рекою за Волгою починок Сопчино... Печерсково ж монастыря, по грамоте Фотея митрополита Киевского и всеа Русии, деревня, что была село Заборье. Да в Курмышском уезде пустошь, что было село Рубльское, пустошь, что было село Берентяево. Да по грамоте блаженныя памяти великого князя Василья Василь-

свича на ту митрополичью грамоту указано. Да по писцовым книгам Василья Борисова да подьячево Третьяка Аврамова 96 [1588] году в Нижегородском же уезде Печерсково монастыря слободка на ручью, слободка Подновье на реке на Волге, деревня Зелейцыно, деревня Сейма, деревня Селище. Печерсково ж монастыря в Нижегородском уезде рыбные ловли и бобровые гоны на реке на Ватоме и с падучими речками, и з заводьми и с озеры—озеро Пушково, озеро Глубокое, озеро Семитопное, озеро Заизбное, озеро другое Глубокое, озеро Расхотец, озеро Свято и с малыми озерками, а пожаловал в Печерский монастырь те рыбные ловли блаженныя памяти великий государь царь и великий князь Федор Иванович всеа Русии. Печерсково ж монастыря воды по выписи с книг за приписью дьяка Посника Димитриева 105[1597] году — вверх по Оке от верхнева рубежа до Подвязских вод, в лугу сельском, половина Чирятова озера, да озеро Торваник, да Расхотец сыстоком, а исток из него впал в реку в Сейму; да на Оке ж, повыше Сеймы, заводь Сеемская, да повыше тое заводи Власов песок, да озеро Симоново, а исток из него впал в озеро Чирятово. Да к той же половине дано место под двор на Чирятове озере длину 40 сажен, а поперег 15 сажен, для рыбныя ловли... Того ж монастыря воды в Урашемеском ухожье на луговой стороне — озеро Гнилое, озеро Поповое; воды под монастырем по Волге от верхнева рубежа Елинских вод — озеро Колодливое и с малыми озерки. Да луговой стороне против монастыря Волжска Заостровица, да два озера — озеро Бобровое да Борисово, да в Артемьеве луге на горной стороне Даниловское, озеро Святое, Мелкое, Лебедино, Лопонное, Расхотец да половина Гольнева истоку, да пониже Коровья взвоза Рожнов песок... Печерсково ж монастыря лес бортной в Мещерском ухожье, лес бортной Зеленцовской ухожай, лес бортной Кожуховской ухожай, лес бортной за рекою за Волгою, да за речкою за Ватомою... Печерсково ж монастыря в Самарском городе, на реке на Волге, воды с верхние изголови Тушина острова до нижние изголови Шехлемецкие заводи, да Шехлемецкая заводь до нижнего устья Самары реки, с озерками вниз по Волге, по верхнюю изголовь Васильчиковы воложки. Да по записи Нижегородсково Ермолы Васильева сына Кобылы да Никольского пономаря Ондрюши 73 [1565] году — в Балахонском уезде, в Узольской волости, в Везломской слободе пустошь, что была починок Сошников... Печерсково ж монастыря в Курмышском уезде нашего жалованья пустошь Фаяново, пустошь Хохлово, пустошь Опалево. В Курмышском же уезде по выписи Семейки Горышкина 99 [1591] году село Ягодное, да на враге на Нарнасеве и в Ковалеве дуброве монастырской бортной ухожей да деревня Перевоз на реке на Пьяне, деревня Селище на ключе, деревня Полянка на ручью, деревня Шпилева на речке на Кураче, пустошь, что было починок Медведков на той же речке, пустошь что была починок Орлов на Орловском враге. Печерсково ж монастыря по межевой выписи нижегородского писца дьяка Дементия Слугина 70 [1562] году на реке на Пьяне луг, что был в споре с Шершескою мордвою, в Курмышском же уезде, по правой грамоте за приписью дьяка Василья Жука, устье Шаргата врага — земля села Полянского, да села Кодливского, да слободки Фоминские, да по речке по Кардаше, вниз по Пьяне реке, на леве Кордины, земля монастырская, да по Пьяне по речке, вверх к тому же Шаргату врагу, на леве Пьяны реки, земли монастырские, а дал те земли в Печерский монастырь Юрий Алачин. Печерсково ж монастыря в Володимирском уезде, в Боголюбском стану, в Плесецкой волости погост да деревня Екимово, деревня Курово, деревня Кузнецово, деревня Выползово, деревня Семенкова, деревня Ручай, деревня Федулова, деревня Стафурово, деревня Гридино, деревня Малышево, деревня Бизимово, деревня, Ширшево, деревня Ларивонцово, деревня Кудино, деревня Ходяшево, деревня Боснево, деревня Кисляково, деревня Самгино, пустошь Вертоги, пустошь Беглище, пустошь Кузнево, — з бортными ухожаи и с рыбными ловлями и з бобровыми гоны и со всякими угодьи; а пожаловал тот погост с деревнями в Печерский монастырь блаженныя памяти великий государь, царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии, в отмен против их села Каднича да поля Запрудного. Печерсково ж монастыря по жалованной грамоте блаженные памяти великого государя, царя и великого князя Федора Ивановича всеа Русии — в Суздальском уезде, в Ополье, старая их вотчина село Кидекша з деревнями. Печерсково ж монастыря Толокопцевская пустынь, что в Нижегородском уезде за рекою за Волгою, а по памяти за приписью дьяка

вла Матюшина к тому монастырю селище, что был починок на Красной горке у реки у Везломы; монастырской же Спасский луг Долгой, да подле Павловских озер истоку восемь десятин, да по выписи с книг за приписью дьяка Посника Димитриева 105 [1597] году воды Спаские Толоконцевского монастыря в Толоконцевском лугу — озеро Юхром, да Маюхром с истоком, да Вихро с истоком, да Святое, да под монастырем озеро Кункино, да Тайново, да Расхотец, да Треугодное, да озеро Юхрец, да Шеметево с истоком, да озеро Павловское, да Миткино, да озеро Везлома с истоком, да Дьяконово. Да по той же выписи лес бортной Толоконцовского ж монастыря за Волгою Кандауровской ухожей, да в Островском лесу, да в Красном того ж монастыря и хто Печерского монастыря в селех и деревнях и на пустошах учнет жити людей и наши Володимирские, и Нижегородские, и Суздальские, и Переславские и их тиуни тех людей не судят ни в чем, опричь душегубства и разбоя и татьбы с поличным, ни кормов своих у них не емлют и не всылают к ним ни по что. А праведчики и доводчики поборов своих у них не берут и не въезжают к ним ни по что, а ведает и судит тех своих людей архимандрит з братию сами во всем или кому прикажут; а случится в суд смесной тем их людям з городовыми людми и со становыми, и наши наместницы и их тиуни судят, архимандрит з братьею или их прикащик с ними ж судят. А прав будет или виноват монастырский человек и он в правде и в вине архимандриту з братьею, а наместником и их тиунем до того дела нет; а городской и становой человек в правде и в вине наместником и их тиуном. А кому будет чего искати на архимандрите з братьею и на их прикащиках, ино их судит наш боярин и дворецкий Большова двора, а в духовном деле судит архимандрита з братьею отец наш и богомолец Иев, патриарх Московский и всеа Русии по правилом святых отец и по Соборному Уложенью. Также есмя архимандрита Трифона з братьею пожаловали, хто по архимандрита и по братью, и по их людей возведет или нашего пристава и пристав им наш пишет один срок в году в той же день по крещении Христове, а иных сроков на них не наметывает. А кто на них срок накинет сильно не по тому их сроку, и мы к тому сроку ездити не велели. А хто на них безсудную возмет не потому их сроку — и та безсудная не в безсудную. А наши ратные и проезжие люди у них монастырских крестьян сильно не ставятся, ни кормов не емлют, а боярские люди на пир и на братнины к ним незваны не ходят, а хто к ним на пир и на братнину придет незван, а они того вышлют вон беспенно, а хто их не послушает — вон не выйдет, учинится тут какова гибель, — им та гибель взяти на том без суда и без целованья. А куды поедет архимандрит з братьею и их люди зиме или лете судном с торгом, и по городам наши наместницы, и по волостем—волостели, и по мытом—мытники и все пошлинники мыта и явки и никаких пошлин с них не емлют. Дана ся наша царская жалованная грамота на Москве лета 7110 [1602], сентября 11-й день». Грамота эта подтверждена впоследствии царями Василием Шуйским, Михаилом Федоровичем, Алексеем Михайловичем, Иваном и Петром Алексеевичами.

[37] «Посошная служба» — денежная повинность с податной единицы — «сохи» — небольшой крестьянской общины, от трех до шестидесяти дворов. «Корм» — неурегулированные законом денежные и натуральные сборы на содержание должностных лиц: наместников и воевод — управлявших областями и уездами, волостелей — возглавлявших мелкие административные единицы — «волостки» (волости) и тиунов — низших служителей. «Праведчики» — судебные служители по взысканию, по приговору суда, казенных и частных долгов посредством «правежа», т. е. наказания розгами или плетью. «Доводчик» — присяжный сыщик, следователь; в распространенном смысле — доносчик, свидетель. «Пятно» — налог за казенное клеймо, накладывавшееся на рыночные товары особыми должностными лицами — «пятниками» или «пятенщиками». «Поворотное» — пошлина, сбор с дворовых и полевых ворот. «Подымное» — налог с жилых, отопляемых домов, с «дыма». «Портное», «портновое» — денежная повинность на расходы по шитью одежды для должностных лиц. «Мостовщина», «мостовое» — налоги на устройство мостов, гатей, переправ и дорог. «Шуковое» — от слова «шукать», — искать, — плата за розыски утерянного или похищенного. «Протыри» — пошлины и расходы по тяжбам и прочим судебным делам. «Розметы», «разметы» — разверстка налогов и податей на крестьян не тяглым душам».

[38] «А сверх, господине, грамоты ведомо отцу моему [illegible], от,

господине, тот лес ходил двадцать лет, а опричь, господине, отца моего ведомо людям добрым — мордве сторожильцем Учевату Елховитскому да Ивану Домошее Бакшеевскому да Узветю Лемесеву сыну, те, господине, сторожильцы знают и помнят из старины, что тот лес, где стоим, и земля — великого князя, а не монастырские, а се, господине, грамота моя и отец мой Рамстей и те сторожильцы, Учеват с товарищи, перед вами». Представители монастыря — архимандрит Илья и старцы Никита и Дементий — тоже предъявили «правую грамоту». И тогда судьи спросили мордовских «знахорей», Учевата, Ивана и Узветя: «скажите вы нам божью правду по своей вере по мордовской, чей тот лес, где мы стоим», — и Учеват тако рек: «сказати, господине, божия правда по своей вере по мордовской, яз был, господине, молод, а езживал есми, господине, со отцом своим по тем местам и отец мой, господине, говаривал про те лесы так: тевото места пригожи государю великому князю [т. е. казенные], а боле, господине, тех лесов не знаю и не слыхал есми, господине, про них ни от кого, а тому, господине, лет с пятдесят, как отца моего не стало, то, господине, мое и знахорство». А товарищи его, Иван Домошея да Узвет так рекли: «а за нами, господине, те же речи». Старый мордвин Рамстей показал: «лесы, где мы стоим, Шабанкерд остров, да лес Тогден, да лес Мелкий луг — из старины великаго князя Тумудеевской ухожай, а ходил его, господине, Шабала Поянзин сын, мордвин, а после, господине, Шабалы ходил его яз на себя лет з двадцать и у меня, господине, отнял тот лес архимандрит Никандр». И дальше — о подлоге со пчелиными бортями, Рамстей показал: «знамя монастырское [т. е. владельческий знак] — на луч с четырмя рубежи, а мое знамя на луч же с тремя рубежи, а было, господине, у меня в том лесе шесть дерев изделано и три дерева, господине, згорели, а на трех, господине, тот архимандрит з братею у меня то знамя на луч с тремя рубежами — стесали, а прибавили, господине, четвертой рубеж, а положили они на моем дереве свое знамя монастырское»... («Действия Нижегородской Губернской Ученой Архивной комиссии», т. XIV).

НА ГРАНИ XVI—XVII СТОЛЕТИЙ.

39. Закладничество — древне-русский феодальный институт — подчинение одного лица или группы лиц другим, имущественно более сильным, лицам. Подчинение это принимало характер, с одной стороны, — снискания личной и имущественной защиты и экономической помощи, с другой же — эксплоатации труда закладчика. Лица, прибегавшие к такой сомнительной помощи, назывались «закладнями» или «закладчиками». В закладчики попадали как отдельные лица — смерды, небогатые купцы, так и целые села. До XVI века наблюдается закладывание людей вместе со своим имуществом, прежде всего с землей. Со средины XVI в. акты говорят о многочисленных случаях личного заклада. Закладчик чаще всего оставался жить и работать на бывшем своем участке, но уже в качестве зависимого человека. В XVIII веке укрепившееся самодержавие начало упорную борьбу с закладничеством, как со способом уклоняться от государственного тягла, применяя кары вплоть до конфискации имущества и ссылки в Сибирь. В XVIII в. закладничество исчезло.

Захребетники — не несшие тягла люди, жившие за чужим тяглом, за «чужим хребтом». Они не несли «государевой службы», не входили в систему податного обложения, практиковавшуюся до Петра I. С установлением крепостного права, захребетники постепенно сливаются с общей массой крепостных дворовых людей.

40. «По Оке реке стрежень от межи Благовещенских вод, по нагорной стороне от Черемисского врага, а по луговой стороне от речки Молитовки, от верхнего устья вниз до устья Волжского; вниз по Волге по нагорной стороне по Печерские воды, по Коровей взвоз, а по луговой стороне по реку Везлому да вверх по реке ж Молитовке, по луговой стороне, три озерка безымянные да заводь Выстрица невелика; ниже Купавинской слободы, в Стрелице, озера: Баранцево Микитино, Мещерское с истоком; по Волге стрежень от Стрелицы вверх на заводь Золотуху, да воды ж, рыбные ловли, за рекою за Волгою, против Нижнего острова [острога?]; озеро Плоское малое, два озера Муромских с истоками озеро Хомутово, озерко Глубокое, озеро Горкинское, озерко Травкино, озеро Аристово, два озерка Стройки, озеро Луговое... («Писцовая книга» 1621—22 гг.).

ХРОНОЛОГИЯ СОБЫТИЙ ИЗ ИСТОРИИ НИЖЕГОРОДСКОГО ПОВОЛЖЬЯ X—XVI вв.

Даты

862 Первое упоминание в Начальной летописи о г. Муроме, как владении варяжско-русского князя Рюрика.

985 Поход воеводы киевского князя Владимира, Добрыни, на волжских булгар.

988 Владимир Киевский («Святой») садит на муромский княжеский стол своего сына Глеба.

1088 Взятие и разграбление Мурома булгарской ратью.

1095 Взятие Мурома сыном Владимира Мономаха, князем Изяславом.

1103 Поражение мордвою Муромского князя Ярослава Святославича.

1120 Набег на Булгарское государство князя Юрия Долгорукого.

1152 Основание великим князем владимирско-суздальским, Юрием Владимировичем Долгоруким, Городца-Радилова на Волге.

1154 Основание Городецкого Феодоровского монастыря.

1164 Поход на Булгар владимирско-суздальского великого князя Андрея Боголюбского; взятие и разграбление русскими булгарской столицы—«Бряхимова Славного».

1172 Зимний поход на булгарскую землю князей городецкого, рязанского и муромского.

1184 Поход на Булгар владимирско-суздальского великого князя Всеволода «Большое Гнездо».

1186 Поход на Булгар воевод Всеволода «Большое Гнездо».

1211 Созванный Всеволодом «Большое Гнездо» земский собор присягает назначенному преемником Всеволода великому владимирско-суздальскому князю Юрию Всеволодовичу.

1212 Смерть Всеволода «Большое Гнездо», вступление Юрия Всеволодовича на владимирско-суздальский великокняжеский стол и начало его борьбы со старшим братом Константином Всеволодовичем.

1216 Разгром Юрия Всеволодовича войсками Константина Всеволодовича и новгородского князя Мстислава Мстиславича «Удалого» в битве при р. Липице. Изгнание Юрия в Городец-Радилов.

1217 Константин Всеволодович возвращает Юрия Всеволодовича из городецкой ссылки и дает ему в удел Суздаль.

1218 Взятие булгарами русского города Гляденя и безуспешная осада города Унжи.

1219 Смерть в. к. Константина Всеволодовича и вторичное занятие Юрием Всеволодовичем владимирско-суздальского великокняжеского стола.

1220 Поход князя Святослава Всеволодовича и воеводы Воислава Добрынича на Булгар, взятие г. Ашли (Ошел) и разгром верхнекамских булгарских городов.

1221 Заключение с булгарами мира, по которому ко владениям владимирско-суздальского княжества отошло Волжско-Окско-Сурско-Пьянское междуречье (Мордовское Поволжье).

Основание Нижнего Новгорода.

Поражение мордвы-эрзя дружиной Юрия Всеволодовича около Нижнего Новгорода.

1226 Поход на мордву Святослава и Ивана Всеволодовичей.

1228 Осенний поход на мордву князя Василька Константиновича и воеводы Еремея Глебовича.

Зимний поход на мордву Юрия Всеволодовича.

1229 Набег на Нижний Новгород мордовского прявта Пургаса, разрушение Нижегородского посада и Благовещенского монастыря.

Разгром Пургаса «ротником» Юрия Всеволодовича, мордовско-эрзянским прявтом Пурешем-сыном, совместно с половцами.

1230 Землетрясение, отмеченное в Киеве, Владимире, Переяславле Русском и во многих пунктах Поволжья.

1232 Зимний поход на мордву князя Всеволода Юрьевича совместно с муромским и рязанским князьями.

Монгольская орда появляется на берегах Волги и осаживается постоянным станом около Булгара Великого.

1236 Завоевание и разгром монголами Булгарского государства.
1237 Завоевание монголами Рязанского княжества.
1238 Взятие войсками хана Бату г. Владимира и поражение русской рати на берегах р. Сити; смерть Юрия Всеволодовича.

Взятие монголами Городца-Радилова.

1239 Разорение Мурома и Нижнего Новгорода.
1240 Ярослав Всеволодович получает от хана Бату ярлык на Владимирско-Суздальское великое княжество.
1244 Путешествие в. к. Ярослава Всеволодовича на поклон к великому хану в Монголию и смерть его.
1246—48 Владимирско-суздальский великокняжеский стол занимает Святослав Всеволодович.
1248—52 Владимирско-суздальским великокняжеским столом владеет городецкий князь Андрей Ярославич.
1281—94 Борьба за Владимирско-Суздальское великое княжество между сыновьями Александра Невского, Андреем и Димитрием.
1296 Съезд князей во Владимире для разрешения спора между князем Андреем Александровичем и его племянником, Иваном Димитриевичем.
1303 Второй княжеский съезд в Переяславле Залесском для разрешения спора между Андреем Александровичем и Иваном Димитриевичем.
1304 Смерть Андрея Александровича в Городце.
1328—30 Основание Нижегородского Печерского монастыря и возможное основание Печерской слободы.
1350 Основание правнуком Ярослава Всеволодовича, суздальским князем Константином Васильевичем, самостоятельного Нижегородского великого княжества.
1350—55 Вероятное основание с.с. Высокова, Бора, Ельни, Сопчина, Запрудного, Разнежья и Константинова.
1355 Смерть нижегородского в. к. Константина Васильевича и вступление на нижегородский стол его сына, Андрея Константиновича.
1364 Чума в Н. Новгороде и в Поволжье.
1365 Смерть в. к. нижегородского Андрея Константиновича.

Третий сын Константина Васильевича, князь городецкий Борис, нарушая права старшего брата Димитрия, захватывает нижегородский великокняжеский стол.

При помощи Москвы Димитрий Константинович получает Нижегородское великое княжество, а Борис Константинович возвращается в Городец.

1366 Набег на Н. Новгород новгородских ушкуйников.

Набег в пределы Нижегородского княжества ордынского мурзы Булак-Темира.

1369 Набег нижегородско-городецкой рати в пределы бывшего Булгарского государства.
1372 Начало постройки каменного нижегородского кремля («Верхнего города») и сооружение Дмитровской башни.

Основание городецким князем Борисом Константиновичем на реке Суре города-крепости Курмыша и вероятное основание сел Кадниц и Нового.

1375 Убийство в Нижнем Новгороде золотоордынского посла Сарая и его свиты.

Карательный поход татар на Нижегородское княжество и разорение ими правобережья.

1377 Разгром нижегородско-московских войск татарским царевичем Арапшей на р. Пьяне (1/VIII).

Разорение Арапшей Н. Новгорода и его окрестностей (5/VIII).

Зимний карательный поход князя Бориса Константиновича против Запьянской мордвы за участие ее в набеге Арапши.

Составление древнейшего летописного свода—«Лаврентьевской летописи» по поручению в. к. нижегородского Димитрия Константиновича.

1378 Набег войск хана Мамая на Нижегородское княжество, разорение Н. Новгорода.
1383 Смерть Димитрия Константиновича и занятие нижегородского великокняжеского стола Борисом Константиновичем.

1388 Борис Константинович уступает Н. Новгород сыну Димитрия Константиновича, Василию-Кирдяпе, и удаляется в Городец.
1389 Борис Константинович в третий раз занимает нижегородский великокняжеский стол.
1392 Ликвидация Нижегородского великого княжества московским великим князем Василием Димитриевичем, арест и ссылка Бориса Константиновича.
1399 Взятие и разорение Н. Новгорода сыном Димитрия Константиновича, Симеоном, при помощи казанских татар.
1431—34 Основание на Волге Макарьевского Желтоводского монастыря.
1439 Разорение Макарьевского монастыря казанским ханом Улу-Махметом.
1445 Хан Улу-Махмет захватывает Н. Новгород и прочно основывается в нем.
1446 Нижегородские воеводы Долголядов и Драница зажигают осажденный Улу-Махметом «Меньшой город» (Кремль) и бегут к московскому князю Василию Васильевичу «Темному».

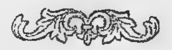
Разгром войска московского в. к. Василия Васильевича под Суздалем войском Улу-Махмета и взятие в плен Василия Васильевича.

Улу-Махмет оставляет Н. Новгород и уходит со своим войском в Курмыш.

1449 Первый поход войск московского в. к. Ивана Васильевича III на Казанское царство и разорение Чувашской земли.
1470 Поход русских войск на Казань под начальством выбранного в Н. Новгороде воеводы Ивана Руна.
1471 Поход через Н. Новгород московских войск на Казань, поражение казанцев и заключение мира.
1479 Основание города Балахны.
1505 Постройка в Нижнем Новгороде нижней каменной цитадели («Нижнего города») и сооружение Тверской (Ивановской) башни.
1505 Нападение на Нижний Новгород казанского хана Махмет-Амина и разгром его войска нижегородской крепостной артиллерией.
1508—11 Сооружение Пьетро Франческо всего каменного нижегородского кремля.
1535 Поход на Казань московско-нижегородского войска и основание Васильгорода (Васильсурска).

Казанский хан Сафа-Гирей опустошает окрестности Нижнего Новгорода.

1536 Нападение Сафа-Гирея на Балахну.
1537 Безуспешная осада Мурома войсками Сафа-Гирея, разорение татарами окрестностей Мурома.
1545 Поход русских войск, под начальством воевод Пункова, Шереметева и Палецкого, на Казань и поражение татар под Казанью.
1548 Поход русских войск, под начальством воеводы Бельского, на Казань и поражение Сафа-Гирея.
1551 Поход на Казань и основание города Свияжска.
1552 Взятие Казани войсками московского царя Ивана IV и ликвидация Казанского царства.
1597 Разрушение Нижегородского Печерского монастыря вследствие оползня.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА И ПОСОБИЯ.

I. ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ПЕРВОИСТОЧНИКИ, ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ ПИСЬМЕННОСТИ И УСТНОГО НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА.

Полное собрание русских летописей в издании Археографической Комиссии.
Акты Археографической Комиссии.
Изборники Святославовы 1073 и 1076 гг.
Патерик Киево-Печерский.
«Житие и хоженье Даниила Руськыя земли игумена», или путешествие игумена Даниила по Святой земле в начале XII века (1113—1115). Изд. Археографич. Комиссии под ред. А. С. Норова, Спб., 1864.
Слово о полку Игореве.
Даниила Заточника моление ко князю своему Ярославу Всеволодовичу.
Слово некоего Христолюбца и наказание отца духовного.
Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград.
Слова Серапиона, епископа Владимирского.
Житие Антония Римлянина.
Русские былины.
Сказание о Петре, царевиче Ордынском.
Де-Рубрук, Вильгельм — Путешествие в восточные страны Вильгельма де-Рубрук в лето благости 1253.
Герберштейн, Сигизмунд—Записки о московитских делах. Спб., 1908 г.
Жития святых, составленные архиепископом Макарием.
Книга Большего чертежа («Книга, глаголемая Большой чертеж»).
«Степенная Книга» («Сказание о святом благочестии русских началодержец и семени их святого и прочих»).
Флетчер, Джильс. — О государстве Русском, или образ правления русского царя, обыкновенно называемого царем Московским, с описанием нравов и обычаев этой страны. Спб. 1905.
Стоглав.
«Жалованные грамоты», дарственные записи, «Разъезжие» или «Правые» грамоты, купчие крепости, кабальные записи, нижегородские, арзамасские, балахнинские «Писцовые книги» и прочие документы XV—XVII столетий, опубликованные в I — XVIII тт. «Действий Нижегородской Губернской Ученой Архивной Комиссии».
«Нижегородский Летописец», работа А. С. Гациского, Н. Новгород, 1886.
Акты Нижегородского Печерского монастыря.
«Писцовая книга Письма и меры Димитрия Васильевича Лодыгина, Василия Ивановича Полтева и дьяка Дементия Образцова 7129—7130 [1621—1622] году».

II. ОБЩИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И МОНОГРАФИИ.

Татищев, В. Н. — История Российская с древнейших времен неусыпными трудами через тридцать лет собранная и описанная покойным тайным советником и Астраханским губернатором Василием Никитичем Татищевым («Древняя летопись русская»). М. 1848.
Карамзин, Н. М. — История государства Российского.
Погодин, М. П.—Древняя русская история до монгольского ига. М. 1872.
Соловьев, С. М. — История России с древнейших времен.
Ключевский, В. О. — Курс русской истории.
„ История сословий в России.
„ Боярская дума.
„ Жития святых, как исторический источник.
Строев, П. — Ключ или алфавитный указатель к «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, составленный и ныне дополненный, исправленный и приспособленный к пятому ее изданию П. Строевым и двадцать четыре составленные Карамзиным и Строевым родословные таблицы князей Российских. Спб., 1844.
Аристов, Н. — Промышленность древней Руси. Спб., 1866.
Кеппен, — Список русским памятникам, служащим к составлению истории художества и отечественной палеографии, собранным и объясненным Петром Кеппеном. М., 1822.

Барсов, Н. П. — Очерки русской исторической географии. География Начальной (Несторовой) летописи. Варшава, 1885.

Барсов, Н. П. — материалы для историко-географического словаря России. I. Географический словарь Русской земли. (IX—XIV вв.).

Бахтиаров, А. А. — История книги на Руси. Спб., 1890.

Голубинский, Е. Е. — История русской церкви. Т. I. Первый, Киевский, или домонгольский период. М., 1881.

Аничков, Е. П. — Язычество и древняя Русь. Спб., 1914.

Экземплярский — Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, тт. I и II.

Паозерский, М. Ф. Русские святые перед судом истории. М. — Петрогр., 1923.

Грабарь, Игорь. — История русского искусства.

Кеппен, Ф. — Материалы к вопросу о первоначальной родине и первобытном родстве индо-европейского и финно-угорского племен. Спб., 1886.

Donner, O. — Die gegenseitige Vermandschaft der Finnischen-Ugrischen Sprachen. (Взаимное родство финно-угорских языков).

Смирнов, И. Н. — Мордва. Историко-этнографический очерк. «Известия О-ва Археологии, Истории и Этнографии при импер. Казанском университете», т. X, вып. 1, 2 и 6, Казань, 1892.

Хвольсон, Д. А. — Известия о хозарах, буртасах, мадьярах, славянах и русах—Абу-Ахмед-Бен-Омар-Ибн-Даста, неизвестного доселе арабского писателя начала X в., по рукописи Британского музея, Спб., 1896.

Погодин, М. П. — Атлас древней Русской истории. М., 1871.

Ржига, В. Ф. — Очерки из истории быта домонгольской Руси. «Труды Государств. Историч. музея». Вып. X, М., 1929.

Пресняков, А. Е. — Образование Великорусского государства. Петрогр., 1918.

Орлов, А. С. — Библиография русских надписей XI — XV вв. Изд. Академии Наук СССР. Л. 1936.

Афанасьев, П. — Хронологическое образование Российской истории. М. 1821.

Бережков, М. — О торговле Руси с Ганзой до конца XV века. Спб., 1879.

Берг, Ф. Н. — Нечто о древности деревянных построек и резьбы в Волжском крае, Спб. 1882.

Майков, Л. Н. — Заметки по географии древней Руси. Спб., 1874.

Веске, М. И. — Славяно-финские культурные отношения по данным языка «Изв. О-ва Археологии, Истории и Этнографии при имп. Казанском ун-те», т. VIII, вып. 1, Казань. 1890.

Корсаков, Д. А. — Об историческом значении поступательного движения великорусского племени на восток. Казань. 1889.

Корсаков, Д. А. — Меря и великое княжество Ростовское. Казань, 1872.

Крымский, А. — Введение к чтению Ибн-Фодлана. М. 1904.

Гаркави, А. Я. — Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. Спб. 1870.

Вернадский, Г. В. — О движении русских на восток. «Научно-историч. журн.» 1913, № 1.

Вернадский, Г. В. — Против солнца. Распространение Русского государства к востоку. «Русская мысль», 1914, № 1.

Булгаковский, Д. Г. — Вино на Руси по памятникам народного творчества, литературного и художественного. Спб., 1902.

Кандаков, Н. — Русские клады. Исследование древностей великокняжеского периода Спб. 1896.

Срезневский, И. И. — Древние памятники русского письма и языка. Спб. 1882.

Некрасов, А. И. — Очерки по истории древне-русского зодчества XI — XVII века. Изд. Всесоюз. Акад. Архитектуры. М. 1936 г.

III. ПЕРИОДИЧЕСКИЕ И СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ.

Известия Археологической Комиссии.

Древняя и Новая Россия, журн.

Русский вестник »

Русская старина журн.
Русская мысль »
Исторический вестник »
Борьба классов »
Чтения в обществе истории и древностей Российских.
Русский биографический словарь.
Большая Советская Энциклопедия.
Малая Советская Энциклопедия.
Энциклопедический словарь Брокгауз—Эфрон.
Энциклопедический словарь Гранат.
Географо-статистический словарь Российской империи. Под ред. П. П. Семенова.
Даль, Вл. — Толковый словарь живого великорусского языка. Летопись русской литературы и древностей, изд. Н. Тихонравовым. 1861—63.

IV. МЕСТНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Гацисккй, А. С. — Нижегородка.
Мельников, П. И. — Нижегородские великие князья. «Нижегор. Губ. Вед.», 1847.
Мельников, П. И. — Очерки истории мордвы.
Мельников, А. П. — Исторический очерк Нижегородского края. Н. Новгород, 1899.
Мельников, А. П. — К трехсотлетию Смутного времени. Нижний Новгород и Нижегородский край. I. Исторический очерк Нижнего Новгорода. II. Этнографический очерк Нижегородского края. М., 1911.
Храмцовский, Н. И. — Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода. В двух частях. Н. Новгород, 1857—59.
Милотворский, И. А. — Нижний Новгород, его прошлое и настоящее. (Краткое описание исторических событий Нижнего в связи с историей всего Нижегородского княжества и Нижегородской губернии). Н. Новгород, 1911.
Нижегородский краеведческий сборник. Т. II. Н. Новгород, 1929.
Макарий, архим. — Древности Нижегородской епархии.
Макарий, иером. — Сказание о жизни и чудесах преподобного Макария Желтоводского и Унженского.
Белов, Евг. — Казань — Нижний Новгород — Кострома. Кострома. «Культурные сокровища России», вып. 4-й, М. 1913.
Историческое описание Феодоровского Городецкого монастыря и о минувшем политическом значении с. Городца. Н. Новгород, 1890.
Ушаков, Н. Н. — Спутник по древнему Владимиру и городам Владимирской губернии. Владимир, 1913.
Тихомиров, Е. Н — Владимирский сборник. Матерналы для статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губернии. М., 1857.
Историко-статистическое описание Нижегородского Печерского Вознесенского мужского монастыря. Н. Новгород, 1887.
Званцев. М. П. — Домовая резьба. Изд. Всесоюз. Акад. Архитектуры М., 1936.
Нижегородские сборники, тт. I—X, под ред. А. С. Гацисккого. «Нижегородские губернские ведомости».
Херсонский, И. К. — Рукописное житие преподобного Варнавы Ветлужского. Кострома, 1890.

V. ИЛЛЮСТРАТИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ.

Памятники древне-русского зодчества. Худож. альбомы, составлены В. В. Сусловым. Вып. I—V. Изд Акад. Художеств.
Гагарин, Г. Г. — Собрание византийских и древне-русских орнаментов. Спб., 1887.
Аделунг. — Рисунки к путешествию по России римско-императорского посланника, барона Мейерберга в 1661—1662 гг. Спб., 1827.
Анисимов, А. И. — Домонгольский период древне-русской живописи. «Сборник центр. государств. реставрационных мастерских». М., 1928 г.

СОДЕРЖАНИЕ.

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
34	13 сверху	мурзажецкие	мурзамецкие
54	10 снизу	выдают	ведают
123	20 снизу	барщине несли	барщине, несли
132	5 сверху	имели	имали
138	11 снизу	не отгораживались	не отгораживали
142	3 сверху	над 7069	под 7069
145	6 „	мучники	лучники
146	21 „	до крестика	до перекрестка
159	21 „	Ветлуге	Велетьме
169	12 „	Жердинские	Жедринские
169	22 „	Ибн-Фослан—стр. 31	Ибн-Фослан—арабский путешественник и географ, стр. 31.
169	18 снизу	историк IV в.	историк VI в.

